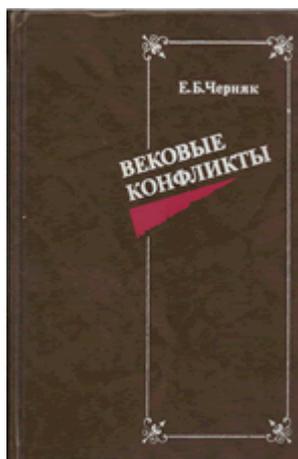


# Ефим Борисович Черняк

## Вековые конфликты



«Вековые конфликты»: Международные отношения; Москва; 1988  
ISBN 5-7133-0116-8

### Аннотация

*Раскрываются исторические корни важнейшей проблемы нашего времени - война или мирные отношения между различными государствами и народами. Предпринята попытка рассмотреть эту проблему на материале всемирной истории. Анализ ведется на примерах столкновения Древнего Рима и раннего христианства, Византии и Арабского халифата, средневековых папства и империи; на примерах войн, участниками которых выступали турецкие янычары и германские ландскнехты, британские пираты и испанские инквизиторы, а в новейшее время - силы реакции и национального и социального освобождения. Убедительно показано, что борьба различных социальных систем с использованием военно-силовых методов ставила препятствия на пути общественного прогресса, но не меняла неотвратимого хода истории. В этом полемическая заостренность новой книги известного советского историка.*

**Ефим Борисович Черняк**

**Вековые конфликты**

### От автора

Реальности ядерной эпохи выдвинули на передний план проблему самого выживания человечества. Узловой вопрос нашего времени - быть войне или миру - пробуждает особый интерес к опыту прошлого, к урокам, которые можно извлечь из многовекового сосуществования и длительных конфликтов стран, народов, социальных слоев в сфере международных отношений. С такими вековыми конфликтами тесно связаны многие важнейшие события всемирной истории. Они находили выражение в столкновении Древнего Рима и раннего христианства, Византии и Арабского халифата, средневековых папства и

империи, в гибели испанской Непобедимой армады, посланной для подчинения «еретической» Англии, или Варфоломеевской ночи - когда были истреблены тысячи французских гугенотов. Участниками конфликтов выступали германские ландскнехты и турецкие янычары, британские пираты и «святая» инквизиция, римские папы времен контрреформации, Елизавета I и Генрих IV, Уильям Питт Младший и французские якобинцы, Черчилль и Гитлер - этот список можно продолжить, доведя его до современности. В наше время, хотя мирному сосуществованию нет разумной альтернативы, его противники, пытаясь доказать неизбежность нового наступления «холодной войны», нередко прибегают к доводам от истории, опираясь на свое толкование опыта прошлого, на прежние идеологически окрашенные вековые конфликты, нередко перераставшие в длительные военные столкновения, которые затрагивали все стороны экономической, политической и духовной жизни общества. Уроки, которые извлекают реакционные западные политики и ученые из истории вековых конфликтов, в целом сводятся к следующему. Вековые конфликты - это, мол, форма вечной борьбы между «добром» и «злом». В современную эпоху - это противостояние между «добродетельным» капитализмом и «злокозненным» социализмом. Вековые конфликты, по мнению тех же политиков и историков, служили даже средством ослабления международной анархии. Они могли быть разрешены только военным путем. Реакционные политики утверждают, будто смягчение вековых конфликтов могло стать прочным только в результате фундаментальных односторонних уступок одной из сторон, а именно передового лагеря. Но и в этом случае оно якобы подрывалось революционными изменениями социального и политического строя в отдельных странах, которые деформировали всю систему международных отношений. В этой связи американский реакционный историк Р. Пайпс писал, что мирное сосуществование между США и СССР невозможно без кардинальных изменений в советском строе. В 1981 году Пайпс, являвшийся тогда высокопоставленным сотрудником Совета национальной безопасности США, объявил, что, если не последует отказа СССР от социалистической идеологии, «неизбежна» третья мировая война. Опыт всемирной истории, считают реакционные ученые, будто бы свидетельствует о том, что путь к миру лежит через гонку вооружений, через утверждение главенства США в капиталистическом мире, через проведение Западом политики «с позиции силы», через контрреволюционный интервенционизм, через попытки принуждения социалистических стран к коренным изменениям своего общественного и политического строя. Однако действительно ли опыт истории дает основание для таких выводов? Попытку дать ответ на этот вопрос читатель и найдет в этой книге. В первых главах, носящих в известной мере вводный характер, излагается история конфликтов переходной эпохи от рабовладельческой к феодальной формации, от античности к средневековью и периоду развитого феодализма. Речь пойдет не только о межформационных, но и о вну-триформационных вековых конфликтах, в которых сталкивались страны, находившиеся на различных стадиях развития одной и той же общественно-экономической формации, и в которых возобладали разные мировые религии. Следующая группа глав посвящена вековым конфликтам эпохи Возрождения и Реформации. В нескольких главах прослеживается процесс перенесения в сферу межгосударственных отношений противостояния между протестантизмом и контрреформацией. Далее анализируются влияние этого расширявшегося и углублявшегося конфликта на всю общественную жизнь Западной и Центральной Европы, основные этапы противостояния, растянувшегося на полтора столетия, сопровождавшие его войны и гражданские войны в ряде стран. Далее в главах представлен анализ причин, приведших к тому, что противоречия между Францией в годы великой революции конца XVIII века и европейскими монархиями приобрели характер длительной вооруженной конфронтации, контрреволюционного интервенционизма Священного союза. Наконец, последняя большая часть книги возвращает читателя к более знакомым ему проблемам современной эпохи. Здесь рассказывается о преломлении исторического спора между социалистической и капиталистической системами в сфере межгосударственных отношений с первых лет после Октября и вплоть до наших

дней. Все это и составляет основу для осмысления реальных уроков, которые можно извлечь из изучения вековых конфликтов.

## Святой престол и Священная империя

"Наша эра" начинается с года, к которому христианская традиция относит время рождения Иисуса Христа. Можно было бы, однако, считать этот год датой - пусть условной - не только возникновения одной из мировых религий, но и начала векового конфликта, отметившего несколько столетий истории стран Средиземноморья и большей части Европы и оказавшего тем самым немалое влияние на судьбы человечества. Римскому миру раннее христианство противопоставляло идею мессианского мира, ожидания возвращения Христа. Миру с помощью силы (находящейся на службе справедливости, как утверждала официальная идеология Римской империи) должен был противостоять мир через мир, через всеобщее примирение во Христе.

Что породило этот конфликт? Ведь евангелист вкладывает в уста Иисуса как ответ на вопрос, следует ли платить дань императору (кесарю) - то есть налоги, установленные римскими властями, - знаменитое изречение: «Воздадите Кесарева Кесареви, а Божия Богу» (Матф., XXII, 21). Конечно, прямые намеки на неизбежность и непримиримость борьбы с империей встречаются уже в словах Иисуса ученикам о том, что он принес на землю не мир, но меч. «И будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Матф., X, 22). Но евангелия полны противоречий и взаимоисключающих утверждений. Церковные авторы на протяжении веков подчеркивали непримиримый, по их мнению, конфликт между новой религией и Римской империей. «Мирно эти две силы не могли ужиться между собой, - писал, например, известный историк прошлого века Ф. В. Фар-рар, - должна была начаться борьба, и борьба должна была идти на жизнь и смерть. Здесь не было возможности для какого бы то ни было компромисса... Здесь речь шла не менее, как о всемирном господстве. Такая борьба могла закончиться только полной победой с той или другой стороны».

Рим мог пренебрегать христианством, пока он был силен, а оно являлось одной из множества сект, которые власть считала хотя и вредными, но не опасными разносчиками суеверий. В этом очевидное объяснение внешней парадоксальности истории преследования христианства, заключавшейся в том, что, пока оно было действительно антагонистом Рима, новое учение терпели, а гонения развернулись, когда оно быстро созревало для союза с империей.

Возможности такой метаморфозы лежали в том, что христианство было религиозной идеологией. Оно выражало реальные земные чаяния поработанных, угнетенных и бесправных в мистифицированной форме, которую вполне возможно было со временем наполнить совсем иным классовым содержанием. А то, что христианство отразило и исчезновение надежды на лучшую жизнь здесь - на грешной земле, и обещало избавление в иной жизни - на небе, с самого начала создавало возможность превращения его в орудие духовного подавления масс сильными мира сего, приглушения народного возмущения.

Кто же оказался победителем в конфликте между христианством и римской державой, который растянулся по крайней мере на полтора-два столетия? Церковь и вслед за ней буржуазная историческая наука считали самоочевидным ответ на этот вопрос. Разве не доказана победа креста утверждением христианства на многие и многие века в качестве господствующего вероучения в десятках стран и для многих народов, тем, наконец, что сам Рим стал центром новой религии? Однако на деле ответ является не таким однозначным, каким кажется вначале. Ведь он предполагает, во-первых, что победившее христианство IV века было тем же первоначальным христианством, которое зародилось за два-три столетия

до этого. А неверность такого отождествления очевидна - ведь первоначально христианство не имело и в помине той мощной иерархически построенной организации, которая именуется церковью и которая, собственно, и одержала победу. А если брать реальную, земную основу религии, то христианство конца I и II веков и христианство IV века во многом даже антиподы. И наконец, можно ли говорить о победе в конфликте, когда церковь пошла на службу к той самой власти, против которой боролась? Эта победа заключалась в лучшем случае в том, что церковь навязала себя в качестве союзника этой империи (точнее - убедила ее в необходимости прибегнуть к помощи еще недавно гонимого противника).

Но еще с меньшим основанием можно говорить о победе империи, хотя она в конце концов заставила служить себе своего бывшего врага. Союз церкви и империи не предотвратил неизбежного падения Римской державы как отражения крушения рабовладения и перехода к новой, феодальной формации. Смысл конфликта христианства и Рима менялся по мере изменения самого христианства и самой империи, а способ разрешения его определялся «разнотипностью» антагонистов, одним из которых была церковь как воплощение новой религии, а другим - светское государство. Возможность компромисса или даже союза между ними была заключена, между прочим, и в том, что для такого соглашения не требовалось территориального разграничения их владений: они могли сосуществовать в рамках одного и того же региона, совместно эксплуатировать его население.

В ходе противоборства с Римом христианству пришлось выдержать и другую борьбу. Не только в Палестине, но и вообще на Востоке объявилась тогда масса «основателей» религии. Христианство, обращаясь ко всем народам без различия, одержало победу и стало мировой религией. А все мировые религии были охранительной идеологией определенных классово-антагонистических формаций.

Раннее христианство осуждало принуждение в вопросах веры - против такого насилия прямо предостерегает Послание к коринфянам апостола Павла (Кор. 1, VIII, 12). Несмотря на строгую дисциплину ранних общин, церковь, по крайней мере формально, не считала возможным наказывать заблуждающихся, тем более предавать их казни. Павел прямо говорит, что оружие церкви - не земное оружие (Кор. 2, X, 4). Но будущее принадлежало сторонникам насильственного внедрения ортодоксии. Блаженный Августин, не являвшийся крайним сторонником преследований, тем не менее считал, что нет более смертельной угрозы для души, чем свобода ошибаться.

Однако едва прекратились гонения на христиан, как церковь сама устремляется в первые ряды гонителей. Примирившись с Римским государством, она тем более становится непримиримой в отношении римской (точнее, греко-римской) культуры, кроме тех ее элементов, которым была отведена роль дополнительных подпорок новой религии.

«Итак, он был побежден - этот дракон язычества, побежден после того, как свирепствовал почти 300 лет против христианства. Победа была полная и совершенная...» - писал цитируемый выше Ф. В. Фаррар. Однако если считать конфликт лишь столкновением христианства и язычества, то «полная и совершенная» победа первого окажется на деле чрезвычайно ограниченной и географически, и хронологически. Большая часть известного тогда мира, особенно в Азии и Африке, оказалась в конечном счете вне сферы влияния христианства. Из основной части Малой Азии, со всего североафриканского побережья и из других регионов христианство в начале VII века было вытеснено исламом.

Можно ли говорить о конфликте между христианством и Римом как о международном конфликте - ведь он развертывался в рамках одного государства? Это государство «не обнимало», как некогда писали историки, основную часть известного тогда жителям Средиземноморья мира (сейчас накоплены сведения о связях этого региона с Индией и другими дальними странами). Однако это был огромный особый мир, внутренние связи в котором были несравненно более важными, чем отдельные контакты с другими регионами. Есть вековые конфликты, которые находятся на грани между внутренним и внешним конфликтами. Именно таким был конфликт христианства и империи. В своем развитии он

стал отражать не только классовую борьбу в Римской мировой державе в целом, но и стремление к независимости покоренных народов, неизбежно переплетавшееся с борьбой Рима против его внешних противников и в Малой Азии, и в Европе.

Христианская церковь (точнее, церкви) участвовала на протяжении почти двух тысячелетий в большинстве (хотя и не во всех) вековых конфликтов - сначала как один из основных антагонистов, а позднее - в качестве вспомогательной, но всегда значительной и влиятельной силы. И церковь при этом неизменно использовала опыт первого своего векового конфликта - ведь именно в ходе его сложилось христианское предание, в нем участвовали как легендарные, так и истинные основоположники новой тогда религии. Апеллируя к этому опыту, истолковывая его в нужном для себя смысле, церковь вместе с тем как бы мобилизовала весь моральный авторитет христианской традиции против своих противников в конфликтах совсем иного времени.

Евангельские повествования веками были привычными с детства сюжетами, в которые облекали поучения и надежды, политические симпатии и антипатии. Ими увлекались великие художники Ренессанса и крупнейшие писатели разных стран мира. Они являлись предметом научных изысканий, апологетических трактатов, оригинальных гипотез и рассчитанных на сенсацию домыслов. Через призму евангельского предания каждое время спорило и судило о своих проблемах и нуждах. Но в интересе, который сохраняла евангельская история и для людей, очень далеких от религии, сказывалась не только злободневность. Этот интерес пробуждается и нравственными исканиями, тоской по справедливости там, где пилаты и иуды порождались всем строем общественной жизни, стремлением открыть причины мирового зла. Ведь именно об этом писал Генрих Гейне, когда в памятных словах требовал ответа на извечный вопрос:

Отчего под ношей крестной  
Весь в крови влачится правый?  
Отчего везде бесчестный  
Встречен почестью и славой?

Конфликт между империей и христианской церковью, интересовавший не только его современников, но и их далеких потомков, нашел продолжение в конфликте между империей и варварским миром, различные части которого примыкали к разным богословским школам, возникшим в бесконечных догматических спорах IV века.

В средние века католическая церковь являлась международным центром феодальной системы. Несмотря на внутренние войны, она объединяла всю Западную Европу в некое целое, которое противостояло как греко-православному, так и мусульманскому миру.

В VII столетии с возникновением ислама борьба между новой мировой религией и христианством быстро стала формой вооруженного конфликта между наиболее мощными тогда государствами. На протяжении VII и начала VIII века арабы под знаменем ислама заняли большую часть Малой Азии и Средиземноморского побережья Африки, овладели Испанией, но потерпели поражение в битве при Пуатье - в Южной Франции - и отступили за Пиренеи. Один из известных западных публицистов и историков - А. Кестлер - попытался изобразить этот конфликт, используя лексикон «холодной войны»: «В начале VIII века полюсами в мире стали сверхдержавы - христианство и ислам. Их идеологические доктрины были спаяны с политикой силы, проводимой при помощи классических методов пропаганды, подрывных действий и военного завоевания»<sup>2</sup>. Нужно ли говорить, что проведение таких искусственных параллелей, перенесение реалий сегодняшней эпохи на конфликты прошлых далеких веков способны не объяснять, а лишь затемнять суть дела.

Главными антагонистами в конфликте христианства и ислама первоначально выступали Византийская империя и Арабский халифат. Постепенно центр христианского лагеря переместился в Западную Европу.

С конца XI века религиозный конфликт снова властно вторгается в сферу межгосударственных отношений стран Европы и Малой Азии. Начинаются крестовые походы, причины которых глубоко коренились в социально-экономическом развитии

Западной Европы<sup>3</sup>. Крестовые походы являлись одним из важнейших факторов, формировавших систему международных отношений. Разумеется, борьба империи и папства наложила сильнейший отпечаток на крестовые походы, хотя в сознании современников они отражались прежде всего как противоборство христианства и ислама; сами призывы папства к освобождению гроба господня были неразрывно связаны с притязаниями Рима на верховную власть над всем миром.

Даже в начале эпохи Возрождения, к концу средних веков, европейцы не осознавали, что Западная Римская империя прекратила существование за тысячу лет до этого, - ее прямым продолжением по-прежнему считали Священную Римскую империю, включавшую в свой состав преимущественно германские государства.

В V-VI веках в сочинениях христианских писателей, в проповедях и решениях церковных соборов возникает новый образ Рима как четвертой и последней монархии, предсказанной пророком Даниилом, которую должно сменить уже само царство божие. Постепенно сливаются идеи «римского мира» и «христианского мира». Молитвы возносятся за благополучие Рима, бог рисуется покровителем империи» которая становится синонимом христианства. (После падения Западной Римской империи этот строй мысли сохранился в Византии.)

Папа Лев Великий (440-461) заявляет, что римская церковь подтверждает и обновляет вселенскую миссию Римской империи. А еще через несколько десятилетий Целазием I (492-496) уже провозглашается верховенство власти римского первосвященника, перед которым обязаны держать ответ монархи. Впрочем, эти притязания пришли слишком рано, выдвижение их было ускорено процессом распада Западной Римской империи. В следующем веке, после того как Италия ненадолго оказалась подчиненной Византии, папа Григорий Великий (590-604) представляет империю как внешнее выражение вселенских притязаний христианства - поэтому она будет существовать до самого конца света. Вместе с тем церковь имеет духовную миссию, выходящую за границы империи. На империю также возлагается миссия не только по обеспечению мира в церкви, но и по приобщению к христианству язычников. В притязаниях папства уже скрывалось в зародыше его будущее противоборство со Священной Римской империей. Западными историками - особенно немецкими - написаны целые библиотеки книг, посвященных борьбе папства и империи. В старой, домарксистской литературе, освещавшей преимущественно, если не исключительно, политическую сторону этой борьбы, было показано ее своеобразие - как столкновение двух сил, влияние которых распространялось в той или иной форме на многие государства тогдашнего мира. Лишь постепенно - под растущим влиянием марксистской историографии - начали исследоваться социально-экономические причины борьбы, особенно участие в ней богатых ломбардских городов, классовый состав партий сторонников империи и папства в этих итальянских коммунах. Часть историков даже считала итальянские города третьей самостоятельной силой в вековом конфликте, роль которой неизменно возрастала. Классовая борьба в коммунах долго еще окрашивалась в цвета гвельфов и гиббелинов (сторонников папы и императора) - и тогда, когда уже мало кто помнил, что эти слова произошли от итальянского искажения имени баварских герцогов Вельфов и названия замка Вайблинген (от которого возникло второе название династии Гогенштауфенов). Идеологические формы межформационного конфликта потом станут отчасти использоваться для внутри-формационного конфликта и наоборот. Именно так произошло в конфронтации христианства с Римской империей, а затем - папства со Священной Римской империей в средние века. В этом средневековом конфликте ни одна из сторон не выражала прогрессивных тенденций в развитии западноевропейского общества, хотя силы, являвшиеся их носителями (особенно в североитальянских городах) , часто, как уже указывалось, вступали в союз с одним из враждующих лагерей.

В конце XV века империю стали все чаще именовать Священной Римской империей германской нации. Вряд ли это было данью пробуждавшемуся немецкому национальному самосознанию. Зато, бесспорно, являлось признанием потери главенства над Италией и утратой надежд на всеевропейскую гегемонию. Планы вселенской империи, впрочем, были

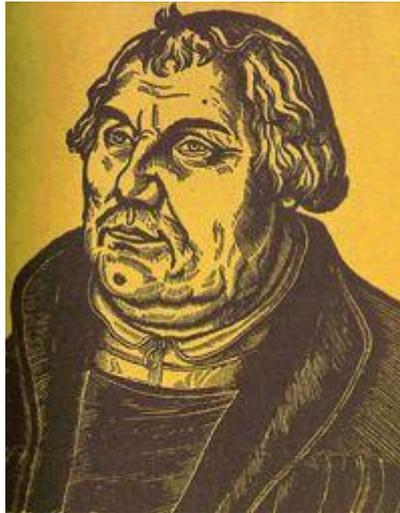
вскоре возрождены, но уже на другой основе, лишь формально связанной с противоборством империи и папства в предшествующие столетия (об этом ниже).

В новейшей западногерманской историографии преобладает апологетическое изображение Священной Римской империи как наднационального государства, базировавшегося на религиозно-политическом единстве Западной Европы, тогда как на деле можно говорить лишь о попытках создания подобной вселенской державы. Западногерманские историки нередко отрицают, что борьба империи с папством за гегемонию оказала губительное влияние на исторические судьбы Германии, способствовала ее последующему территориальному распаду, а наоборот, вопреки истине утверждают, будто бы эта борьба имела положительное значение для всей европейской цивилизации<sup>4</sup>.

## Разделенная Европа

Около того времени, - гласит старинный рассказ, - курфюрсту Фридриху Саксонскому приснился в его Швейницком замке диковинный сон. Привиделось ему, будто бы монах Мартин Лютер начертал несколько слов на виттенбергской замковой часовне, да так резко и четко, что курфюрст мог их разобрать из Швейница. А то перо, которым монах писал, стало расти, расти, доросло до самого Рима, коснулось папской тиары, и та заколебалась на голове у папы; тут курфюрст задумал было протянуть руку, чтобы за то перо ухватиться..., и проснулся».

Сон курфюрста был воистину диковинным. Он был явно навеян историей о том, как монах-августинец Мартин Лютер из Виттенберга 31 октября 1517 г., в канун праздника всех святых, прибил к дверям церкви свои знаменитые 95 тезисов против торговли индульгенциями. Но, увы, эта история, повторявшаяся бесчисленное количество раз на протяжении трех с лишним веков, по-видимому, является лишь одной из многих исторических легенд. Предполагалось, что первым рассказал ее очевидец - близкий соратник Лютера Иоганн Шнейдер из Айслебена, который даже специально подчеркивал, что он «может засвидетельствовать», будто все произошло именно так. Однако слова «может засвидетельствовать» - результат неправильного прочтения латинского выражения, в действительности означавшего «в умеренной форме» (речь шла о форме, в которой выдвинул Лютер свои тезисы). Более того, изучение рукописи Шнейдера приводит к неожиданному результату: там ничего не говорится ни о 12 часах дня, ни даже о 31 октября 1517 г., ни о замковой часовне. Сам Лютер ни в одном из своих многочисленных сочинений и писем, ни в автобиографии не упоминает о знаменитой сцене, когда он прибил свои тезисы у входа в церковь в Виттен-берге. Но, быть может, ему и не было нужды упоминать о всем известном эпизоде? В том-то и дело, что нет: при жизни Лютера ни один из современников ничего не сообщал об этом драматическом начале Реформации. Впервые о нем заговорил один из идеологов протестантизма - Ф. Меланхтон - в предисловии ко второму тому сочинений Лютера, вышедших вскоре после смерти их автора. Меланхтон в октябре 1517 года находился не в Виттенберге, а в Тюбингене, и он вообще допустил в своем предисловии немало заведомых неточностей. Новейшие исследования показывают, что 31 октября 1517 г. Лютер лишь направил свои тезисы архиепископу майнцкому Альбрехту и еще одному из высших церковных сановников. Они, заинтересованные в сохранении прежних злоупотреблений, не удостоили Лютера ответом, а передали его тезисы своему приспешнику доминиканцу Тецелю, который начал полемику с ними еще до их опубликования. Тезисы Лютера были изданы в январе 1518 года. Планы Лютера в 1517 году заключались в частичной реформе церкви, в ограничении власти папы (хотя они совсем и не шли так далеко, как в этом хотела бы убедить нас созданная впоследствии протестантская легенда).

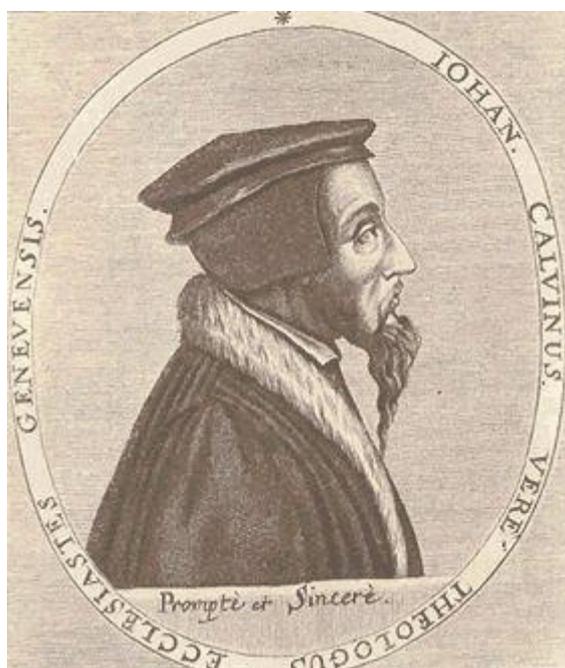


Ну, а как быть с не менее легендарным сном Фридриха Саксонского, ухитрившегося разглядеть невывешенные тезисы? Пожалуй, наиболее характерно в этом предании то, что стремление курфюрста ухватиться за перо Лютера преследовало Фридриха даже во сне. Ведь желание - не только отец мысли, говоря словами восточной пословицы, но и главный источник сонных грез. Назревшая общественная потребность водила рукой виттенбергского богослова, преодолевала его сомнения и колебания, придавала неодолимую силу его оспариванию права папы распределять сокровища церкви. С самого начала Реформация объективно подрывала и основы старого строя. Прежде чем вступить в успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране, необходимо было разрушить его центральную организацию - католическую церковь .

Наступила новая бурная эпоха в истории Европейского континента. Монах-августинец Лютер отверг католическое учение о благодати, согласно которому человек может снискать себе милость божью внешними поступками, принадлежностью к церкви, выполнением церковных таинств, дарами в пользу церкви, благотворительностью. А кальвинизм закрепил это отрицание доктриной о предопределении, утверждавшей, что участь человека, его вечное спасение или вечная гибель не зависят от его поступков и заранее установлены «божьим избранием». Эта доктрина, как известно, была религиозным выражением того земного факта, что в новом, буржуазном обществе судьба индивида определялась действием не контролируемых, не познанных им могущественных экономических сил. Легко понять, что учение о благодати являлось одним из главных объектов для критики со стороны протестантов, но, пожалуй, только «психология» векового конфликта могла побудить теолога Николая Амсдорфа громогласно провозгласить в 1559 году, что «добрые дела вредят достижению блаженства» и что это воззрение «верно духу христианства».

В западной литературе - еще со времени выхода в 1929 году в свет книги английского историка Р. Тони «Религия и подъем капитализма»<sup>3</sup> - делались попытки представить кальвинистов в виде «якобинской» или «большевистской» партии XVI века. (Таковую аналогию пытается проводить и профессор Гарвардского университета М. Уол-цер в опубликованной в 1965 г. книге «Революция святых»<sup>4</sup>.) При явной несостоятельности этой параллели нужно помнить, что именно кальвинизм был идеологией, наиболее соответствовавшей интересам буржуазии в эпоху так называемого первоначального накопления. «Там, где Лютер видел одни только религиозные догматы, Кальвин видел политику, - пронизательно писал о двух руководителях Реформации Бальзак. - В то время, как влюбленный немец, толстый почитатель пива, сражался с дьяволом и бросал ему чернильницу в лицо, хитрый аскет-пикардиец вынашивал военные планы, руководил битвами, вооружал правителей, поднимал целые народы, заронив республиканские идеи в сердце буржуа и вознаграждая себя за повсеместные поражения на поле брани все новыми победами над сознанием людей в разных странах».

Каждый обращенный давал клятву соблюдать и добиваться соблюдения закона божьего в его кальвинистской трактовке. В пределах всякой страны, в которой вели свою проповедь кальвинисты, они пытались создать крепкую организацию. Так, во Франции это была сеть конгрегации, руководимых пасторами, учителями молодежи и деканами, в обязанности которых вменялись попечение о неимущих и наблюдение за нравственностью. Все конгрегации подчинялись Национальному синоду, в который входили наиболее влиятельные гугенотские пасторы и миряне. Наряду с буржуазией к кальвинистскому движению примкнула в некоторых странах, особенно во Франции, немалая часть дворянской знати. В отличие от своих союзников, традиционно выступавших против феодальной анархии в защиту сильного центрального правительства и теперь лишь считавших необходимым сменить власть короля на власть своих собственных представителей, дворянская аристократия мечтала ослабить достигнутое единство страны, вернуть себе прежнее положение полунезависимых правителей обширных областей. Именно эта перспектива привлекала в ряды сторонников мрачного аскетического учения Кальвина земельных магнатов французского Юга, отцы которых щедро хлебнули из кубка жизнеутверждающей культуры Возрождения.



Великий французский просветитель Вольтер отмечал, что «Кальвин широко растворил двери монастырей, но не для того, чтобы все монахи вышли из них, а для того, чтобы загнать туда весь мир». Мрачным монастырем стала Женева, где с 1541 года у руля правления находился Кальвин. «Женевский папа» создал институт особо доверенных людей, которые в каждом квартале строго следили за соблюдением запрещений, распространявшихся на все стороны жизни, регламентировавших все мелочи быта, начиная от деталей одежды и кончая музыкой и народными гуляньями. Методами правления стали создание широкой системы шпионажа за жителями, поощрение доносов, свирепые наказания за малейшие проявления непослушания - жестокие пытки и «квалифицированные» казни. По учению Кальвина, наказание без вины предпочтительнее ненаказания виновного. Террор в равной мере обрушивался и на дворянско-патрицианскую оппозицию, и на идеологов народных низов - сторонников более радикальных течений в Реформации. Несомненно, что возведением в систему буржуазного направления в Реформации, пронизанного духом нетерпимости, отказом от любых компромиссов, Кальвин в большой мере способствовал превращению борьбы между католицизмом и протестантством в вековой конфликт. Кальвин стремился превратить Женеву в главный идейный центр протестантизма, занимался подготовкой духовенства для многих стран, печатал религиозную литературу, предназначенную для

распространения в различных частях Европы.

Буржуазная историография, давно уже атакующая традиционное представление о Ренессансе, признает живучесть «старых» взглядов. «Миф по-прежнему оказывает могущественное влияние, - пишет, например, английский историк Р. Нисбет, - и часто, как мне кажется в отношении данного мифа, неуничтожаем».

Возрождение было и остается одним из великих прогрессивных сдвигов в истории человечества. Ясно прослеживается общность социальных корней гуманизма и бюргерской реформации, но так же четко видно, что внешне они являлись идеологическими альтернативами для переходной эпохи. Столь же очевидно, что выдвигание гуманизмом общечеловеческих ценностей, его антиклерикализм и тенденция веротерпимости, пусть еще неясный либер-тинизм, преклонение перед земной природой человека и земными радостями бытия, культ красоты и таланта, защита права на ничем не ограниченное научное исследование - все это противоречило самому духу протестантизма, хотя первоначально он мог и принимать гуманистическую окраску в своих обличениях злоупотреблений католического духовенства. Однако то были лишь кажущиеся альтернативные пути. Гуманизм не мог стать идейным знаменем социальных движений в эпоху, когда сознание масс было пронизано религией. Он мог лишь наложить заметный отпечаток на само реформационное движение. Возникновение векового конфликта помешало ему сыграть эту роль - и здесь одна из главных причин победы зигзагообразного пути над прямым - в развитии европейской общественной мысли XVI и первой половины XVII столетия. Но об этом ниже.

## Мираж

Начало XVI века, ранняя заря капиталистической эры. Великие географические открытия, распахнувшие перед европейцами двери в новые неведомые миры, подрывавшие устои средневековых представлений о человеке и Вселенной. Время, когда закладывались основы для развития мировой торговли, для перехода от ремесленного к мануфактурному производству, которое позволяло извлечь огромные преимущества, таившиеся в разделении труда. Десятилетия буйного цветения яркой, многокрасочной культуры Возрождения, сопровождавшегося ослаблением тысячелетнего господства католической церкви над всеми сферами духовной жизни. Начавшееся формирование нового буржуазного общества было отмечено резким обострением классовой борьбы. Ответом на усиление гнета со стороны феодалов стали мощные народные движения, перераставшие в крестьянские войны. Множились восстания городского плебса. Королевская власть стала центром перегруппировки социальных сил. Опираясь на горожан, она повела наступление на феодальную раздробленность. Франция, Англия, Испания, ряд других стран Европы превратились в крупные национальные государства. Но силы старого строя отнюдь не собирались уступать свои укрепленные позиции в экономической, общественно-политической жизни, в области идеологии и культуры. В полной мере это сказалось и в сфере межгосударственных отношений.

Западноевропейский историк В. Петри писал в книге «Ложные пути Европы»: «130 лет между избранием императора в 1519 году (Карла V. - Авт.), - когда Германия приняла решение в пользу Габсбургской Испании и против Франции, - и Вестфальским миром имеют много общего с тем временем, которое мы недавно пережили. Происходило ожесточенное столкновение политических и религиозных идей, безжалостно велась борьба рас, великая держава пыталась основать мировую империю и после войн, продолжавшихся десятилетиями, потерпела поражение, от которого так и не смогла оправиться».

Начало Реформации совпадает с избранием на престол Священной Римской империи Карла V, унаследовавшего короны четырех династий - Бургундии, Австрии, Кастилии и Арагона; к его наследникам позднее перешло также господство над Венгрией, Чехией и Португалией - и это не считая громадных колониальных владений в Америке (где как раз в это время испанские конкистадоры захватывали необъятные земли вновь открытого материка), в Африке и Азии. С императорским титулом было связано приобретение огромного престижа - даже вне прямой связи с реальной властью, которой обладал глава Священной Римской империи. Этот традиционный престиж сам по себе являлся немалым фактором в борьбе Габсбургов за гегемонию в Европе.



Карл V внешне мало походил на того мощного, полного решимости гиганта на коне, каким его рисовали льстившие ему художники. Это был уродливый маленький человечек с прыщевой кожей и всегда полуоткрытым ртом - физический недостаток, который он скрывал под короткой бородкой. Из склонностей императора современники отмечали прожорливость, которая даже побудила папу в виде любезности освободить императора от поста перед причастием и которая привела к ранней подагре. Это дополнялось пристрастием к рыцарским романам, героем которых он себя воображал, да еще любовью к цветам и хоровому пению.

Укрепление императорской власти было для Карла V не только целью, но и средством к достижению заветной мечты о создании вселенской монархии - наследницы Древнего Рима или империи Карла Великого. Карл V сознательно пытался придать своей империи «наднациональный» характер, не подчеркивать ее испанскую основу и связь своих планов создания универсальной монархии с кастильской традицией крестовых походов против мавров. Поэт - современник Карла V и участник войн против Франции - Эрнандо де Асуна так определял эту программу всемирной монархии: «Один монарх, одна империя и один меч». Добиваясь избрания германским императором, Карл V в доверительном письме формулировал возможности, которые появятся у него в результате приобретения этого титула: «Мы сможем совершить много добрых и великих деяний. И не только сохранить и защитить владения, дарованные нам богом, но и в огромной степени увеличить их, таким путем обеспечивая тишину и спокойствие христианского мира, поддержание и укрепление святой католической веры, которая является нашей главной основой». А канцлер императора Меркурио Гаттинара неоднократно повторял, что Карл наделен верховной властью над миром, поскольку он «был помазан на царство самим богом, предсказан пророками, вознесен в проповедях апостолов, санкционирован рождением, жизнью и смертью нашего Христа

Спасителя». Вскоре после избрания Карла на германский престол в 1519 году Гаттинара писал ему: «Ваше величество, ныне, когда господь щедро наградил Вас, возвысив над всеми другими христианскими королями и князьями до такой степени могущества, которым донныне обладал только ваш предок Карл Великий, Вы твердо стоите на пути к универсальной монархии, к тому, чтобы подчинить весь христианский мир одному пастырю»<sup>3</sup>. Гербом Карла были геркулесовы столбы - путь Европы к заморским странам; девизом - plus ultra - «все дальше».

В апреле 1521 года Карл V объявил рейхстагу, заседавшему в Вормсе: «Для защиты христианского мира я решил прозаложить мои королевства, владения и друзей, мою плоть и кровь, душу и жизнь»<sup>4</sup>. (Именно эти мотивы в политике императора и позволяют новейшим западным историкам представлять его олицетворением идеи «единства Европы»<sup>5</sup>.)

Современникам казалось, что возникли определенные шансы для создания в Западной Европе универсальной империи. Абсолютные монархии - и особенно государство Карла V - располагали в эту эпоху ресурсами, значительно превышавшими те, которые имелись в распоряжении средневекового королевства. Вместе с тем развитие национального самосознания еще не продвинулось настолько, чтобы повсеместно цементировать сопротивление планам образования путем войн и династических комбинаций «наднациональных» государств, более или менее приближавшихся к положению господствующей державы в этой части континента. Создание империи Карла V почти совпало с началом широкого применения трех важнейших изобретений: компаса, с помощью которого стали возможными открытие и освоение новых торговых путей и утверждение европейцев на необъятных территориях Нового Света; книгопечатания, сыгравшего столь важную роль в качестве орудия идеологической войны, пропаганды векового конфликта, расширения средств духовного принуждения в руках вдохновителей и организаторов этого конфликта; качественных изменений в военном деле, оказавшихся чрезвычайно благоприятными для крупных держав и наиболее сильной из них - империи Карла V. Отход от средневековой тактики произошел очень быстро. Как раз в это время пехотинец получает огнестрельное оружие. В шекспировском «Генрихе IV» Готспер передает слова какого-то лорда:

Он очень сожалел, что из земли  
Выкапывают гадкую селитру,  
Которая цветущим существам  
Приносит смерть или вредит здоровью.

В конце XV - начале XVI века французы настолько усовершенствовали пушки, что их стало возможным доставлять на поле сражения и перемещать в ходе боя. Эти изобретения были использованы в войсках Карла V, который ввел также применение передков - они позволяли при перевозке превращать двухколесную пушку в четырехколесную повозку, значительно более удобную для быстрого передвижения, особенно по неровной местности. Не менее важным было усовершенствование испанцами ручного огнестрельного оружия - аркебуза, который был заменен мушкетом. Вооружение мушкетами послужило началом векового преобладания испанской пехоты. Еще в 1494 году две трети французских войск, в это время начавших поход в Италию, составляла рыцарская кавалерия, а уже в 1528 году - только одиннадцатую часть. Так же примерно изменилось соотношение родов войск и в испанской армии. Около 1521 года папа Лев X определил обязанности кавалерии: прикрывать войска, обеспечивать доставку провианта, наблюдать и собирать разведывательные сведения, беспокоить неприятеля. В этом перечислении обязанностей пропущено было только участие в сражениях.

Империя Карла V объективно была попыткой феодального общества найти удобную форму политической надстройки, которая вместе с тем отвечала бы новым экономическим условиям, точнее, говоря словами Маркса, «торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV в.»<sup>7</sup>. Над мировым рынком была бы надстроена мировая империя Габсбургов. Однако эта попытка противоречила реальным тенденциям

развития, поскольку возникновение мирового рынка создавало острейшее соперничество между европейскими странами за господствующие позиции в мировой торговле.

Создание «наднациональной» империи Карла V одновременно препятствовало развитию новых буржуазных отношений в разных частях Европы. И вместе с тем огромные финансовые траты, которые производились Габсбургами ради достижения главной цели - создания вселенской монархии - и которые стали возможными только в результате эксплуатации экономических ресурсов колониальной империи Испании, в немалой степени способствовали росту мануфактурного производства, вызреванию буржуазного уклада в отдельных наиболее развитых районах Южной Германии, Голландии, Англии и некоторых других стран. Ирония истории заключалась в том, что попытки создания вселенской монархии, будучи затеей наиболее реакционных сил Европы, привели к созданию механизма, который превращал испанский колониальный грабеж в одну из составных частей системы так называемого первоначального накопления капитала.

Идею вселенской католической империи можно с основанием рассматривать и как ответ феодальной реакции на подъем в конце XV века движений крестьянства и городского плебса в немецких землях, в городах Фландрии и Северной Италии (особенно во Флоренции), в Каталонии и других районах Европы. Хотя создание «наднациональной» империи Карла V формально было следствием ряда династических браков, на деле оно отвечало стремлению правящего класса феодалов, а также верхушки бюргерства ряда стран обеспечить себе защиту и покровительство могущественной центральной власти как мощного орудия подавления трудящихся масс. Однако в других частях Европы, где для этого были исторические условия, где, в частности, дальше зашел процесс национальной консолидации, объективно эту же роль должны были выполнять складывающиеся «свои» абсолютистские монархии.

Основой империи Карла V, как уже говорилось, были наследственные владения Габсбургов в Центральной Европе и испанское государство, возникшее в результате объединения Кастилии и Арагона (1479 г.) и завоевания Гренады (1492 г.). Но не нужно забывать, что почти одновременно в основном консолидировались централизованные государства в Англии (после окончания в 1485 г. войны Алой и Белой Розы) и Франции (после присоединения к королевским землям с 1477 по 1491 г. Пикардии, Бургундии, Прованса, Бретани и некоторых других исторических французских областей). Несмотря на незавершенность этого процесса, на сохранение многочисленных пережитков длительного периода феодальной раздробленности, новые централизованные государства имели единые законы, подчиненный и контролируемый верховной властью государственный аппарат, мощные по масштабам эпохи вооруженные силы. Формирование абсолютистских национальных государств имело до определенного времени и известное прогрессивное значение, ликвидируя феодальную раздробленность и создавая возможность для развития буржуазных отношений. А империя Карла V исправно выполняла функции подавления народных движений, которые могли принять характер ранних буржуазных революций.

В средневековой Европе определенная ступень общности исторических судеб, общественных институтов и культуры находила выражение в единстве религии - универсальной в то время формы идеологии, в существовании наряду с национальными языками латыни как языка дипломатии, теологии и науки, а также в таких государственно-политических образованиях, как Священная Римская империя и католическая церковь. Возникновение национальных государств, выражавших специфические черты ряда европейских народов, отнюдь не повлекло за собой исчезновения ранее сложившихся черт их идеологической и духовной общности, хотя и привело к постепенному падению значения таких «наднациональных» институтов, как империя и папство. Эти формы духовного единства сохраняли в определенной мере и заложенное в них прогрессивное начало (опять-таки отнюдь не уничтожавшееся развитием национальной культуры европейских народов) и, более того, получили материальную опору в проявившейся уже в начале буржуазной эры свойственной капитализму тенденции (наряду с тенденцией к пробуждению наций) к

интернационализации также и экономической жизни. Однако это нисколько не умаляет реакционного характера планов тех сил, которые пытались реставрировать отжившие формы европейской общности, такие как религиозный униформизм и имперский универсализм, восстановление церковного единства, господство папства и создание вселенской империи.

На роль центра всевропейской монархии могла претендовать и Франция, тогда наиболее населенная из западноевропейских стран. Ее центральное положение в Западной Европе - Испания, Италия, Германия и Англия располагались вокруг нее - давало определенные преимущества в борьбе против соперников. Эти притязания были выдвинуты уже французским походом 1494 года в Италию, приведшим к франко-испанским войнам за господство на Апеннинском полуострове. Франциск I потерпел поражение в борьбе за императорский престол в 1519 году, хотя его и поддерживал папа Лев X. (Убедившись в этом, французский король и римский первосвященник стали поддерживать кандидатуру герцога Фридриха Саксонского, покровителя Лютера.) Победа Карла V означала, что на суше Франция почти со всех сторон оказалась окруженной владениями императора и должна была перейти к обороне. Однако последующие четыре десятилетия были заполнены почти непрерывными войнами между Габсбургами и французской королевской династией Валуа.



Программа вселенской империи встречала явное или скрытое противодействие даже в центре владений Карла V. Немалое число испанских политиков того времени считали, что Карл проводит имперскую, а не национальную испанскую политику. Но на прямое сопротивление этот курс натолкнулся в Германии, полное подчинение которой власти императора должно было стать первым и решающим шагом на его пути к общеевропейской гегемонии.

Процесс распада Германии на территориальные княжества начался задолго до Реформации. Аналогичное развитие знает и история других стран, но там значительно раньше победила тенденция к объединению, к созданию национальных государств. В Германии же процесс усиления раздробленности имел глубокие социально-экономические корни, распад чисто феодальной империи сопровождался разрывом между имперскими землями. В выигрыше оказались «представители централизации в самой раздробленности, носители местной и провинциальной централизации, князья, рядом с которыми сам император все более и более становился таким же князем, как и все остальные». Концепция германского единства в XVI в. выражалась не в создании единого государства, а в

сотрудничестве государств, составлявших «Священную Римскую империю германской нации» и возглавляемых императором, которого избирали на пожизненный срок наиболее влиятельные князья-курфюрсты. Особенности исторического развития Германии привели к тому, что в XVI веке не было достаточно мощных внутренних сил, которые выступали бы за реальное единство страны. Карл V пытался навязать это единство сверху, используя ресурсы других своих владений. В случае достижения этого единства Германии была бы уготована роль одной из частей вселенской империи Габсбургов". Однако единство на основе торжества католической реакции в европейском масштабе было столь же недостижимо, как и сама эта империя. Социально-экономические причины, усиливавшие раздробленность, создавали возможность для князей эффективно сопротивляться императору, используя для этой цели Реформацию.

Реформация была крайне сложным социальным явлением. Она включала наряду с бюргерским направлением стоявшее левее его народное течение, а справа - княжескую реформацию. Все эти течения отчетливо проявились в Германии во время Крестьянской войны 1525 года. Однако после подавления крестьянского движения непосредственное влияние на систему международных отношений оказывала прежде всего княжеская реформация. В других странах в первой половине XVI века утверждение протестантизма тоже носило характер княжеской реформации - так было и в Англии, и в Дании, и в Швеции, короли которых, порвав с Римом и конфисковав владения католического духовенства, образовали национальные церкви. Их пример вызывал затаенную зависть у монархов, сохранявших добровольно или вынужденно верность католицизму. Такой «упорядоченный» характер Реформации первоначально ослаблял и смягчал воздействие ее победы в отдельных странах на систему международных отношений, и оно сказалось в полной мере лишь позднее, при полном развитии векового конфликта.

## Гуманисты и иезуиты

В 1534 году два ни в чем не похожих друг на друга человека сделали решающий шаг, который привел к причислению их позднее католической церковью к лику святых.

В Лондоне бывший лорд-канцлер Томас Мор, автор гениальной «Утопии», отказался присягнуть новому порядку престолонаследия, который был предусмотрен парламентским актом от 30 марта того же года, узаконившим Реформацию.

Как известно, формальным поводом к Реформации в Англии послужили семейные дела «защитника веры», как именовал себя Генрих VIII, до этого лично занимавшийся опровержением ереси Лютера. (В ответ Лютер назвал короля «ослиной башкой» и «безмозглым шутом») «Не можем» - этими словами, заимствованными из «Деяний святых апостолов», папа Климент VII ответил на просьбу Генриха VIII о расторжении брака с Екатериной Арагонской. (Королю нужен был развод, чтобы жениться на придворной красавице Анне Болейн.) Принципиальность римского престола была вызвана не религиозными, а сугубо земными, политическими соображениями. «Не можем» означало, что римский первосвященник не мог идти наперекор племяннику Екатерины - испанскому королю и германскому императору Карлу V, - владения которого в Италии со всех сторон окружали папское государство. Но Генриху VIII еще менее улыбалось зависеть от папы, который зависел от императора. «Мы должны благодарить всемилосердного бога, который может заставить и такого дьявола с его демонами служить на пользу блаженства нашего и всех христиан!» - воскликнул Лютер, узнав о разрыве Генриха VIII с Римом.

Парламентский акт, который не пожелал признать Мор, положил конец подчинению английской церкви власти папы и объявлял незаконным брак короля с Екатериной

Арагонской и дочь от этого брака Марию - лишенной права на наследование престола, которое должно было перейти к детям Генриха и его второй супруги - Анны Болейн. Тщетны были попытки заставить Мора, пользовавшегося большим моральным авторитетом, изменить свою позицию, хотя он отлично знал, что за свою непреклонность заплатит жизнью. На основе заведомо лживых показаний Мор был приговорен к казни и с исключительным мужеством встретил смерть.

В 1534 году, когда Мор томился в тюрьме по обвинению в приверженности к католицизму и враждебности к Реформации, в Париже бывший испанский солдат, учившийся на теологическом факультете, вместе с несколькими своими единомышленниками принял решение о создании Ордена иезуитов, ставшего штурмовым отрядом в борьбе против протестантизма. Читателю покажется, конечно, недопустимым сопоставление двух имен - великого гуманиста, на столетия опередившего свое время, и мрачного фанатика Лойолы, давшего клятву любыми средствами добиваться искоренения ереси (хотя они, как двое святых, вполне подходящие фигуры для сравнения с точки зрения новейшей католической историографии).

Пусть очевидной является спекуляция папства на имени Мора - но ведь по крайней мере по видимости он принял мученическую смерть во имя католицизма. Так ли это было в действительности? Неужели гениальный мыслитель - там, где он не мог преступить неизбежную историческую ограниченность своего времени, - действительно считал вопрос о законности или незаконности второго брака любвеобильного тирана таким принципиальным, что пожертвовал жизнью? Неужели он считал власть римского папы над английской церковью высшим благом, несмотря на отлично известные ему злоупотребления, которые были с этим связаны и которые разоблачались сторонниками Реформации во всех европейских странах? Серьезные исследователи, конечно, не принимают версию клерикальных историков, но не смогли прийти к единому мнению о действительных мотивах, которыми руководствовался Мор.

Иногда его изображают мучеником за дело веротерпимости. Но Мор не был последовательным в своих взглядах на эту проблему. В «Утопии», написанной в 1516 году, до начала Реформации, он выступает за полную свободу религии и выражения различных мнений, если это не сопровождается попыткой навязать их силой. В своей практике на посту лорда-канцлера Мор уклонялся от преследования еретиков. Однако в «Диалоге о ереси» (1528 г.) он представляет ересь преступной и изменнической, а в других сочинениях даже одобряет использование силы против еретиков. Он полагал, что народные движения под знаменем Реформации, вроде Крестьянской войны в Германии, могут принести только вред. В папстве Мору виделось ограничение королевского деспотизма.

Быть может, взору Мора предстали те бедствия, которые обрушила королевская реформация на народ? Ведь конфискация монастырских владений привела к массовому сгону новыми лендлордами арендаторов с их участков, чтобы очистить территорию для ведения выгодного овцеводческого хозяйства. Вероятно, в таком предположении есть доля истины, но Мор уже ранее констатировал, что «овцы стали пожирать людей», и вряд ли он мог со всей ясностью предвидеть социально-экономические последствия Реформации. Ведь они были к тому же далеко не одинаковыми в разных странах, Реформация приобретала там различный социальный смысл. Самой Англии отнюдь не было predetermined заранее идти именно по тому пути, по которому пошло ее последующее развитие. Зато Мор вполне отчетливо осознал, к чему уже в начале 30-х годов привела Реформация - к расколу западного христианства (с явной тенденцией его дальнейшего распада на враждующие секты) и военному противоборству между образовавшимися двумя лагерями в условиях усиливавшегося натиска Османской империи. Не была ли позиция Мора продиктована прежде всего мнением, что Реформация неизбежно связана с разжиганием векового конфликта, которого так страшился и для предотвращения которого давно тщетно прилагал усилия его друг Эразм Роттердамский?

Эразм, узнав о казни Томаса Мора, писал про погибшего, что «его душа была белее

снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного, хотя она будет родиной великих людей». Эразму казалось, что Мор поступал неосторожно, напрасно навлек на себя королевский гнев. «Если бы он никогда не давал втягивать себя в это гиблое дело и оставил бы богословские вопросы теологам!» - с горечью восклицал Эразм. Между тем он был единомышленником Мора, хотя несколько не походил на него характером. И, главное, Эразму не удалось оставить «богословские вопросы теологам».

Через сочинения Эразма красной нитью проходит осуждение войны. «Не война ли - рассадник и источник всех достохвальных деяний? А между тем что может быть глупее, чем вступать по каким бы то ни было причинам в состязание, во время которого каждая из сторон обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод..? А вообще-то война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества, но отнюдь не просвещенными философами». «Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного» (1517 г.) - самое известное антивоенное произведение Эразма. Главный герой этой декламации - Мир, оплакивающий свои бедствия и сокрушающийся по поводу безумия людей. Миролюбие - закон мироздания, освящаемый христианством. Война противоречит самой сути христианского вероучения, всему ему, до самых мельчайших деталей. Причины войн, которые ведутся в Европе, ничтожны и не заслуживают никакого уважения, они нередко сводятся к зависти по отношению к процветающей соседней стране. Войны разжигают те, кому следовало бы быть хранителями мира, - монархи, знатные люди, высшее духовенство. Тираны посредством войны преступно стараются укрепить свою власть над народом, совершенно не заботясь о его благополучии. Бедствия войны падают на народ, а по справедливости они должны были бы обрушиваться на государей.

В других своих произведениях Эразм резко критикует династические войны. Он отвергает сами династические права и притязания, лежащие в их основе. Право владения возникает из согласия народа, а он может не дать этого согласия. Во время династических войн речь идет не о замене тирана законным государем, а о том, кому народ должен платить налоги. В ряде своих произведений, ставящих пропагандистские цели, Эразм выступает с безоговорочным осуждением любых войн. Он подчеркивает несовместимость войны и христианства, он даже отвергает мнение Блаженного Августина об оправданности войн в определенных случаях, считая это мнение противоречащим евангельскому учению.

Однако нельзя признать основательными попытки ряда исследователей отнести Эразма в лагерь пацифистов: там, где не шла речь о пропаганде идеи мира, Эразм склонялся к признанию оправданности справедливых войн. К их числу он относил оборонительные войны против турок. Перефразируя цитату из Евангелия Луки, Эразм писал, что нельзя полностью осуждать войну, ведущуюся для защиты всеобщего спокойствия в условиях, когда его нельзя отстоять другими способами. Такая война должна вестись достойным, благочестивым монархом с согласия тех, ради кого она предпринята. Эразм подчеркивает, что такую войну надо вести с умеренностью, то есть по возможности ограничивая число жертв и материальных потерь, и стремиться к быстрейшему ее окончанию. Чтобы, однако, сделать ненужными и такие войны, Эразм предлагал законодательное запрещение войны, объявление утратившими силу всех прав, которые должны привести к войне, заключение договоров, гарантирующих взаимную безопасность, точное определение государственных границ, строгое регулирование законом порядка престолонаследия. Право объявлять войну монарх должен был получать только с согласия народа. Эразм предлагал создание международного третейского суда, состоящего из духовных и светских лиц, пользующихся всеобщим авторитетом.

В связи с рассмотрением функций власти монарха Эразм анализирует и внешнеполитические задачи государства [этой теме посвящена глава 8 его «Институций» (1516 г.)]. Все христианские государи связаны союзом общей христианской веры. Напротив, среди нечестивых и неверных монархов даже союзы могут часто приводить к войнам. Если

все же монарх, достойный своего сана, заключает союз, он должен исходить из общего блага, иначе такой союз становится заговором против народа. Эразм рекомендовал христианским монархам сдержанность в отношении с нехристианскими государствами, так как они или неспособны соблюдать свои обязательства, или расположены слишком далеко, чтобы от дружеских связей с ними можно было извлечь какую-либо выгоду. С соседями же следует жить в дружбе, в особенности с соседями, которые говорят на том же языке, имеют сходные нравы и обычаи. Мудрость государя проявляется в умении правильно определить способность других народов выполнять обязанности, налагаемые союзными отношениями.

В этих своих советах Эразм отходит от обычного для него критерия терпимости и христианской любви, ориентируя внешнюю политику прежде всего на защиту реальных государственных интересов, что не исключает в принципе ни отказа от союза с христианскими государствами, ни заключения такого союза с «иноверцами». Нетрудно заметить, насколько советы Эразма обращены к сформировавшимся в его эпоху национальным государствам. Некоторые из них успели даже превратиться в великие державы, но сохраняли во многом представления о внешней политике, унаследованные от времен феодальной раздробленности.

Эразм еще до Реформации выступал за реформу церкви. Его враги утверждали, что Лютер просто продолжал то, что было начато Эразмом. Эразм явно сочувствовал критике Лютером пороков духовенства. «Преступление Лютера, - иронически замечал Эразм, - состоит из двух проступков. Он напал на корону папы и брюхо монахов». Однако Эразм, первоначально одобрявший позицию сторонников Реформации, осудил ее, как только понял, что она влечет за собой раскол западного христианского мира. В 1526 году Эразм писал Лютеру: «Из-за Вашего сварливого, бесстыдного, бунтарского темперамента Вы ввергаете весь мир в пучину губительных разногласий». Но с не меньшим жаром осуждал Эразм использование силы против протестантов - и по моральным соображениям, и потому, что гонения еще более усиливали раскол Европы. В том же, 1526 году он предлагал такой компромисс: в городах, где усилился протестантизм, обеим сторонам надлежит знать свое место, и каждого следует предоставить его собственной совести, пока время не создаст возможности для какого-то соглашения. По существу, это было предвосхищением принципа «чья власть, того и вера», то есть разделения Германии по религиозному признаку, к которому пришли после нескольких десятилетий борьбы (в результате Аугсбургского мира 1555 г.).

Эразма и его последователей среди католиков считали партией, которая стремилась предотвратить превращение борьбы с Реформацией в вековой конфликт. Субъективно эти попытки нередко принимали форму окрашенного в гуманистические тона стремления к восстановлению нарушенного единства западной христианской культуры. Они находили питательную почву в желании не ставить недавно достигнутое единство государства под угрозу, которая возникала, когда спор между противниками и сторонниками Реформации приобретал значительный размах и создавал опасность вмешательства в него внешних сил. Впрочем, теми же соображениями мотивировали нередко свои действия сторонники религиозной нетерпимости - решительное сокрушение ереси внутри страны считалось ими единственным надежным средством помешать тому, чтобы она стала объектом борьбы враждующих лагерей - протестантизма и контрреформации, воспрепятствовать вовлечению государства в вековой конфликт.

Во Франции под влиянием гуманистов, покровительницей которых была Маргарита Наваррская, сестра Франциска I, король в течение полутора десятилетий проводил политику ограниченной религиозной терпимости. Ф. Рабле, излагая в «Гаргантюа и Пантагрюэле» (кн. 1, гл. XXIII) программу завоеваний Пикрошоля, в точности воспроизводил захватнические планы Карла V в Европе и на других континентах, вплоть до занятия Алжира и Туниса. Однако уже в 1535 году Франциск (король «с горячей кровью и скудным мозгом», как его определил А. Франс) круто меняет курс и издает указ об истреблении еретиков. Гонения приняли широкий размах после издания 1 июня 1540 г. эдикта Фонтенбло; главными

органами, которым было поручено осуществлять преследования, стали светские судебные-административные учреждения - «парламенты». Многие тысячи людей пали жертвами судебных и несудебных расправ. Эти гонения еще более усилились при Генрихе II (1547-1559). Они если и имели результат, то прямо противоположный ожидаемому, и лишь ускорили распространение Реформации, победу кальвинизма над первоначально преобладавшим лютеранством, принятие протестантизма значительной частью феодальной знати, в том числе и Антуаном Бурбоном, королем Наварры (1559 г.). Таким образом, объективно гонения вели к тому, чего прежде всего стремилась избежать корона, - к расколу страны, созданию удобного повода для возобновления междоусобиц, возможности для противников Валуа - Габсбургов - вмешиваться во внутренние дела Франции, а в дальнейшем - к вовлечению страны в вековой конфликт не в соответствии, а в полном противоречии с ее государственными интересами.

### **«Чья власть, того и вера»**

Конфликт далеко не сразу принял законченные очертания. Лютер стремился не к расколу, а к реформе церкви. Даже римский престол именно так трактовал его выступление. Но это было и программой Карла V, объявлявшего себя поклонником Эразма, и подавало надежду на соглашение. Его брат Фердинанд, носивший королевский титул и с 1531 года управлявший австрийскими землями Габсбургов, и канцлер Гаттинара также придерживались такой линии. Войны с внешними врагами занимали главные силы императора, отношения с Римом, духовным центром контрреформации, нередко были напряжены до крайности. Карл V очень враждебно относился к политическим притязаниям папства. Подобным настроениям были совсем не чужды и другие католические монархи. Отсюда неоднократные попытки императора начиная с 1524 года с помощью переговоров во время заседаний рейхстага добиться соглашения с протестантскими князьями. Однако линия на решение конфликта путем утверждения какой-то степени веротерпимости, связываемая с идеями Эразма

Роттердамского, либо вовсе не приносила успеха, либо только частично и на сравнительно короткий срок в отдельных княжествах благодаря складывавшимся там особым обстоятельствам (относительному равновесию сил между двумя сторонами, желанию монархов временно приглушить внутренние столкновения перед лицом внешней угрозы и т. п.). Исторически реализуемым оказалось воплощение этой идеи в форме территориального размежевания обеих партий и поиска каких-то способов сосуществования католических и протестантских княжеств.

Однако наряду с линией Эразма и обычно в связи с ней предпринимались и другие попытки путем взаимных идейных уступок добиться если не восстановления единства церкви, то по крайней мере примирения католицизма и протестантизма. Инициатива с протестантской стороны принадлежала идеологу княжеской реформации, соратнику Лютера Филиппу Меланхтону (1497-1560) - этому, говоря словами Энгельса, «прообразу филистерского, чахлого кабинетного ученого». На заседании рейхстага в Аугсбурге в 1530 году он предложил значительные уступки католикам. Они не были приняты католиками как основа соглашения, тем более что на них не согласилась бы и большая часть протестантов. Его другой - и последней - попыткой мирного решения разногласий было написание так называемого «Аугсбургского исповедания» (1530 г.), в котором догматы лютеранства излагались таким образом, чтобы они могли послужить объединительной программой для католиков и умеренного крыла Реформации и содержать примирительные жесты в сторону католицизма. В «Аугсбургском исповедании», сохранявшем в мягкой форме протестантскую

критику доктрины о благодати, требование брака для священников, причащения под обоими видами для мирян и другие догматы лютеранства, вместе с тем подчеркивалось, что протестантское учение нисколько не противоречит основам католицизма и что оно отвергает все старые ереси - манихейство, пелагианство, арианство. В ответ было немедленно составлено опровержение, написанное католическими теологами - оппонентами Лютера, в котором требовалось отречение протестантов от их еретических заблуждений. Таким образом, достигнув первой цели - формулирования догматов лютеранства, Меланхтон в «Аугсбургском исповедании» не сумел добиться компромисса с католической церковью.

Стремление найти платформу для восстановления единства обнаруживалось порой и с католической стороны. Георг Витцель (1501 -1573), священник, принявший в 1524 году лютеранство и вернувшийся через девять лет в лоно католицизма, выдвигал различные проекты примирения церквей. В конце своей карьеры он стал доверенным лицом короля - потом императора - Фердинанда I. «Разве можно поделить Христа?» - патетически вопрошал Витцель, предлагая свои компромиссные решения. Аналогичную позицию занимал нидерландец Георг Кассандер (1513-1566), считавший, что существует единая платформа для всех христиан, за исключением радикальных течений в Реформации. Он издал специальный труд, в котором, разбирая один за другим пункты «Аугсбург-ского исповедания», старался их примирить с доктринами католицизма.

Эти старания найти общую основу католицизма и лютеранства имели, конечно, и свою социальную и политическую почву. Немалую роль играли здесь и общий страх перед народным течением в Реформации, и обстановка, созданная в Германии наступлением феодальной реакции (второе закрепощение крестьян), и самый характер тогдашнего лютеранства как княжеской реформации, и международная обстановка, и другие причины, впрочем, также далекие от гуманистической мечты Эразма, от его надежды искоренить войны и вражду между европейскими народами.

Социальная почва и политические причины, побуждавшие даже Габсбургов время от времени поощрять примирительные жесты, могли лишь именно породить новые попытки такого рода, но никак не привести их к успеху, что противоречило бы главным тенденциям общественно-политического и идейного развития Европы. Этот успех был невозможен уже потому хотя бы, что он шел вразрез с устремлениями и крайнего крыла католицизма, одержавшего верх в консервативном лагере, и бюргерского течения в Реформации - кальвинизма, которое быстро усиливалось начиная с 40-х годов. Меланхтон подвергался яростным нападениям за свое примиренчество, недаром последними его словами на смертном одре были слова благодарности богу «за избавление от ярости богословов». Примирения быть не могло - могли быть достигнуты лишь сосуществование государств с разной религией, отказ от попытки «экспортировать» свою религию вооруженным путем и сведение к минимуму вмешательства в дела других государств, даже когда в них происходила острая борьба сторонников и противников Реформации. Но и эта цель оказалась в пределах XVI века достижимой лишь частично, на исторически ограниченные сроки, скорее только как относительное перемирие в вековом конфликте.

Карл V долгое время стремился найти какую-то не религиозную, а чисто политическую основу для фундаментального укрепления императорской власти и ослабления фактической независимости князей. Он хотел по крайней мере сдвинуть ось конфликта. Во время векового конфликта одной из сторон обычно предпринимаются попытки его внешней деидеологизации. Это может осуществляться по различным мотивам: и для внесения раскола в неприятельскую коалицию, лишая ее объединяющей идеологической программы, и для вовлечения в свой лагерь стран, не желающих участвовать в конфликте, и для привлечения симпатий нейтральных государств, и для нейтрализации колеблющихся и т. п. Карл V старался представить свои походы против протестантских князей как войну против нарушителей порядка и законов империи. Но подобная тактика могла скорее объединить протестантских князей с католическими в отпоре притязаниям императора. Не являясь испанской или тем более национальной германской, политика Карла V не была направлена в

целом и на достижение победы в вековых конфликтах с протестантизмом и исламом. Ведь растянувшийся на все царствование Карла V конфликт с Францией явно не укладывался в рамки ни одного из этих конфликтов (как это стало позднее, когда во Франции происходили религиозные войны).

Для обоснования притязаний императора подыскивались юридические мотивы, сами по себе выявлявшие реакционную сущность этих притязаний. Папа Бонифаций VIII (1294-1303) в ходе ожесточенной борьбы против французского короля Филиппа IV Красивого объявил о его низложении и предложил ставший «вакантным» престол австрийскому герцогу Альбрехту Габсбургу. Тот поостерегся принять сомнительный папский дар. А через два столетия его потомок Карл V, ссылаясь на это дарение, стал утверждать, что Франция является его наследственным владением и неотъемлемой частью империи. Идеи канцлера Гаттинары об уничтожении Франции как крупной европейской державы встречали сопротивление даже в габсбургском лагере среди бургундской и кастильской знати, не расставшейся со средневековой идеей «семейной» солидарности европейских монархов<sup>3</sup>. Карл V пытался найти средний вариант между идеями вселенской монархии и союза христианских государей, где главная роль, естественно, принадлежала бы ему самому. Напротив, Франциск I после того, как потерпел поражение на выборах императора в 1519 году, объявил себя «императором в своих владениях». 24 февраля в битве при Павии испанская пехота разгромила войска Франциска I, сам король попал в руки неприятеля и пленником был отвезен в Мадрид.



Там он в январе 1526 года подписал договор, в котором отказывался от притязаний на Милан и Неаполь, на Бургундию. Однако, чтобы претворить этот договор в жизнь, пришлось отпустить Франциска I под честное слово во Францию. Как только король вырвался на свободу, он не только отказался от сделанных уступок, но уже через несколько месяцев сформировал против императора коалицию, в которую помимо Франции вошли римский папа, Венеция и которая опиралась на поддержку всех других недругов императора в Италии, пыталась заручиться поддержкой Англии.

Почти через два десятилетия, летом 1544 года, военная обстановка снова сложилась неблагоприятно для Франциска I. Карл V опирался на помощь самого крупного из протестантских монархов - английского короля Генриха VIII, войска которого из Нормандии угрожали Парижу, а армия императора пересекла Марну. Но у Карла V не хватило денег на уплату своим наемным войскам, и он согласился на сравнительно легкие для Франциска условия мира, заключенного в Креспи в сентябре. Подтверждая условия одного из прежних мирных договоров - в Камбре, новое соглашение предусматривало отказ Франциска от притязаний на Фландрию, Артуа и Неаполь в обмен на такой же отказ императора от его прав на Бургундию. Договором предусматривался брак герцога Орлеанского, младшего сына Франциска, и дочери Карла V или дочери его брата Фердинанда с получением в качеств

приданого Милана либо Фландрии, которые, однако, не должны были никогда быть присоединены к Франции (эта статья соглашения не была осуществлена, так как герцог Орлеанский умер в следующем году). В секретных статьях договора Франциск обещал отказаться от союзов, враждебных Карлу V, и поддерживать его против всех еретиков.

На протяжении первых десятилетий Реформации противники Карла V не могли рассчитывать на прямую поддержку наиболее мощной антигабсбургской силы - Франции. Французская монархия, вступившая в союз с «неверными» турками, воздерживалась от поддержки германских «еретиков», пока протестантские князья не взяли полностью верх над сторонниками демократических течений в Реформации. Вступление Франции в борьбу во время правления Генриха II сделало цели Карла V еще более неосуществимыми.

Договор в Креспи оказался непрочным, и через несколько лет война вспыхнула с новой силой. Между прочим, в ходе этой войны, вероятно, во Франции была выдвинута впервые теория «естественных границ». Ее появление было связано с занятием в 1552 году королем Генрихом II городов Вердена, Меца и Туля. Попытки императора Карла V отвоевать Мец потерпели неудачу вследствие упорной обороны города герцогом Франсуа Ги-зом. Вошли в моду разговоры о Рейне как границе Галлии. В 1568 году лотарингец, враг кардинала Гиза, Жан ле Бон опубликовал трактат «Рейн - королю», в котором впервые выдвинул идею о том, что Франция может претендовать на границу по Рейну не вследствие своих исторических прав, но по «природным причинам».

Несмотря на то что мир в Креспи оказался лишь недолговечным перемирием, он обеспечил Карлу V нейтралитет Франции и тем самым свободу рук на несколько лет, в течение которых император рассчитывал нанести решительный удар немецким протестантским князьям. Совместился центр тяжести конфликта в огромной державе Карла V. Если ранее он смотрел на Германию как на источник средств для финансирования своей имперской политики, то теперь ресурсы других его владений - Испании и ее заморских колоний, итальянских владений, Нидерландов - мобилизовывались для борьбы за Германию. Центром протестантских сил, противостоявших Карлу V, являлся Шмалькальденский союз. Он был создан 25 декабря 1530 г. в гессенском городке Шмалькальдене, где собрались принявшие лютеранство князья - курфюрст Саксонский, ландграф Гессенский и другие, а также и представители ряда городов.

Во второй половине 40-х годов Карл V наконец попытался решить спор военным путем. В 1547 году императорская армия разбила войска немецких протестантских князей, среди которых не было согласия («Шмалькальденская война»). В так называемом «Временном аугсбургском постановлении» 1548 года Карл все же пытался удовлетворить часть религиозных требований протестантов, но те уже успели оправиться от поражения и возобновили войну. Лишь по случайности сам император не попал в руки врагов в Инсбруке. Они захватили Аугсбург, возобновили военные действия и другие враги императора. Карл должен был поручить своему брату переговоры с протестантскими князьями. Идея объединения всего христианского мира под его властью еще раз оказалась недостижимой мечтой, иллюзией, приводившей к тяжким неудачам. В преамбуле заключенного в 1555 году Аугсбургского договора говорилось, что «ради спасения немецкой нации и нашего любезного отечества от конечного разрушения и гибели признали мы за благо вступить в это соглашение». В основу договора был положен принцип «чья власть, того и вера». (Правда, в таком виде эта формула была зафиксирована одним имперским юристом лишь в 1591 г.) Политика Карла V потерпела поражение, конечно, не вследствие стремления германских князей сохранить захваченные ими церковные и монастырские земли, а благодаря тому, что Реформация, отражавшая в целом интересы прогрессивного развития общества, пустила глубокие корни в сознании широких народных масс. Либеральная историография подчеркивала, что Аугсбургский религиозный мир был успехом лютеран, которые отстаивали и его главный принцип - светский государь имеет право определять религию своих подданных. Вместе с тем исследователи этой ориентации не скрывали своего сожаления о том, что Аугсбургский мир не был подлинным примирением. Например,

английский историк Г. Кеймен писал в книге «Развитие веротерпимости», что с помощью этого мира пытались найти решение путем «увечивания практики религиозной нетерпимости». Кеймен давал такую оценку договору 1555 года: «Главная черта Аугсбургского мира - он был соглашением между германскими самодержавными монархами. Веротерпимость не распространялась ни на кого, кроме князей, которым была предоставлена свобода искоренять значительную часть своих подданных, отказывавшихся признать религию, предписанную им государством. Только католицизм и лютеранство признавались соглашением - все остальные вероисповедания исключались из сферы его действия». Приговор суровый, но вполне справедливый. Другой вопрос, какие альтернативы существовали в момент принятия этого решения. Кеймен, видимо, склонен считать такой альтернативой мечту Эразма о веротерпимости, но опыт истории продемонстрировал ее неосуществимость. Французский историк Ф. Эрланже назвал правило «чья власть, того и вера» «гнусным принципом», «карикатурой на свободу мысли»<sup>5</sup>. Однако реальной альтернативой ему была не веротерпимость, а продолжение религиозных войн во имя невозможной, как показал опыт истории, победы католического лагеря. Надо учитывать и то, что религиозная терпимость и нетерпимость в разных условиях имела совершенно различный исторический смысл, но об этом ниже.

Религиозный мир 1555 года был результатом не примирения или смягчения разногласий между вероисповеданиями или тем более восприятия идеи религиозной терпимости (скорее наоборот). Он был следствием создавшегося политического положения, заключен светскими государями, не запрашивавшими по этому поводу мнения или санкции церковных авторитетов и властей. Аугсбургский договор 1555 года положил начало полувеку относительного мира в Германии - и это в условиях, когда пламя войны охватило большую часть Западной Европы. Конечно, «воздержание» австрийской ветви Габсбургов (их представители занимали трон германского императора) от участия во второй стадии военного конфликта, что сделало возможным этот сравнительно длительный мирный период, было вызвано целым рядом факторов (о них речь пойдет ниже). Однако именно такое их воздействие стало возможным только в конкретных условиях, создавшихся после заключения Аугсбургского мира. Попытка пересмотра Аугсбургского религиозного мира привела к Тридцатилетней войне, итоги которой подтвердили положения этого договора. Южная Германия осталась в своей преобладающей части католической, Северная - протестантской, причем на северо-востоке господствовало лютеранство, а на северо-западе стал позднее преобладать кальвинизм.

Аугсбургский религиозный мир 1555 года был объективно первым важным шагом на пути к религиозной терпимости. Крушение попыток военного решения конфликта неизбежно влекло за собой вынужденное признание принципа веротерпимости в сфере межгосударственных отношений. Вместе с тем принцип «чья власть, того и вера» заметно укреплял позиции князей по отношению ко всем формам сословного представительства.

Стремление Карла V вооруженным путем подавить сопротивление протестантских князей на деле резко усилило тенденцию к политической раздробленности, превратило Реформацию в орудие «территориализации» Германии. Вековой конфликт, с помощью которого Габсбурги стремились «объединить» Европу в рамках единой империи, воздвиг на целую историческую эпоху дополнительные препятствия для слияния государств, составлявших «Священную Римскую империю германской нации», в единую Германию.

Статья 18 Аугсбургского договора гласила: «Если архиепископ, епископ, прелат или другое духовное лицо отпадет от нашей старой веры (католицизма. -Авт.), то лишается тем самым своего архиепископства, епископства, прелатства и всяких других бенефиций с их поступлениями и доходами, получавшимися доселе, причем не имеет право на какое-либо за то вознаграждение, хотя не терпит при том никакого ущерба для своей чести... За капитулом также остается право избирать на его место другое лицо старого исповедания и посвящать его в этот сан...»<sup>7</sup>. Иными словами, для духовных княжеств запрещалось изменение веры. Положения этой статьи заведомо могли послужить - и действительно послужили -

юридическим предложением еще для одного этапа векового конфликта, каким стала Тридцатилетняя война.

## Кровавая Мария

Вслед за поражением в Германии неудачей окончились попытки католического лагеря добиться победы контрреформации в Англии, хотя одно время казалось, что эта цель уже достигнута. Генриху VIII наследовал его малолетний сын Эдуард VI. Борьба придворных клик в его правление переплеталась с выступлениями противников Реформации, которым не раз удавалось использовать в своих целях народное недовольство. В правление Эдуарда власть оспаривали дяди короля - герцог Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет, который погиб на плахе, и одержавший победу над ним Джон Дадли, герцог Нортумберленд. Католический лагерь пытался вмешаться в эту борьбу, прибегая к методам тайной войны.



Весной 1550 года имперский посол в Англии Ван дер Делфт подготовил план бегства принцессы Марии Тюдор (дочери Генриха VIII от его брака с Екатериной Арагонской) на испанском судне, курсировавшем для этой цели около Хариджа. План потерпел крах, и английское правительство усилило наблюдение за Марией, фанатично отстаивавшей право оставаться католичкой. В 1551 году император Карл V серьезно обсуждал возможность высадки в Англии испанской армии. Его новый посол в Лондоне Шейв имел шпионов в портовых городах, следивших особенно за тем, не оказывается ли помощь шотландским пиратам, которые вели войну против нидерландского судоходства<sup>1</sup>. (Напомним, что Шотландия была тесно связана династическими узами с Францией - главной соперницей империи Карла V, включавшей Нидерланды.)

. После смерти Эдуарда VI герцог Нортумберленд попытался короновать племянницу

Генриха VIII Джейн Грей, но потерпел неудачу и был казнен. На престол вступила Мария Тюдор, решившая провести контрреформацию в Англии. Правда, сразу же выяснилось, что вернуть монастырям земли, конфискованные у них при Генрихе, было совершенно неисполнимым делом. Мария натолкнулась здесь даже на сопротивление своих министров. На заседании Королевского совета старый Джон Рассел, герцог Бед-фордский, поклялся, что «ценит свое дорогое убернское аббатство больше, чем любые отеческие наставления из Рима». Упорство министров заставило даже фанатичную королеву согласиться на то, чтобы реставрация католицизма не сопровождалась возвращением захваченной церковной собственности. Но и после этого реставрация наталкивалась на глухое недовольство в стране.

Мария Тюдор вышла замуж за сына Карла V - Филиппа (будущего короля Филиппа II). При вступлении в брак Филипп получил от отца Неаполитанское королевство и Миланское герцогство. Но английский парламент не согласился на его коронацию, и Филипп остался для англичан только мужем королевы. Тем не менее угроза поглощения Англии огромной державой Габсбургов стала весьма реальной.



Еще в январе 1554 года вспыхнуло восстание, возглавлявшееся Томасом Уайетом и другими протестантскими дворянами. Повстанцы ворвались в Лондон и были разгромлены только после ожесточенного боя с королевскими войсками. Уайет пытался заручиться поддержкой Елизаветы, сестры королевы. Молодая принцесса, которую опыт научил осторожности, ничего не ответила на посланное ей письмо. Все же она и еще один возможный претендент на корону - виконт Куртней - были отправлены в Тауэр.

Современники передавали даже, будто комендант Тауэра сэр Джон Бриджес получил приказ о казни Елизаветы. Приказ был скреплен королевской печатью, но на нем не было подписи Марии, и Бриджес поэтому отказался его исполнить. Комендант отправился к королеве, которая заявила, что ей ничего не известно о приказе и вызвала своих приближенных - епископа С. Гардинера и других, упрекая их, что они действовали без ее санкции.

Если эта история соответствует действительности, то к фабрикации фальшивого приказа мог приложить руку и. влиятельный посол. императора Симон Ренар. Он считал, что Елизавета волей-неволей станет сосредоточением сил протестантской партии. Посол

настаивал на казнь Елизаветы, но Мария решила ограничиться высылкой ее из Лондона - не было никаких доказательств того, что принцесса поощряла повстанцев. Правда, был обнаружен французский перевод письма Елизаветы королеве в перехваченной французской дипломатической почте. Но сама ли принцесса передала копию своего письма французам? Не являлось секретом, что окружение королевы кишело шпионами. Французский посол Антуан де Ноай даже женился на одной из фрейлин Елизаветы для того, как подозревали, чтобы получить доступ к переписке принцессы. Антуан де Ноай и назначенный ему в помощь также послом его брат Франсуа - представители католического короля Франции - сразу же стали активно поддерживать протестантскую партию в надежде ослабить испанское влияние.

Французский король Генрих II решил даже поддержать план нового заговора, подготовленный врагами королевы Марии. Этот план включал восстание в западных графствах и поход повстанцев на Лондон, захват Тауэра и монетного двора, высадку группы заговорщиков-эмигрантов из Франции на английское побережье, занятие Портсмута и замка в Ярмуте, оккупацию французами острова Уайта. После этого можно было свергнуть с престола Марию Тюдор и возвести на трон Елизавету. Тщательно разработанный план выполнялся, однако, со скрипом. Вначале заколебался французский король, но более нетерпеливые заговорщики решили действовать, не дожидаясь его помощи. Тем временем, однако, шпионы кардинала Поула, главного советника королевы, сумели обнаружить измену. Последовали аресты заговорщиков. Елизавета опять оказалась под подозрением. Обыск, произведенный в ее резиденции, привел к конфискации у приближенных принцессы большого количества подпольной антикатолической литературы, тайно ввозимой в Англию из-за границы. Тучи снова нависли над головой Елизаветы, судьбу которой королева обсуждала в письмах к своему мужу Филиппу, покинувшему Англию. Испания в это время находилась в резко враждебных отношениях с Францией и папой Павлом IV. Английская помощь поэтому приобрела особую ценность, и Филипп II, учитывая плохое здоровье своей жены, заранее стремился заручиться благорасположением ее вероятной преемницы. Он посоветовал Марии проявить снисходительность к сестре.

20 марта 1557 г. Филипп вернулся на время в Англию. Вскоре после этого, в конце апреля, 100 эмигрантов во главе с Томасом Стаффордом покинули Францию и высадились в Йоркшире. Они утверждали, что действуют при полной поддержке Елизаветы. Новое восстание не приобрело большого размаха и было быстро подавлено королевскими войсками, захваченные в плен повстанцы были без промедления казнены. Филипп постарался использовать явную поддержку французами мятежников, чтобы добиться широкой английской помощи для войны против Генриха II. И снова на всякий случай использовал свое влияние, чтобы не допустить суда над Елизаветой<sup>2</sup>. Англия была вовлечена в войну с Францией. Это было ярким примером того, что ближайшие цели всего католического лагеря и его ведущей державы могли серьезно расходиться.

Через месяц после смерти Марии Тюдор Филипп II стал искать руки ее сестры и наследницы Елизаветы. Король писал своему послу об огромном значении этого намеченного им брака «для всего христианства и сохранения в Англии религии, восстановленной благодаря милости божьей». Конечно, при этом Елизавета должна была принять католичество. После длительных переговоров посол доносил Филиппу II, что Елизавета «не может выйти замуж за Ваше величество, потому что она является еретичкой...»<sup>3</sup>. Тем не менее Филипп II продолжал активно поддерживать новую английскую королеву против ее противников, которыми были католическая Франция и вдова французского короля Франциска II - шотландская королева Мария Стюарт. А эта поддержка, в свою очередь, определялась опасениями, что поражение Англии в борьбе против коалиции Франции и Шотландии может привести к такому изменению в соотношении сил, которое подорвет позиции Испании в принадлежавших ей Нидерландах. Однако расчет Филиппа на то, что преемница Марии Тюдор будет сохранять прежний внешнеполитический курс, оказался безосновательным.

## Разграбление Рима

Реформация, как это ни парадоксально, временно укрепила положение папства по отношению ко многим светским государям. Прекратились их попытки выдвигать антипапу, противопоставляя его первосвященнику в Риме, как это многократно случалось в средние века. Теперь монархи, боровшиеся с Римом, предпочитали взять сторону протестантизма и стать в той или иной форме главой национальной реформированной церкви. В оставшихся католическими странах выставить антипапу стало безнадежным делом, так как Рим теперь единолично решал, что является или не является католическим.

Но все же 4 мая 1527 г. под стенами Рима появилась большая императорская армия, которой командовал коннетабль Бурбон, изменивший французскому королю и перешедший на сторону Карла V. Многие немецкие ландскнехты были лютеранами, ненавидевшими центр католицизма, являвшийся в их глазах сосредоточением всех пороков. Папа объявил жителям Рима, что бог послал еретиков к стенам города, дабы они нашли там смерть в воздаяние за свои грехи<sup>1</sup>. 5 мая коннетабль повел на штурм свои войска. Он был убит в самом начале приступа, но немецкие и испанские полки скоро ворвались на улицы Рима и устроили кровавую резню. Убедившись, что город взят неприятелем, папа Пий VII поспешил ретироваться из Ватикана в крепость св. Ангела. Когда он бежал по длинному коридору в укрепленный замок, историк Павел Иовий заботливо нес шлейф мантии римского первосвященника и прикрывал его своей мантией и фиолетовой шляпой, чтобы папу не заметили и не подстрелили неприятельские солдаты. Труднее оказалось укрыться от вердикта истории. Пока Климент VII выслушивал требования победителей, солдаты имперской армии, напялив на себя одежду кардиналов, шутовски провозглашали новым папой Мартина Лютера. Современники передавали, что в первый же день имперцы убили 7 или 8 тысяч жителей. Предметом особой ненависти ландскнехтов стали католические священники, многие церкви были разграблены, погибли находившиеся там бесценные произведения искусства. Такой же участи подверглись и дворцы кардиналов, в том числе и тех, которые держали сторону императора. Однако уже на второй день после взятия города захватчики несколько умерили свой пыл, ограничиваясь взиманием выкупа. Испанские солдаты подвергали своих пленников утонченным пыткам, стремясь выведать места, где были спрятаны золото и драгоценности. Стендаль, излагая в своих «Прогулках по Риму» многие свидетельства очевидцев, добавляет: «Карл V, которому в то время было лишь двадцать семь лет, понимал, что с Римом можно сражаться только его собственным орулием; когда он узнал об ужасах, творившихся по его попустительству уже семь месяцев, он устроил торжественную процессию, моля бога об освобождении папы, которое зависело исключительно от него самого»<sup>2</sup>. Секретарь императора Альфонсо де Вальдес объявил, что Рим понес наказание за грехи папы и его двора, мешающие установлению согласия и единства христианских церквей в борьбе с неверными<sup>3</sup>. В разграблении «святого города» современники видели предзнаменование близкого конца света<sup>4</sup>. (Его, впрочем, неоднократно ожидали и по другим поводам, панике поддавался и сам Карл V.) Когда через несколько лет, в 1534 году, Микеланджело вернулся в Рим, он увидел изуродованную фреску Рафаэля, на которой кинжалом было вырезано имя Лютера.

Как подчеркивает американский историк П. Паркер, это было «кощунственное осквернение великих святых мест католического христианства, осуществленное в тот самый момент, когда доктрины германской Реформации должны были распространиться в других частях Европы и когда вот-вот должно было родиться само слово „протестант"»<sup>5</sup>. И это кощунство было совершено от имени императора, главы католического лагеря, который

нанимал в свои войска сторонников нового, еще не окрепшего вероучения, чтобы использовать их против протестантов и против противников в собственном лагере. Впрочем, об этом разграблении Рима современники и даже сами римские первосвященники помнили недолго - его заслонили другие события и интересы.

Показательно, что войска Карла V захватили и разграбили не Виттенберг, где были обнародованы тезисы Лютера, и не Женеву, ставшую позднее центром кальвинизма. Еще в начале 30-х годов XVI в. позиция папства оставляла открытым путь как к развязыванию войн против германских протестантских князей, так и к установлению религиозного мира в империи, достигнутого на деле только после этих войн.

Одним из важнейших ресурсов политики Карла V была возможность оказывать давление на римский престол через испанские владения в самой Италии (королевство Неаполь и герцогство Милан). Однако вместе с тем здесь были заложены и корни то скрытой, то явной враждебности папы по отношению к большинству планов и действий императора. У Ватикана фактически не было прочных союзников, если не считать весьма ненадежной поддержки со стороны Англии до вступления на престол Елизаветы I.

В 40-е годы Карлу V пришлось приложить немалые усилия, чтобы привлечь пану к войне против протестантских князей. Павел III, соблюдавший, к неудовольствию императора, нейтралитет в войне между Карлом V и Франциском I, в обмен на различные уступки дал согласие заключить союз для искоренения ереси, который и был подписан в июне 1546 года. Однако уже в начале 1547 года Павел III стал сомневаться в правильности своего решения - ведь полная победа Карла V над его противниками в Германии политически грозила окончательно подчинить ему и римский престол.

Собравшийся в 1545 году Тридентский собор стал ареной борьбы между Римом и императором, особенно в 1546 году, когда Карл V находился на вершине своих успехов. При этом Павел III пытался опереться на поддержку французского короля и обвинял императора в том, что он скрывает религиозный характер войны против германских протестантов. В ответ Карл V заявил апостолическому нунцию, что он не упоминал имени папы в своих манифестах, так как из-за его дурных поступков оно стало ненавистным не только в Германии, но и во многих других странах христианского мира<sup>7</sup>. Павел III отвергал права германского рейхстага как светского собрания санкционировать условия компромиссного мира, который Карл V попытался заключить с германскими протестантами, и объявил, что это было бы узурпацией полномочий Тридентского собора.

Император стремился к реформам католической церкви, которые могли ослабить сопротивление протестантского лагеря, тогда как папа - к решению вопросов религиозной догматики и укреплению полномочий римского престола, которое было неприемлемым даже для значительной части германских католиков<sup>8</sup>. Отношения между императором и папой продолжали ухудшаться вплоть до смерти Павла III в 1550 году как раз в годы, когда решался спор между Карлом V и протестантским лагерем в Германии. Разногласия растянулись на долгие годы и продолжались и при преемниках Павла III и Карла V.

Избранный в 1555 году на римский престол Павел IV питал неутолимую ненависть к испанцам и надеялся подорвать их власть над Неаполем и Миланом<sup>9</sup>. Вдохновителем испанской политики стал племянник папы Карло Карафа. Папа поспешил возвести этого авантюриста, которому приписывали многочисленные преступления и убийства, в сан кардинала. В октябре 1555 года Павел IV даже объявил императору войну, разрыванию которой помешало перемирие между империей Карла V и Францией. Папа предпринял отчаянные попытки побудить французского короля Генриха II возобновить войну. Полемика сражений снова стали Италия и Нидерланды. Когда Карл V отрекся от престола, папа поспешил объявить, что император сошел с ума подобно своей матери Хуане Безумной.



В 1557 году испанцы разбили французов при Сен-Кантене, и в том же году истощенные войной и Франция, и Испания объявили о государственном банкротстве, отказавшись от уплаты старых долгов. Жители Кастилии - опоры испанской монархии, как писал еще в 1545 году принц Филипп (будущий король Филипп II), - «доведены до такой степени нищеты, что многие из них не имеют даже одежды»<sup>10</sup>. Экономическое истощение настроило враждующие стороны на более примирительный лад и привело к заключению в апреле мира в Като-Камбрези. Этот мирный договор между двумя наиболее сильными католическими державами рисовался многим современникам как фундамент европейского мира.

По случаю мира Филипп II, уже успевший дважды сочетаться браком и овдоветь, в третий раз женился на дочери французского короля Елизавете. Второй брак Филиппа II - на Марии Тюдор, скончавшейся в 1558 году, - способствовал переходу Англии, хотя и недолговечному, - в лагерь католической контрреформации. Но знаменовал ли третий брак испанского короля прочное примирение Габсбургов и Валуа, которое означало бы коренное укрепление католического лагеря? Знаменитый поэт Ронсар восторгался тогда «божественным миром, прекрасным, как утренняя заря», и брачным союзом, «тесно соединившим Испанию с Францией узами, которыми навсегда скрепляет любовь...»

Глава нидерландской оппозиции Вильгельм Оранский позднее характеризовал династический брак 1559 года как заговор против религиозной свободы Европы. На деле этот мир, хотя во Франции его считали вынужденным и хотя заключению его способствовал папа Павел IV, менее всего мог считаться успехом католического лагеря. Он подводил черту под первой попыткой военной победы контрреформации, увенчанной созданием мировой католической империи. И совсем не случайно именно десятилетие после этого мира стало временем широкого распространения протестантизма в ряде европейских стран, особенно во Франции и Нидерландах.

Еще до заключения договора в Като-Камбрези папа также должен был запросить мира у империи. Заключить его папе удалось только благодаря стремлению Филиппа II, вступившего в 1556 году на испанский престол, превратить римского первосвященника в своего послушного партнера. Прибывший осенью 1557 года в Рим испанский полководец герцог Альба (будущий кровавый наместник в Нидерландах) на коленях просил папу о мире и... потребовал безоговорочного признания испанского владычества в Италии. В 1559 году

Павел IV умер, а новый папа Пий IV приказал объявить, что его предшественник был убит собственным племянником, и после комедии суда отправил кардинала Карафу на эшафот.



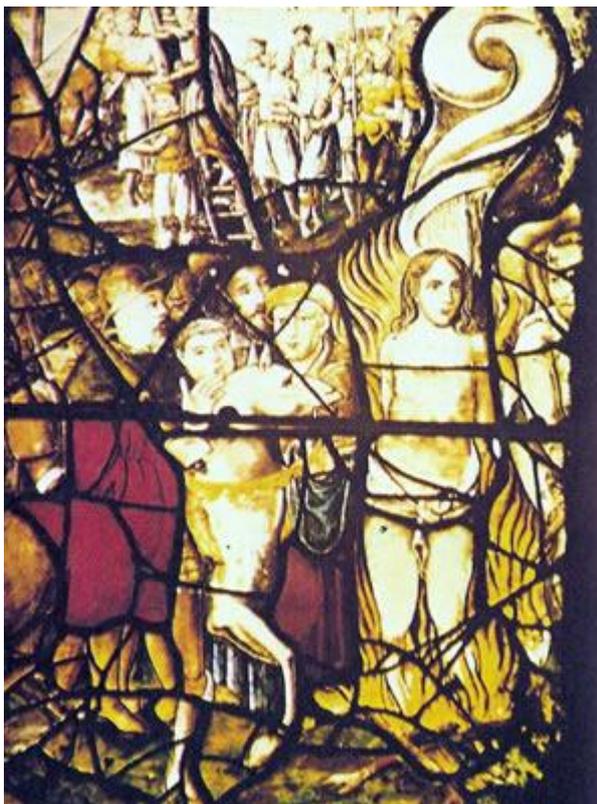
Карл V скончался 21 сентября 1558 г. в монастыре Юсте в горах Эстрамадуры. За три недели до кончины он выразил поистине «могильное» пожелание - прослушать собственную заупокойную мессу". Это были и прижизненные похороны вселенской монархии - путеводной цели всей его жизни. Впрочем, наследник Карла V совсем не был склонен так истолковывать опыт первой половины бурного века.

## Черный треугольник

Господствующей точкой зрения в средние века было, что допустимо терпеть нехристиан (иначе вообще оказывались бы невозможными любые формы сосуществования с исламом), но никак не христиан, впавших в ересь. Фома Аквинский учил, что еретики заслуживают смертной казни - ведь предадут же такому наказанию фальшивомонетчиков, «а извращение веры, которая обеспечивает жизнь души, является значительно более тяжким преступлением, чем подделка денег, которые необходимы для наших земных нужд». Язычники не узрели света истины, тогда как еретики отвернулись от него и тем самым совершили преступления против святого духа и собственной совести. Поэтому, добавлял Фома Аквинский, еретиков «надо заставлять, далее используя физическое принуждение, выполнять то, что они обещали, и сохранять то, что они однажды признали». Эту позицию католицизм пронес через века. Именно на этом основании Григорий XVI в 1832 году объявил безумием свободу совести, а в 1864 году она была официально осуждена римским престолом<sup>1</sup>.

Разрешение векового конфликта вызвало серьезные изменения в политике папства. В десятилетия перед Реформацией она определялась едва ли не в большей степени интересами папского государства, чем вселенскими интересами церкви. Именно это и побуждало пап искать союза с любыми врагами Карла V и радоваться неудачам императора. Во второй половине века происходит переориентация в политике папства, несмотря на

продолжающиеся серьезные трения с Габсбургами (немалое значение имели распад империи Карла V и разделение династии Габсбургов на испанскую и австрийскую ветви). Тридентский собор, заседавший с перерывами с 1545 по 1563 год, резко отмежевал католицизм от всех течений Реформации, признал весь объем полномочий папы, его верховенство, выражающееся в праве отменять даже соборные постановления. Свирепое преследование протестантов, подавление всех видов вольномыслия, к которому была отнесена и большая часть наследия гуманистов, курс на создание новых и реорганизацию старых церковных орденов, всяческое стимулирование планов насильственной реставрации католицизма в странах, где восторжествовала Реформация, - все это становится основной направленностью политики Рима.



Однако даже решения Тридентского собора были неоднозначны с точки зрения векового конфликта: были ли они направлены на консолидацию католического лагеря или на укрепление власти папы, что могло только обострить отношения между Римом и Габсбургами - двумя главными опорами контрреформации. Во время Тридентского собора папы использовали свою шпионскую сеть для лучшего манипулирования дебатами на соборе. С помощью секретной службы выявлялись намерения оппозиционно настроенных кругов духовенства, дискуссии сводились к спорам по догматическим вопросам, чтобы избежать обсуждения жгучих проблем реформы церкви, обеспечивалось большинство при голосовании, распространялись «нужные» слухи<sup>2</sup> и т. п. Это как бы предвещало то, какую большую роль станет отводить контрреформация тайной войне против своих врагов.

В середине XVI века на смену папам Ренессанса, пытавшимся использовать положение главы церкви для расширения своих светских владений, бонвиванам, ценителям гуманистической образованности, приходят свирепые фанатики, мечтающие повернуть вспять историю с помощью аутодафе, выкорчевывания вредной литературы, тайных убийств и вооруженных интервенций, предпринимаемых к вящей славе божьей. Как бы ни негодовали новейшие католические историки против такого «упрощения», мрачная троица - индекс, инквизиция, иезуиты - выражает самую суть политики папства во второй половине XVI века.

Напряженность внутривосточной ситуации, связанная с участием в

переплетающихся между собой вековых конфликтах, особенно ярко проявилась в Испании XVI века - стране, казалось бы, достигшей вершины могущества, получавшей невиданные прежде громадные доходы от недавно открытых и завоеванных территорий в Новом Свете. И одновременно это была страна инквизиции, как бы олицетворявшей и неумное стремление испанской короны к поискам все новых источников доходов (в данном случае - от конфискации имущества осужденных), и неуверенность в крепости своего «тыла».

Целая гора книг написана об испанской инквизиции - и обличительных, и апологетических (этим особенно отличалась католическая историография последних десятилетий). Известный католический историк Р. Тревор-Девис, перечисляя достоинства святого трибунала, подчеркивал, что инквизиция не считалась с привилегиями дворянства: «Она стояла за социальную справедливость. Она имела тенденцию низвести всех людей... до одного уровня перед законом»<sup>3</sup>. Американский историк П. Дж. Хаубин пишет: «Испанская инквизиция называлась по-разному - от решительного защитника католицизма до раннего варианта нацистского гестапо. К определяющим ее развитие часто причисляли расизм, религиозную тиранию, предосудительную юридическую практику, постоянное сдерживание модернизации Испании и другие такого же рода факторы регресса». Хаубин же, напротив, считает, что инквизиция является неотъемлемой частью прошлого величия Испании. «В своеобразной форме, - пишет он, - это столь же эмоциональный термин, как, вероятно, «свободное предпринимательство» для многих американцев, «свобода, равенство и братство» для многих французов и «диктатура пролетариата» для коммунистов во всем мире»\*.

Одной из распространенных, хотя и не присущих профессиональным историкам, ошибок является выведение преемственности инквизиции конца XV и XVI веков по отношению к появившемуся более чем за два с половиной столетия до этого церковному институту для борьбы со средневековыми ересями. Первая инквизиция, создание которой относится к 1233 году, ставила целью искоренение альбигойской ереси в Южной Франции. Этой инквизицией Рим управлял через генерала и других руководителей доминиканского ордена. Инквизиция XIII века оставила мрачную память, на ее счету десятки тысяч невинных жертв. И все же ее активность была ограничена преимущественно южной частью Франции. В XVI веке инквизиция становится учреждением, стремившимся распространить свой злобный сыск на всю Европу и заморские владения европейских держав. Такие притязания определялись тем, что святой трибунал стал одной из ведущих сил в вековом конфликте. Королевская власть во многих странах с недоверием и недовольством смотрела на этот инструмент папской политики. В XV веке инквизицию считали учреждением, давно утратившим былое значение, и вряд ли кто-либо тогда мог представить себе, какую мрачную роль в жизни целого ряда последующих поколений было призвано сыграть новое судилище, присвоившее себе старое название.

Созданная в 1478 году в Испании инквизиция была целиком и полностью делом королевской власти, хотя и получила санкцию Сикста IV и папа являлся формально главой нового трибунала. На деле испанская инквизиция была с самого начала ограждена от вмешательства Рима. (Римская инквизиция возникла более чем через полвека после испанской, в 1542 г., в разгар векового конфликта.) Испанская инквизиция состояла из 22 трибуналов, располагавшихся в самой Испании и в ее европейских и заморских владениях, верховного трибунала - Супремы. Персонал инквизиции делился на штатных чиновников, включая судей, теологических консультантов, тюремщиков, и «внештатных» - фамильяров. Обычно фамильяры, в отличие от судей, не принадлежали к духовенству и нередко скрывали свою службу в трибунале. Эти находившиеся на сдельной оплате лица выполняли роль то полицейских, то тайных агентов, выведывающих, против кого было выгодно обратить карающий меч инквизиции. Инквизиция стремилась обеспечить себе высокий общественный престиж. В созданные ею организации, вроде «Братства святого Петра-мученика», входили даже такие люди, как прославленный драматург Лопе де Вега.

Старая инквизиция преследовала тех, кто открыто отпал от Рима после того, как их

предки веками исповедовали католицизм. Испанская инквизиция обратила свою карающую десницу против мавританского и иудейского населения (морисков и марранов), силой - под угрозой смерти или изгнания - обращенного в христианство. Эти «новые христиане» (возможно, что какая-то часть из них внутренне оставалась верна своей прежней вере и сохраняла родной язык, привычные обычаи и одежду) внешне обычно всячески пытались продемонстрировать свою преданность католической церкви. Старая инквизиция карала еретиков. Новой инквизиции надо было еще немалое число своих жертв превратить в еретиков - точнее даже не в еретиков, а в снова вернувшихся к исповеданию ислама или иудаизма, - чтобы получить основание для расправы с ними. По одной этой причине попытка была не просто данью «нравам эпохи», как любят писать апологеты святого трибунала из числа новейших клерикальных историков, а главным средством достижения цели. А целью были и террор против «новых христиан», и их ограбление в пользу королевской казны под благовидным предлогом искоренения ереси.

Пытка не была средством, так сказать, предварительного наказания заведомо виновного, она создавала самую вину любого арестованного, позволяя исторгать из него любые нужные признания. Приемы при этом были настолько устрашающими, что обеспечивали ложные показания и даже «добровольные» самооговоры. Этой же цели служили и публичные казни - аутодафе. Пытка являлась предпосылкой для успешного применения всех остальных методов инквизиционного следствия - даже в тех случаях, когда к ней не прибегали. Одинокое заключение, полная изоляция от членов семьи, сохранение в тайне имен свидетелей обвинения, возможность обратиться к услугам только адвоката, назначенного инквизицией и видевшего свою роль в том, чтобы побудить обвиняемого к самооговору, - все эти и другие хорошо известные черты инквизиционной процедуры основывались в конечном счете на страхе перед дыбой, перед пыткой водой или растягиванием суставов, которые особенно рекомендовались «любвеобильным» трибуналом как не сопровождающиеся кровопролитием. Страх перед следствием оказывался сильнее страха перед последующим наказанием, будь то бичевание, отправка гребцами на галеры либо даже мучительная смерть на костре.

В инквизиционном процессе главное, что бросается в глаза, - это вовсе не стремление определить виновность подсудимого - пусть даже «виновность» только с точки зрения самой Супремы, а система добывания признания в виновности всякого, кого это судилище пожелало бы видеть виновным. Инквизиция свирепо преследовала как «лютеранскую ересь» все, что хотя бы на йоту отклонялось от далеко не всегда ясно сформулированной ортодоксии. Достаточно сказать, что святой трибунал дважды бросал за решетку Игнатия Лойолу - в недалеком будущем основателя иезуитского ордена, подозревая его в еретических воззрениях. Даже глава испанской церкви, архиепископ Толедский, и тот провел 17 лет (с 1559 по 1576 г.) в тюрьмах инквизиции по заведомо сфабрикованному обвинению в склонности к ереси<sup>5</sup>.

Недоверие человек возбуждал нередко не из-за своих взглядов, а из-за своей родословной. А это недоверие к искренности исповедания католической веры оказывалось равнозначным сомнению в его лояльности к государству, подозрению, что он является скрытым агентом или потенциальным союзником внешнего врага.

Между тем реальных «еретиков» было очень немного. В 1558 году в Севилье и Вальдолите были раскрыты небольшие группы протестантов (строго говоря, речь шла просто о сторонниках отдельных реформ внутри католицизма). Последовали жестокие репрессии. 8 октября 1559 г. сам король Филипп II в сопровождении своего сына и брата дона Хуана Австрийского присутствовал на одном из аутодафе. Филипп обнажил шпагу и заявил: «Если мой сын впадет в ересь, я сам лично принесу хворост, чтобы сжечь его». Некоторым из осужденных, когда их вели на костер, вставляли в рот деревянный кляп, чтобы они не могли выражать свои еретические взгляды к соблазну собравшейся толпы. Протестантов сжигали в Севилье и Толедо, в Сарагосе и других городах<sup>6</sup>.

В последнее время в западной исторической литературе явно проступает тенденция к

занижению числа жертв испанской инквизиции. По новейшим оценкам, с 1550 по 1700 год инквизиция рассмотрела 150 тысяч дел. Из 42 тысяч, протоколы которых сохранились в архивах, три-четверти касались обвинения в ереси, остальные - в оскорблении нравственности; 687 обвиняемых были казнены, еще 619 приговоренных к смерти либо бежали, либо скончались в тюрьме. Даже если доверять этим цифрам, никак нельзя преуменьшить огромного деморализующего влияния святого трибунала на общественную жизнь Испании и других стран.

Не распространение ереси вызвало учреждение инквизиции, скорее наоборот - учреждение инквизиции способствовало сохранению ереси. Речь шла не о ликвидации ереси среди морисков и марранов, а о ликвидации морисков и марранов как определенных этнических групп. По сути дела, для них не существовало способов избежать внесения в тот роковой список, от включенных в который инквизиция всеми неправдами добывала признание вины. Иначе говоря, инквизиция преследовала лиц, которые не могли избежать преследования, ибо критерий, по которому они попадали в число обреченных, определялся не их действиями, а их происхождением. Враг, которого преследовала Супрема, был врагом не по своей воле, не в результате каких-то поступков, а вследствие принадлежности к определенной группе населения. Критерий не был подвластен человеку. А это означало, что врага церкви и государства обнаруживали даже в том случае, если не было и намека на сознательную оппозицию, будь то ересь или любые другие считавшиеся предосудительными деяния.

Супрема заранее обеспечивала себя достаточным количеством еретиков, как бы они ни стремились быть правоверными католиками. В случае с Испанией это свидетельствовало о том, что спрос превышал предложение, что «добровольных» еретиков явно не находилось в достаточном количестве и их приходилось создавать самой инквизиции. (Недаром требуемые признания неизменно включали указания на обычно значительный круг мнимых сообщников, причем опять-таки поведение каждого конкретного человека, как правило, отнюдь не влияло на то, попадал или не попадал он в их число.) Официально же инквизиция никогда не признавала, что она преследует кого-либо по каким-то иным мотивам, кроме сознательно совершаемых преступлений против веры.

Преследование людей не за убеждения, а за происхождение породило в Испании XVI века и воззрения, и практику, во многом подобные расизму XIX и XX веков. При сословном строе средневековья происхождение предопределяло положение в обществе. Однако чистота крови ценилась прежде всего как чистота знатной, дворянской крови вне зависимости от национальности. Средневековая система ценностей вполне допускала межнациональные браки между равными по социальному статусу, но исключала межсословные брачные союзы.

Исходя из испанского представления о чистоте крови налагается запрет и на внутрисословные браки между старыми христианами и «новыми» - самими морисками и марранами или их потомками. А это, в свою очередь, препятствовало ассимиляции «новых христиан» и как бы увековечивало опасность, которую они в глазах власти имущих представляли для церкви и государства. Любопытно, что для чистоты происхождения требовалось, чтобы в числе предков не было не только «новых христиан» (тем более мусульман или иудеев), но также лиц, осужденных инквизицией. Постепенно к тому же «новым христианам» запрещалось быть членами инквизиционных трибуналов, университетскими профессорами; круг запретных для них государственных должностей со временем все больше расширился.

Конечно, делались исключения из правила - далее при «католических монархах» Фердинанде и Изабелле и при Филиппе II в числе высших сановников имелись «новые христиане». К ним относился и первый генерал-инквизитор Торквемада. Но эти исключения никак не влияли на происходившее вытеснение лиц, не могущих похвастаться чистотой крови. Более чем 300 тысячам из них все же удалось уцелеть, несмотря на все преследования.

Стоит ли говорить, что «чистота» крови во всех случаях была фикцией в Испании, где на протяжении столетий происходили интенсивные процессы этнического смешения.

Система же выдачи сертификатов о чистоте происхождения на основе свидетельских показаний и при уплате специального сбора стала источником взяточничества, лжесвидетельства, всяческих подлогов, сведения личных счетов. А полученные таким способом сертификаты, в свою очередь, становились предлогом для шантажа и все новых требований.

Во время правления Филиппа II испанские чиновники постепенно привыкали смотреть на население управляемых ими территорий - будь то в Европе или в Америке - как на людей низшего сорта. Один современник, сам испанец, еще в 1557 году писал, что его соотечественники, особенно кастильцы, «делают вид, что они одни происходят от неба, а весь остальной род людской - грязь под ногами». Герцог Альба именовал членов городского магистрата Брюсселя «падалью», причем не более высокого мнения он был вообще о нидерландцах, какие бы должности они ни занимали и какие бы звания ни носили<sup>9</sup>.



Наряду с инквизицией действовал иезуитский орден. Самое название «иезуиты» стало нарицательным на многих языках. Об «Обществе Иисуса» написано немало. Его обличали либеральные историки прошлого века, и им восторгаются клерикальные и вообще консервативные авторы в наши дни. В самый разгар «холодной войны» главный орган американских иезуитов журнал «America» писал про Игнатия Лойолу и других основателей «Общества Иисуса»: «В Америке середины XX века... эти имена с новой силой и яркостью освещают нам путь»<sup>10</sup>. А в сентябре 1984 года в речи на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций президент США назвал Лойолу «великим духовным вождем человечества». Кому незнакомы в общем и целом методы иезуитов? В одной из песенок Беранже сам сатана рекомендует своему воинству следовать по стопам святых отцов из «Общества Иисуса»:

В пример возьмите тех лисиц,  
Которых дал Лойола.  
Будь каждый с виду прост  
И прячь подальше хвост.

Нужно ли рассказывать о попытках иезуитов захватить в свои руки воспитание молодежи, особенно принадлежащей к верхам общества, занять места королевских исповедников при большинстве европейских дворов, приговорить к смерти целые народы, как это было сделано в отношении восставших Нидерландов в 1568 году, или готовить самозванцев для занятия «вакантного» - с точки зрения ордена - московского престола, организовывать подпольные типографии в протестантских странах, руководить

придворными куртизанками, принимать личину буддистов или огнепоклонников в заморских землях, обращать в рабство парагвайских индейцев - да разве все перечислишь! Лейтмотивом во всей этой кипучей деятельности были многочисленные заговоры, прямо организованные орденом или вдохновляемые им.

При всем разнообразии конкретных целей и применяемой тактики основной ставкой иезуитского ордена была победа в вековом конфликте. Поэтому неизменной сверхзадачей ордена было привлечение на сторону контрреформации всех сил, которые любыми средствами можно было мобилизовать для столь богоугодной цели. Положение в любой стране рассматривалось орденом с точки зрения решения главной задачи. Орден не устраивало просто торжество католицизма в той или иной стране, ему нужно было торжество католицизма воинствующего, прежде всего воинственно настроенного против протестантских государств. С крайним рвением включились иезуиты и в борьбу папства против «вредных» сочинений.

Надо заметить, что с самого начала векового конфликта резко изменилась к худшему обстановка для книгоиздателей, публиковавших литературу гуманистов. В 1530 году книготорговцы жаловались Эразму, что на юге Германии раньше было легче продать три тысячи томов, чем ныне шесть сотен. Росло число изданий только богословских сочинений. За 12 лет после перевода Лютером Нового завета ушли свет 85 изданий этого и других переводов". Однако Рим, естественно, очень мало устраивало расширение публикации богословской литературы, вышедшей из-под пера протестантов. Церковь веками запрещала сочинения, авторы которых высказывали мысли, не совпадающие в чем-то с идеологическим обоснованием позиции церкви в прошлых конфликтах.

В середине XVI века Тридентский индекс запрещенных сочинений все еще включал трактат Данте «Монархия». Мотив запрещения - как и за два с половиной века до этого: Данте утверждает, что император получает власть от бога, а не от его наместника на земле<sup>12</sup>. Индекс превратился в немаловажное орудие векового конфликта и стал исключать все большее число произведений, ранее одобрявшихся папами. После отмены индульгенции в индекс попали рекламировавшие их брошюры, и было даже разъяснено, что эти сочинения составлены провокаторами, пытавшимися опорочить святую церковь. Попали в индекс многие труды гуманистов, в том числе произведения Эразма Роттердамского, страстно стремившегося предотвратить вековой конфликт. Папа Павел IV (1555-1559) приказал внести в индекс сочинение, которое он написал сам до избрания главой церкви. Римская инквизиция запретила в 1622 году ученый трактат некоего Вечьетти, и сам автор провел долгие годы в темнице за то, что высказал отличное от обычного мнение по поводу даты Тайной вечери. Испанские цензоры гордились своим либерализмом - они допускали некоторые книги, категорически запрещенные в Риме, ограничиваясь вымарыванием в них «опасных мест»<sup>13</sup>.

В роли цензоров стремились выступать даже армии католического лагеря. В 1589 году Женева была обложена войсками герцога Савойского, решившего раз и навсегда уничтожить это «гнездо ереси». Осаждавшие не скрывали своих планов до основания разрушить город и особенно типографии, где печатались еретические книги. Хотя Женева оказалась в состоянии выставить лишь примерно две тысячи воинов для защиты городских стен, осада затянулась на целых девять лет и окончилась отступлением са-войской армии.

Протестантский лагерь не оставался в долгу. Религиозная нетерпимость была свойственна всем враждующим силам, и уже по одному этому очевидно, что она имела различное историческое значение в зависимости от того, кем она практиковалась, особенно в XVI веке, когда религия была другой стороной политики. Относительная веротерпимость последующего времени в странах, где победил буржуазный строй, могла утвердиться лишь в результате той борьбы народных масс в революционное время, которая проходила под знаменем нетерпимости. Поэтому было бы неправильным противопоставлять «консервативную» догматику кальвинизма его революционной политической роли, что неразрывно связано<sup>14</sup>.

Однако надо учитывать, что нетерпимость кальвинизма (и тем более лютеранства) была обращена не только против врагов справа, но и недругов слева - более радикальных течений в Реформации. Несомненно, что и в лютеранстве, и в кальвинизме был заранее заложен переход от смелой критики устоев католической церкви к созданию новой ортодоксии, столь же нетерпимой, как и старая, и подкрепляемой протестантской инквизицией, столь же жестокой, как католическая в Испании и Риме, и не менее ее занятой преследованием гуманистов, бывших своих соратников по идеологическим сражениям кануна и первых лет Реформации. Хотя каждая из основных церквей преследовала «своих» еретиков, все они обрушивались на анабаптистов, антитринитариев, на секты, представлявшие народное течение в Реформации<sup>15</sup>. Недаром во время крестьянской войны Лютер писал: «Для господ пустячное дело истребить множество крестьян, когда он затопил весь мир потопом и уничтожил Содом огнем». Однако столь же несомненно, что крайности нетерпимости, которыми отличалось бюргерское течение - и там, где его победа была наиболее полной, как, например, в Женеве, и там, где она оспаривалась изнутри и извне, - были во многом следствием векового конфликта, добавив к внутренним мотивам важные внешние причины.

Вековой конфликт усиливал тенденцию к догматическому окостенению протестантской ортодоксии во имя укрепления «тыла»: подавление всех противников новой формы религиозного устройства создавало климат, при котором недавних союзников можно было представить помехой в борьбе. Вековой конфликт помешал проявиться тем аспектам Реформации, которые впоследствии стимулировали секуляризацию общественной жизни, в определенном смысле способствовали развитию передовой общественной мысли на ее длинном тернистом пути от эпохи гуманизма к столетию Просвещения.

## Тень полумесяца

Вернемся теперь из середины XVI века на сто лет назад - в середину века XV...

С наступлением весны 1453 года огромная армия султана Мухаммеда II подступила к Константинополю. Началась осада. День и ночь со стен византийской столицы вглядывались в море, откуда ожидали прибытия обещанных военных кораблей из Неаполя, Венеции и Рима. Они не должны были запоздать. Бригантина с 12 моряками, переодетыми в турецкие одежды, была послана к берегам Греции в поисках этого флота. Но суда не прибыли, их никто не посылал.

Не исполнилось пророчество, что ангел, спустившись с небес рядом с колонной императора Константина Великого, укажет на сидящего у подножия незнакомца, который с божественной помощью прогонит прочь захватчиков. 29 мая после ожесточенного штурма город перешел в руки султана. Император пал в сражении. Взятие Константинополя сопровождалось массовым избиением мирного населения, пока победители не решили, что живые невольники лучше мертвых христиан. Около 50 тысяч человек было продано в рабство. Турецкие хроники передают, что 300 греческих монахов объявили: сам бог, даруя победу султану, показал, какая религия является истинной,- и приняли ислам.

Город подвергся полному разграблению. Когда тот или иной дом обирали до нитки, на нем вывешивали флажок, чтобы избавить другие отряды турецкой армии от ненужных поисков спрятанного имущества. Книжные сокровища - та часть, которая уцелела при захвате Константинополя крестоносцами в 1204 году и после распродажи в последующие два с половиной века, - редко привлекали жадный взор победителей. Очевидец греческий кардинал Исидор передает, что погибло не менее 120 тысяч древних рукописей. Если верить молве, часть из них попала в библиотеку Мухаммеда II, но слух этот не нашел

подтверждения. Даже через столетие, в 1555 году, Ожье Гизелин Бусбек, посол короля Фердинанда, брата императора Карла V, без труда мог покупать целые горы греческих рукописей.

Правитель генуэзского торгового квартала в Константинополе Перы (Галаты), который турки пощадили, писал 1<sup>ю</sup> июне 1453 года под свежим впечатлением падения древней столицы Византии, что через два года Мухаммед пойдет походом на Рим. «Клянусь богом, если христиане не примут меры или не произойдет чуда, падение Константинополя повторится в Риме». А видный писатель Эней Сильвий Пикколomini (позднее ставший римским папой под именем Пия II) заявил на заседании имперского рейхстага во Франкфурте, что туркам открыта дорога на Венгрию и далее через нее - в Германию и Италию<sup>1</sup>.

Братья погибшего императора Томас и Деметрий, владевшие княжествами в Южной Греции, ссорились между собой. Из ненависти к брату Деметрий предпочел капитулировать перед турками. В 1460 году он вернулся в Константинополь, отказываясь искать убежище на Западе по религиозным мотивам. В новой столице Оттоманской империи он получил от султана в дар значительную пенсию и евнуха в качестве почетного телохранителя; впоследствии он мирно скончался от старости. Дочь Деметрия была взята во дворец Мухаммеда II. Томас (отец Зои-Софии, вышедшей за великого князя Московского Ивана III) уехал в Италию, прихватив драгоценную реликвию - голову святого Андрея, и получил пенсию от римского папы и кардиналов. Один из сыновей Томаса - Мануэль - вернулся в Константинополь. Мухаммед II подарил ему двух рабынь. Сын Мануэля стал одним из придворных султана. Что касается другого сына Томаса - Андрея, - то он женился на итальянской куртизанке и продал свои более чем призрачные права на византийский престол сначала королю Франции, а потом еще раз - королю Арагона. От трагического, как и от великого, до смешного - один шаг. Впрочем, эти слова были сказаны через три с половиной века после конца Палеологов.

Трагедия Константинополя произвела большое впечатление на Западную Европу. Многие поколения европейцев находились под влиянием «крестоносного духа», который можно было назвать даже идеологией крестовых походов. Горько оплакивали гуманисты захват «неверными» христианских стран, особенно, конечно, Греции, считавшейся колыбелью европейской культуры. Вместе с тем тот факт, что христианские государства не пришли на помощь Константинополю, показал их явное нежелание воевать за веру, если не затронуты их непосредственные интересы<sup>2</sup>.

Некоторые западные авторы, начиная с Х. Тревор-Ропера<sup>3</sup>, склонны сравнивать конфронтацию социалистического и так называемого свободного (капиталистического) мира со столкновением между Востоком и Западом в эпоху Возрождения. «Действительно, - писал Р. Швебель, - имеются некоторые заметные параллели. В обоих случаях можно обнаружить не только борьбу и конфликт идеологий и противоположных социальных, экономических и политических систем. В период Ренессанса, как в наши дни, противники - латинское христианство и оттоманские турки - верили, что они ведут борьбу за существование. Каждый стремился изменить образ жизни другого. Обе стороны претендовали на то, что выполняют божественную миссию и что их соответствующие режимы составляют лучшую надежду человечества. Тогда правители думали преимущественно о военном решении спора. XIV, XV и XVI столетия заполнены битвами между турками и христианскими государствами. Большие войны перемежались ограниченными операциями и периодами непрочного мира, сравнимыми с нашими «холодными войнами». Однако враждебные действия прерывались также дипломатическими переговорами и мирными отношениями. Протагонисты вступали в переговоры, торговали и даже вели культурный обмен. И во времена мира или войны они были чувствительны к вопросам, затрагивающим престиж и общественное мнение; поэтому все стороны способствовали своей политике с помощью пропаганды внутри страны и за границей»<sup>4</sup>. Швебель признает, что наряду со схожими моментами существуют и различия, однако он неверно определяет эти различия и опускает главные из них, связанные с тем, что

конфликт между Востоком и Западом в XVI веке был внутрiformационным конфликтом, а в XX веке впервые в истории передовой лагерь состоит из государств неэксплуататорского типа.

Вялая политическая поддержка Западом погибавшей Византии не была, конечно, случайной. Падение Константинополя совпало с заключительным этапом Столетней войны. Современники отнюдь не считали ее окончательно завершенной. Это служило для французского короля удобным поводом, чтобы отвергать любые планы крестового похода против турок. Интерес к этой идее проявлял при французском дворе только наследник престола - напомним, что речь идет о будущем короле Людовике XI, ставшем воплощением политики коварства и тайных козней.

Людовик XI вел упорную борьбу против крупнейших феодалов, могущество которых ослабляло власть короны, и прежде всего против герцога Бургундского Филиппа и его преемника Карла Смелого, также активных поборников - в теории - крестового похода. Примерно то же самое можно было сказать и о германском императоре Фридрихе III.

На определенных этапах конфликта, особенно в начале (или при возобновлении после длительного перерыва) и в конце, характерно известное расхождение во мнениях самих его идеологов и правящих кругов. Первые либо обгоняют время - и их призывы к участию в конфликте не встречают сочувствия у власть имущих, - либо отстают от требований времени и цепляются за это участие, бесполезность или вредность которого осознается теми, кто принимает политические решения.

Первоначально турецкие завоевания в Малой Азии и в Греции вызывали слабый отклик у западноевропейских монархов. Вскоре после смерти осуществившего эти завоевания султана Мурада II в 1451 году гуманист Франциско Филельфо обратился к французскому королю Карлу VII с призывом возглавить новый крестовый поход. В этом документе отчетливо различимы характерные черты мышления идеологов нового векового конфликта: и переоценка угрозы со стороны неприятеля, и недооценка его военных ресурсов, способностей его руководителей (сына Мурада - Мухаммеда II, через два года захватившего Константинополь), и преувеличение возможностей, которыми обладали потенциальные друзья и единомышленники в неприятельском лагере (в данном случае - христианские подданные турецкого султана), и, главное, преувеличение готовности основных государств, которые должны были образовать коалицию, оставив в стороне свои споры. Филельфо планировал участие в союзе под эгидой Карла VII даже англичан, хотя еще не закончилась Столетняя война и в Лондоне не оставили планов возвращения недавно утерянных обширных областей французского королевства.

Влияние, которое оказывали друг на друга переплетавшиеся вековые конфликты, было весьма различным. Более того, один вековой конфликт мог оказывать внутреннее противоречивое воздействие на другой, так что историку приходится устанавливать, какое из этих влияний было все же преобладающим. К тому же надо учитывать, что это влияние могло ограничиваться только идеологическим воздействием, либо воздействием через систему международных отношений - то есть политической областью, либо, наконец, воздействием на социально-экономическое развитие. (Именно такой характер носило в VII в. столкновение христианства и ислама в Средиземноморье. Известный бельгийский историк А. Пиренн поэтому далее был склонен считать именно VII в. временем гибели античного мира и рубежом, с которого начинается средневековье.)

Влияние одного из конфликтов может обострять, расширять, углублять или, напротив, смягчать, отодвигать в сторону, постепенно сводить на нет другой конфликт. Возникают даже ситуации, при которых старый конфликт сохраняется как форма, как прикрытие, как отвлечение внимания от нового. Надо оговорить, впрочем, то, что не всегда новый конфликт доминирует над старым, иногда первый все время остается в подчиненной роли. Это зависит от многих факторов, и прежде всего от того, насколько глубоко данный конфликт отражает ведущий антагонизм эпохи.

192 года со времени восстановления Византийской империи в 1261 году волны

турецкой экспансии разбивались о стены Константинополя. Последующие 230 лет, с 1453 по 1683 год, были временем то нарастающей, то ослабевавшей, но никогда не исчезающей угрозы турецкого нашествия на Западную Европу. Это был внутриформационный конфликт. Правда, в XV веке турецкий феодализм находился еще в процессе перехода от ранней стадии к развитой. В этом отношении турки отставали примерно на четыре столетия от Западной Европы, где подобное перерастание происходило в XI веке<sup>6</sup>. Энгельс отмечал, что османское нашествие «угрожало всему европейскому развитию»<sup>7</sup>, что «турецкое, как и любое другое восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом»<sup>8</sup>.

Турецкое завоевание сопровождалось обычно грабежом и избиением населения, а позднее - постепенным усилением налогового гнета. Однако этот гнет первоначально не всюду был более тяжким, чем тот, который ранее испытывало крестьянство от местных феодалов.

Что же касается веротерпимости, то турки здесь выгодно отличались от завоевателей, обуреваемых «крестоносным духом». Насильственное обращение в ислам, правда, практиковалось, но в различных завоеванных странах его масштабы обычно зависели от условий, в которых происходило само завоевание. В ряде мест часть церквей была обращена турками в мечети, власти запрещали звон колоколов и вводили другие подобные ограничения. Однако, как правило, турки предпочитали превращать духовенство в орудие своего управления, в придаток турецкой администрации. Во всяком случае, православная церковь пользовалась значительно большей терпимостью со стороны турок, чем со стороны католических стран и Ватикана. Турецкое правительство, как правило, не было заинтересовано в вербовке новых приверженцев ислама - ведь христианское население облагалось дополнительным налогом, а из его среды насильственно изымали детей для воспитания будущих солдат султанской гвардии - янычар.

Надо добавить, что этот «налог кровью» был особенно тяжелым в XVI веке и постепенно уменьшался в следующем, XVII веке - как раз когда он стал широко известен в Европе и служил излюбленной темой обличения турецких завоевателей. Однако этот налог редко где встречал особое сопротивление, зачисление христианских детей в корпус янычар порой служило прологом к военной и придворной карьере, вызывавшей зависть самих турок.

Обращает на себя внимание соотношение турецкого продвижения и крестьянских войн. Хотя не было никакой прямой связи крестьянских войн во Франции и Англии с турецкой экспансией, этого нельзя сказать о косвенной связи - через воздействие этих войн на систему международных отношений. Что касается восстания в Венгрии и Крестьянской войны в Германии, то их связь с последующим турецким нашествием была более прямой. Попытки дальнейшего усиления феодального гнета, вызвавшие широкие крестьянские движения, сосредоточили основные силы господствующего класса на подавлении народных масс и ограничили их возможности и волю к отпору внешнему врагу.

## **Под стенами Вены**

В начале правления султана Сулеймана Великолепного (1520-1566), при котором Османская империя достигла зенита своего могущества, изменилось главное направление турецкой экспансии. После успешных походов против Персии и завоевания Египта Сулейман обратился против Юго-Восточной Европы. В 1521 году был захвачен Белград, в течение многих десятилетий успешно выдерживавший атаки турок. Был открыт путь в Венгрию. В 1522 году был захвачен остров Родос и созданы условия для дальнейшего турецкого наступления в Средиземноморском бассейне.

Султан рассылал повсюду своих лазутчиков. Обычно это были христианские ренегаты,

скрывавшие свой переход в ислам. Сами же турки в качестве разведчиков нередко попадали впросак из-за незнания европейских нравов, обычаев и религиозных обрядов. Например, один из агентов так сообщал о католической мессе, на которой он присутствовал: «Они убили ягненка и выпили его кровь». Значительно более полезной оказывалась информация, получаемая с середины века через учрежденный в Константинополе баше Иосифа Мшсаса, имевший связи с купцами в Венеции, Севилье, Антверпене и других торговых центрах<sup>1</sup>.



29 августа 1526 г. в битве при Мохаче армия султана разгромила венгерские войска. Большая часть Венгрии подпала под власть турок, в сентябре повернувших, как обычно, назад, чтобы не вести зимнюю кампанию. После поражения при Мохаче венгры могли рассчитывать устоять перед наступлением османов, лишь передав королевский престол Габсбургам. Однако притязания Габсбургов на главенство в Европе отвлекали их от борьбы против турецкого наступления, отражение которого являлось жизненно необходимым для венгерского народа. Более того, политика Габсбургов, сталкивавшая их с Францией, породила союз между Парижем и Константинополем. Этот альянс исключал возможность опоры на французскую помощь для тех сил в Венгрии, которые стремились вести борьбу на два фронта - против турок и империи<sup>2</sup>.

21 сентября 1529 г. армия Сулеймана в сопровождении вспомогательных войск поставленного турками венгерского короля Заполия подступила к стенам Вены. Численность осаждавших достигала, по некоторым сведениям, 240 тысяч, и они привезли с собой 300 пушек. Гарнизон города насчитывал 22 тысячи солдат и 12 пушек. Эрцгерцог (будущий король) Фердинанд еще до начала осады уехал в Линц, чтобы поддерживать постоянную связь со своим братом - императором Карлом V, находившимся в Италии. При дворе Фердинанда считали, что, захватив Вену, турки в течение последующих трех лет ворвутся в Германию. Однако осада затянулась - приближалась зима, и 14 октября Сулейман приказал начать отступление. Турецкое нашествие было отражено (как показало время - надолго), хотя Фердинанд считал, что уже в следующем году султан повторит попытку занять Вену.

Осада Вены поразила воображение европейцев. Целых восемь столетий - со времени битвы при Пуатье в 732 году, в которой Карл Мартелл отразил нападение арабов, - ни разу страны Западной Европы за пределами Пиренейского полуострова не подвергались нашествию со стороны мусульманского Востока.



Еще со второй половины XV и начала XVI века тема усиливающейся турецкой опасности постоянно дебатировалась в ученых трудах, о ней слагали баллады народные певцы на ярмарках, о ней звонили «турецкие колокола» в разных германских городах, призывая к покаянию в грехах, чтобы смиростивить гнев божий, без которого не было бы успехов неверных. Интересно, что по-немецки слово «газета» (Zeitung) впервые, по-видимому, возникло в связи с антитурецкой пропагандой. В 1502 году была напечатана подборка известий «Newe Zeitung von Orient und Auffgang» о борьбе венецианцев с турками<sup>3</sup>.

Добываясь от немецких, в том числе протестантских, князей денежных взносов для отражения турецкого нашествия, Карл V должен был пойти в 1532 году на подписание мира с ними. А это, в свою очередь, облегчило князьям-протестантам объединение в Шмалькальденский союз.

Вслед за снятием осады Вены военные действия переместились на границу Австрии и занятой турками Венгрии. После 1562 года граница между владениям Габсбургов и Порты оставалась, по сути дела, неизменной в течение целого столетия, хотя почти непрерывные вооруженные стычки на этом рубеже нередко перерастали в большие сражения и постоянно существовала опасность нового оттоманского вторжения. Императорский посол в Константинополе Бусбек в начале 60-х годов предостерегал, кивая на могущество султана: «От персидской границы почти до окрестностей Вены он все подчинил своему игу»<sup>4</sup>.

С 60-х годов основное направление турецкой экспансии снова переместилось в район Средиземноморья. В руках Порты оказалась уже большая часть побережья Средиземного моря, а турецкий натиск все продолжался. На картах XVI века юг обычно изображали наверху листа, а север - в низу: огромный полумесяц турецких владений на севере Африканского континента как бы нависал над Европой. Правитель Алжира Хайр-ад-дин Барбаросса, поставленный Сулейманом во главе турецкого флота, в 30-е и 40-е годы наводил страх на все Западное Средиземноморье. Попытки испанцев наносить контрудары по прибрежным городам Северной Африки в целом окончились полной неудачей. Сам Карл V во главе 20 тысяч воинов высадился в 1541 году около Алжира, но вскоре должен был снять осаду города и, потеряв почти половину армии, едва спасся от преследовавших его турецких кораблей<sup>5</sup>.

В 1560 году Испания предприняла экспедицию с целью отвоевания города Триполи, за девять лет до этого занятого турками и находившегося сравнительно недалеко от острова Джербы. Однако турецкая эскадра рассеяла испанские корабли, 10 тысяч солдат Филиппа II были отправлены пленниками в Константинополь. Новый галерный флот, построенный в последующие два года, был почти уничтожен бурей во время маневров близ Малаги в октябре 1562 года. Боеспособность испанского флота с трудом удалось восстановить только к 1564 году, когда он смог снова возобновить наступление против турецких укреплений близ Тетуана. Это, вне сомнений, заставило Филиппа II пойти на уступки в Нидерландах (отзыв главного министра-кардинала Гранвелла). А в 1565 году турки начали осаду Мальты<sup>6</sup>, от

исхода которой зависела судьба Западного Средиземноморья, и Филипп II снова месяцами не отвечал на письма правительницы Нидерландов, своей сестры Маргариты Пармской. Но вот турки были вынуждены снять осаду, и король в двух письмах Маргарите от 17 и 20 октября 1565 г. полностью отвергает все требования нидерландской оппозиции, выражая полную поддержку действий инквизиторов. Это было объявление войны недовольным, которые ответили открытым неповиновением. В 1566 году турецкий флот возобновил наступление, и в разгар его успехов Филипп направляет письмо Маргарите, предписывающее смягчить законы против еретиков.

В сентябре 1566 года оттоманский флот, не добившись успеха, вернулся в Константинополь, а вскоре после этого умер султан Сулейман Великолепный, в империи начались военные мятежи, восстания в провинциях. В ноябре 1566 года испанское правительство решает послать в Нидерланды наиболее закаленные полки испанской армии, поставив во главе их герцога Альбу - решительного противника любых компромиссов в отношениях с нидерландскими мятежниками. Однако эти части были направлены в Нидерланды из Милана лишь в июне 1567 года, когда выяснилось, что турки не предприняли очередного наступления. Турецкий флот не появился в Западном Средиземноморье ни в 1567-м, ни в 1568 году, позволяя Филиппу II тратить все наличные средства на содержание армии Аль-бы в Нидерландах. Взаимосвязь этих событий была вполне усвоена в западноевропейских столицах и тем более в самих Нидерландах. Так, например, Вильгельм Оранский писал во время осады турками Мальты: «Турки являются очень большой угрозой; это означает, как мы полагаем, что король не явится (в Нидерланды. - Авт.) в этом году»<sup>7</sup>.

7 октября 1571 г. при Лепанто (около побережья Греции) произошла крупнейшая морская битва XVI века. Она оказалась и последним крупным сражением гребного флота. 300 галер испанского короля и его союзников, имевшие на борту 80 тысяч солдат и моряков, атаковали еще более многочисленный мусульманский флот. Молитвы коленапреклоненных солдат на кораблях, поднявших флаги с изображением Христа, смешивались с боевым кличем мусульманских воинов. Несколько часов длился жестокий бой, в котором обе стороны пытались таранить и брать на abordаж вражеские корабли и в рукопашных схватках уничтожить их команду. Сражение окончилось полным поражением турок, победители потопили или захватили три четверти неприятельских судов. Во введении к «Назидательным новеллам» Сервантес писал, говоря о себе в третьем лице: «В морской битве при Лепанто выстрелом из аркебуза у него была искалечена рука, и хотя увечье это кажется иным безобразием, в его глазах оно - прекрасно, ибо он получил его в одной из самых знаменитых битв, которые были известны в минувшие века и которые могут случиться в будущем...»<sup>8</sup>.

В разных странах победу при Лепанто были склонны рассматривать как победу христианства в борьбе с исламом, а не только как успех католицизма или даже только одной Испании. Тициан создал картину «Испания, пришедшая на помощь религии», на которой Филипп II предстал как орудие неба, карающее и неверных, и еретиков. Известный испанский поэт Фернандо де Эррера, заканчивая свою знаменитую «Оду на битву при Лепанто», восклицал:

По всем краям в честь господ да к небу фимиам  
Восходит, души же упрямец осужденных -  
В геенне огненной.  
Я вижу их сожженных!

Шотландский король Яков (сын Марии Стюарт), воспитанный в протестантстве, в детстве написал поэму в честь победы при Лепанто, которую издал в 1591 году. Впрочем, он тут же получил отпор со стороны шотландской церкви, объявившей, что «весьма несоответственно его сану и религии, подобно наемному поэту, писать поэму в честь иностранного папистского бастарда»<sup>9</sup>, то есть командующего испанским флотом Дона Хуана Австрийского, незаконного сына Карла V.

Однако и после битвы при Лепанто Испания должна была держать 9-тысячную армию в Сардинии и создать резервный корпус в 10-12 тысяч солдат для укрепления позиций в

других районах Средиземноморья.

Вскоре после Лепанто Франция предложила союз султану. Испанский наместник в Нидерландах герцог Альба писал о французах: «Они были бы счастливы потерять один глаз, если бы мы при этом лишились обоих»<sup>10</sup>. Венеция заключила сепаратный договор с Портой, получив в обмен на уплату контрибуции разрешение возобновить свою левантийскую торговлю".

Руководители нидерландского восстания еще в 1566 и 1567 годах посылали своих послов в Константинополь, но турки ограничивались лишь обещаниями помощи. В начале 70-х годов Вильгельм Оранский пытался добиться наряду с поддержкой ряда европейских держав также помощи султана и алжирского бея в осуществлении своего плана освобождения Нидерландов. В 1574 году султан послал большой флот для захвата Туниса, что ослабило испанские позиции в борьбе против нидерландских повстанцев.

Столкновения с Персией (тоже, кстати, приобретающие черты векового конфликта<sup>12</sup>) постоянно отвлекали внимание Порты от Европы, тем более что традиция, по которой крупную турецкую армию должен был возглавлять сам султан, вообще исключала ведение если не войны, то активных военных действий сразу на двух фронтах. Войны Селима I с персидским шахом Исмаилом воспрепятствовали завоеваниям турецкого султана в Европе. (Это даже побудило императора Карла V вступить в переговоры с персидским шахом о союзе против турок<sup>13</sup>.) А наступление и планы наступления в Европе Сулеймана Великолепного не раз терпели неудачу (в 1533, 1548 и 1552 гг.) из-за военных кампаний против персидского шаха Тамаспа I.

В середине XVI века упоминавшийся выше императорский посол бельгиец Бусбек писал: «Когда турки уладят свои отношения с Персией, они возьмут нас за горло, опираясь на мощь всего Востока. Насколько мы не готовы, я не решаюсь сказать». Поэтому уже начиная со времени правления папы Юлия II (1503-1513) Рим стремился нащупать пути сотрудничества с Персией, несмотря на огромные тогда препятствия, создаваемые отдаленностью этого потенциального союзника. (Время, которое уходило на доставку корреспонденции и тем более посылку дипломатов, занимало не месяцы, а годы, и не раз к моменту получения информации обстановка кардинально менялась или адресат успевал умереть.) Вслед за папой такие попытки были предприняты Венецией, а потом императором Карлом V и его братом Фердинандом.

Битва при Лепанто не имела такого решающего значения, какое ей первоначально приписывали торжествующие участники антитурецкой лиги, а нередко и последующие поколения. Турки очень быстро восполнили понесенные потери<sup>14</sup>. Правда, в 1572 и 1573 годах испанцам удалось добиться серьезных успехов в Северной Африке. Осенью 1573 года эскадра под командой дона Хуана Австрийского захватила Тунис и Бизерту. Но удержать завоеванное не хватило средств. Летом 1574 года новый турецкий флот, не уступавший по мощи тому, который участвовал в сражении при Лепанто, отвоевал Тунис и вернулся с триумфом в Константинополь<sup>15</sup>. Современникам не дано было знать, что такое торжественное возвращение стало последним в истории оттоманского флота. Да и причины тому лежали во внутренних процессах развития самой Порты, а не в отдаленных последствиях битвы при Лепанто.

По дороге на родину турецкие корабли задержались около острова Корфу, что оживило прежние опасения и страхи Венеции. Огромный турецкий флот угрожал Сицилии. В 1574 году Тунис, а в 1576-м - Марокко подпали под власть Порты. Филипп II приказал послать секретного агента в Константинополь для переговоров, о перемирии. Лишь смерть персидского шаха и концентрация внимания Порты на конфликте с Персией побудили султана согласиться в марте 1577 года на прекращение военных действий, за которым последовало формальное заключение перемирия в 1580 году. Планы установления испанского господства в Средиземном море путем победы над Портой развеялись как дым.

В 1578 году началась, как уже указывалось, новая война Турции с Персией, которая продолжалась до 1590 года и в течение этих 12 лет занимала лучшие армии Порты. Уже с

середины XVI века вопрос о союзе с Персией как средстве избавления от турецкой угрозы открыто обсуждался даже в памфлетной литературе. Филипп II, присоединивший к своим владениям Португалию, старался через португальские колонии в Африке наладить более прочные связи с Персией и, по некоторым сведениям, даже посылал туда опытных пушечных мастеров. А в 1585 году среди противников Габсбургов всерьез заговорили о тайном договоре между Филиппом II и персидским шахом о разделе мира (Испании должна была достаться Европа, а шаху - Азия). Ходили слухи и о намерении шаха Аббаса (1586-1628) перейти в христианство и о том, что он якобы уже носит под верхней одеждой крест в знак уважения, которое питает к Иисусу Христу. Стратегические мотивы тесно переплетались с перспективами развития выгодной торговли, привлекавшей особый интерес английских и голландских купцов. «Персидская карта» упорно разыгрывалась как в начале XVII века, так и во время Тридцатилетней войны.

Уже с конца XV века влияние на соотношение сил в конфликте с исламом оказывал рост могущества Русского государства. Еще в большей степени сказывалось это с середины XVI века - в начале правления Ивана Грозного, присоединившего Астрахань и Казань.

## Турецкий образ жизни

Туркам мало что было известно о Европе. Они иногда даже черпали сведения у... античных авторов. Столь же мало знали они европейскую историю. Бус-бек писал, что турецкие чиновники «не имеют представления о хронологии и датах и создают удивительное и хаотичное смешение из всех эпох». Впрочем, долгое время европейцы были не в лучшем положении, хотя не было недостатка в сочинениях, посвященных турецкой угрозе. Например, во Франции между 1480 и 1609 годами вышло вдвое больше книг о Турции, чем об Америке<sup>1</sup>. «Впечатление, которое производили турки на европейцев в XVI веке, различалось от класса к классу и от страны к стране», - справедливо отмечает английский историк П. Коулс, автор книги «Оттоманское влияние на Европу»<sup>2</sup>.

Осуждение Оттоманской империи было далеко не единодушным. Появлялись отдельные сочинения, в которых предсказывалось, что «турецкий кайзер» поможет крестьянину и бюргеру освободиться от давящего на них тяжкого гнета. Количество благоприятных отзывов о турках в публицистике XVI века было настолько велико, что английская исследовательница в конце 60-х годов нашего века отмечала широко распространенное мнение, что султан имел, как бы теперь назвали, «пятую колонну» в Европе»<sup>3</sup>. Действительно, еще Мухаммед II посылал значительное число лазутчиков на Запад, но вряд ли в их задачу входила пропаганда «турецкого образа жизни». Это мерещилось только тем монархам (и их окружению), которые имели основания особо опасаться турецкого нашествия. Так, последний король Боснии писал Пию II, что турки стараются привлечь на свою сторону крестьян, обещая им свободу, и те настолько простодушны, что верят этим посулам.

Среди поклонников турецких нравов и законов довольно неожиданно можно обнаружить и английского короля Генриха VIII, того самого, который сначала написал «опровержение» лютеранской ереси и получил от папы титул «защитника веры», а через несколько лет начал проводить Реформацию в Англии и казнил Томаса Мора за неповиновение королевской воле. Того самого короля, который был известен своими шестью женами (двух из них он отправил на эшафот) и фабрикацией процессов о государственной измене. Генрих послал даже своих представителей изучать законодательство Сулеймана Великолепного и практическую деятельность турецкой юстиции... (Отметим между прочим, что трактаты, идеализирующие Оттоманскую империю, являлись и показателем того, как

прокладывала себе дорогу мысль о необходимости рассмотрения государства в качестве чисто земного учреждения, не нуждающегося в религиозной санкции, и оценкой его вне связи с исповедуемой им религией или тем более вне его отношения к религии других стран.)

На иностранных наблюдателей производили впечатление многие особенности турецкой административной машины: вызывала удивление «Школа» султана, которая готовила чиновников для управления покоренными странами и учеников в которую набирали из жителей этих стран. Особенно поражало, что турки не придавали большого значения знатности происхождения, что высшие сановники юридически являлись рабами султана и что имущество этих лиц (иногда огромное) после их смерти возвращалось в казну падишаха. Верхушка оттоманской администрации, по сути дела, не была турецкой. В нее входили принявшие ислам люди разных национальностей, потомки захваченных в плен и проданных в рабство людей из многих соседних стран, янычар, ряды которых, как уже было отмечено, до XVII века пополнялись преимущественно за счет христианских детей, насильственно отбираемых у родителей. Доктор Кавел, входивший в состав английского посольства в Константинополе, писал о султани Мустафе II (1695-1703): «У него совершенно русское лицо.., его мать была русской, а его отец -русского происхождения». Французский дипломат Филипп дю Фран-Канайе писал в 1573 году в своем «Путешествии в Левант»: «Султан... управляет многими народами, совсем различными по религии и нравам, таким образом, что кажется, будто его империя является совершенно единой». А знаменитый политический мыслитель Жан Боден в «Шести книгах республики» (1576 г.) восторженно отзывался о веротерпимости султана и добавлял: «Более того, даже в его серале в Пере он разрешает исповедовать различные религии - еврейскую, христианско-римскую, христианско-греческую и ислам...»

Конфронтация христианства и ислама, запреты, предусмотренные мусульманской религией, различия в нравах и вкусах не воспрепятствовали проявлению султанами уже с первой половины XV века (еще до взятия Константинополя) интереса к европейскому искусству и культуре, не мешали вниманию и почету, с которым принимали при турецком дворе итальянских и греческих художников, писателей, врачей, ученых, просто образованных людей - будь то купцы или дипломаты. В одном из музеев Флоренции - Галерее Буонаротти - находится картина Д. Биль-верти, художника, жившего в конце XVI - первой половине XVII века. Она изображает сцену отказа Микеланджело принять приглашение султана, переданное через специальное посольство, отправиться в Константинополь для выполнения заказов турецкого двора. В действительности султан не присылал посольства к Микеланджело, хотя художнику действительно дважды (в 1506 и 1519 гг.) предлагали приехать в турецкую столицу. Сцена, изображенная Бильверти столетие спустя, вымышлена, но она тем более характерна для «драматизации истории» в духе векового конфликта. Не менее характерны, однако, и переговоры, которые велись с Микеланджело вопреки не только этому конфликту, но и вопреки явному запрещению живописи исламом - одной из противостоявших в этом конфликте идеологических систем.

Характерно, что имела место неприязнь турок к европейским художникам, связанная в определенной степени с вековым конфликтом. Дело в том, что обычно в состав европейских посольств включали опытного рисовальщика, причем отнюдь не для удовлетворения простого любопытства в отношении быта и нравов Константинополя и султанского двора. Задачей этого отдаленного предшественника некоторых атташе по вопросам культуры было набросать портреты различных высокопоставленных сановников и других лиц из султанского окружения, чтобы их можно было узнать в случае появления в Европе в качестве турецких шпионов<sup>4</sup>.

Турецкая тема широко входит в западноевропейскую литературу. Уже в начале XVI века романтизируется история родного брата султана Баязета - Дজেма, который бежал из Турции и потом много лет содержался в заключении разными европейскими государями, включая римского папу Александра VI Борджиа, с целью шантажировать Порту угрозой

появления претендента на престол и выманить крупные суммы денег якобы на содержание пленного принца. Можно напомнить также, насколько широко сюжеты, связанные с действиями североафриканских корсаров, представлены в творчестве Сервантеса. Соперничество между сыновьями Сулеймана Великолепного и другие эпизоды турецкой истории находили широкое отражение в европейской драме. Опера В. Давенанта «Осада Родоса» посвящена одному из наиболее ярких эпизодов борьбы Порты и европейских государств за преобладание в Восточном Средиземноморье.

Несомненно, что в XVI веке Западная Европа, вступившая в переходную эпоху, обогнала страны ислама по уровню развития ремесла, науки и техники. Вместе с тем - и отчасти именно поэтому - тысячи и тысячи европейцев добровольно эмигрировали во владения султана, переходили в ислам, надеясь обрести возможность для применения своих способностей, которой не находили у себя на родине. К этим добровольным «ренегатам» надо прибавить еще больший поток жертв национальных и религиозных преследований, искавших убежище в Оттоманской империи, тысячи военнопленных, обращенных в рабство и пытавшихся переходом в ислам вернуть себе свободу, начать новую жизнь в Алжире, Каире или Константинополе. Напротив, обращение в христианство было сравнительно редким явлением и никогда искренним - даже среди военнопленных<sup>5</sup>.

### **«Золотой век» гонений**

В течение столетий в Испании христиане и мавры должны были научиться жить бок о бок, несмотря на длившиеся тоже веками войны между христианскими и мусульманскими государствами. Даже после завершения реконкисты в 1492 году государство и церковь первоначально проявляли известную долю терпимости к мавританскому населению, хотя довольно скоро начали заниматься обращением его в христианство.

Положение изменилось после того, как Испания втянулась в конфликт с исламом, точнее, с Оттоманской империей и ее сателлитами. Надо добавить, что это произошло уже после того, как в первую четверть XVI столетия основная часть мавров приняла крещение. Их стали именовать «морисками». Многие из них оставались приверженными вере предков. Наряду с христианскими именами, которые давали детям при крещении, их тайно наделяли арабскими именами. Часть мавров, сохранивших верность исламу, в 1526 году подняла восстание в горах Эспада, подавленное с большим трудом при помощи германских наемных войск. Правительство Карла V вынуждено было ограничиться сравнительно мягкими условиями договора: в случае принятия христианства повстанцам было разрешено сохранить свои обычаи, на протяжении 40 лет на них не должна была распространяться юрисдикция святого трибунала. В течение некоторого времени после этого илаети были прежде всего озабочены тем, чтобы «новые христиане» исправно платили налоги.

Однако по мере втягивания Испании в оба основных, конфликта на международной арене положение менялось. Христианские помещики были довольны, что их держатели-мориски увеличивали свои доходы - ведь тем самым возрастали и возможности взимать с них более высокую ренту. Напротив, правительство и церковь с тревогой следили за возрастанием имущества и числа «новых христиан» (прирост населения у морисков был большим, чем у испанского населения). Исподволь социальные низы приучали смотреть на морисков' как на конкурентов, отбирающих землю у арендаторов из числа старых христиан, заказчиков - у ремесленников, покупателей - у мелких торговцев. Особые подозрения у инквизиции вызывало то, что многие мориски имели оружие, которое они не хотели сдавать властям. Между прочим, едва ли не главной причиной этого были не планы нового восстания, а стремление арагонских магнатов сохранять вооруженные отряды своих

вассалов, среди которых было немало морисков.

Морискам приписывали всяческие пороки. В «Назидательных новеллах» Сервантеса так отражено это распространенное мнение: «Было бы чудом отыскать среди них одного мавра, искренне верящего в наш христианский закон: вся их забота состоит в том, чтобы копить деньги и беречь накопленное. С этой целью они работают, отказывая себе даже в еде: когда к ним в руки попадает реал, и особенности же не простой, они присуждают его к пожизненному тюремному заключению; таким образом, все время наживая и ничего не расходуя, они собирают и хранят у себя огромные деньги из тех, что обращаются в Испании. Они - ее копилка, ее моль, ее сороки и хорьки: все они собирают, все прячут и все поглощают. Не следует забывать, что их много и что каждый божий день они понемногу наживают и откладывают (а медленная лихорадка подтачивает жизнь с такой же силой, как и скоротечная); поскольку, однако, мавры все время размножаются, все время увеличивается и число укрывателей, причем опыт показывает, что они множатся и будут множиться без конца».

Мориски рассматривались и короной, и духовенством как потенциальная агентура грозного врага внутри страны. В действительности дело обстояло не совсем так, а может быть, и совсем не так. Мориски могли стать вполне лояльной частью разноплеменного населения Испании, если бы подозрительность, мелочные придирки и все более усиливавшиеся преследования не подтолкнули их к сопротивлению и к поискам помощи извне. Вероятно, аналогичный результат дали бы подобные гонения против любой категории населения. Удивляться приходится лишь тому, насколько все же слабыми оказались контакты подвергавшихся жестокому преследованию морисков с внешними врагами испанской монархии.

Выше говорилось о том, какой характер приобретала деятельность Супремы с середины XVI века. «Золотой век» Испании стал «золотым веком» гонений. Все более глубокое вовлечение Испании в международные конфликты, происходившие в форме религиозных, идеологических столкновений, наложило дополнительный отпечаток на отношение властей к проблеме морисков. Можно ли было считать безопасным положение государства, когда в ряде его районов - да еще прибрежных - население состояло почти целиком из морисков, а во многих селениях старыми христианами были только священник, нотариус да еще иногда деревенский трактирщик? Стремление морисков держаться вместе с теми, кто подобно им сохранял язык, костюм и обычаи предков, естественно, только усиливалось от преследований. Репрессии не помогали, а вредили процессу ассимиляции, а это, в свою очередь, укрепляло подозрения и страхи властей. Морискам стали приписывать связи не только с алжирскими корсарами - что было неудивительно, когда те усилили свои рейды против Средиземноморского побережья Испании, - но и с французскими гугенотами (через Каталонию), что уже не было в ладу ни с какой логикой, кроме той, что и мусульмане, и протестанты были врагами «его католического величества» короля Испании. Впрочем, политика репрессий приводила к тому, что самые нелепые подозрения стали претворяться в действительность.

Если речь шла о связях с гугенотами, мориски поддерживали с ними торговлю оружием и другим военным снаряжением. В отношении же алжирских корсаров дело было сложнее. В 50-е и 60-е годы корсары не раз высаживались на испанской территории, иногда продвигаясь на 10-12 километров вглубь. На их кораблях нередко уезжало немало морисков. В 1565 году турки осадили остров Мальту. Все попытки испанцев наносить контрудары (например, экспедиция против Триполи) окончились неудачей. А тут еще инквизиция представила «доказательства» связи морисков с корсарами Алжира и Тетуана, с вождями марокканских племен, более того, приводился даже факт пересылки в Константинополь известия о том, что «новые христиане» готовы захватить ряд портовых городов и передать их в руки турецкого флота. Сообщалось также, что ранее бежавшие из Испании мориски были посланы в качестве шпионов на Мальту, чтобы собрать сведения о находившейся там испанской эскадре. Правда, все подобные признания были сделаны под пытками в казематах

инквизиции, но это отнюдь не смущало правительство Филиппа II.

Еще в 1526 году был издан Прагматический эдикт, ставивший под запрет мусульманские одежды, имена, песни, танцы и даже мавританские бани, которые превратились в своего рода политические клубы. Долгое время это законодательство оставалось по большей части только на бумаге, но 1 января 1567 г. - в 75-летнюю годовщину завоевания Гренады, последней опоры мавров на Пиренейском полуострове, - было объявлено, что Прагматический эдикт будет введен в действие в течение двух лет. Притеснения становились непереносимыми. В отчаянии мориски прибегли к единственному оставшемуся у них средству - открытому восстанию. Начавшееся в конце 1567 года, оно охватило обширные горные районы между Сьерра-Невадой и побережьем. Мориски учитывали, что 60 тысяч отборных солдат испанской армии находились в Нидерландах, а также надеялись на обещанную им помощь турецкого султана. Восставшие одержали ряд побед. Папский нунций при дворе Филиппа II сообщал в секретной депеше от 26 октября 1569 г., что, если мятеж продлится еще одну зиму, испанское государство может потерпеть катастрофу<sup>2</sup>. Неспособность Филиппа II длительное время, несмотря на мобилизацию крупных военных сил, подавить восстание стала сразу же фактором общеевропейского значения. Вильгельм Оранский писал: «Примером для нас является то, что мавры оказались способны столь долго оказывать сопротивление... Посмотрим, что произойдет, если мориски продержатся до того, как турки смогут оказать им помощь». В 1569 году алжирский бей, вассал Порты, послал повстанцам оружие и военное снаряжение, провел рейды на побережье Испании, а в январе 1570 года занял испанский протекторат Тунис. Султан сам обещал прийти на помощь морискам в борьбе против «тиранических и проклятых неверных», но запоздал.



Для разгрома повстанческой армии, насчитывавшей до 45 тысяч вооруженных солдат, испанским властям потребовалось два года. После подавления восстания, в ноябре 1570 года, 150 тысяч морисков были изгнаны из Гренады в другие части Испании. Не менее чем пятая часть из них погибла по дороге от голода и лишений. Провинция была опустошена, как после вражеского вторжения, а проблема морисков, расселенных теперь по всей территории королевства, была превращена из локальной в общеиспанскую. Спыхватившись, власти запретили морискам селиться в приморских районах Андалузии (с 1579 г.) и Валенсии (с 1586 г.). Оксфордский историк Ч. Петри писал: «Сомнительно, что XX столетие лучше бы обошлось с морисками... Во всяком случае, Филипп II наконец получил свободу рук в противоборстве с турками, не опасаясь ножа в спину»<sup>4</sup>. Это лишь воспроизведение точки зрения самих испанских властей.

«Мы должны рассматривать всех морисков как заклятых врагов», -- читаем в официальной переписке 1588 года. После поражения в том же году Непобедимой армады, посланной против Англии, морискам стали приписывать связи с британскими еретиками,

опасались восстания «новых христиан» в случае возможных рейдов английского флота. Стоит добавить, что численность морисков не превышала 80 тысяч человек, то есть составляла меньше одного процента 9-миллионного населения Испании<sup>5</sup>.

Общественная атмосфера, созданная вековым конфликтом, породила и кровавую «охоту на ведьм», развернувшуюся в Западной Европе и потребовавшую многочисленных жертв. Не случайно хронологические вехи этих преследований точно совпадают с рамками векового конфликта (примерно 1520-1650 гг.), а центрами гонений стали районы, которые являлись главным полем борьбы между враждующими лагерями...

## Нечестивый альянс

Испания Карла V неизбежно должна была превратиться в основного противника турецкой империи. Она являлась одним из источников мощи германского императора, с войсками которого турки столкнулись при своем продвижении на Балканах, и главной силой среди христианских государств, противостоящих Османской империи в Средиземном море. Вассалы Порты в Северной Африке - прежде всего Алжир и Триполи - существовали за счет нападений на испанские владения в Южной Италии и Сицилии, на испанские корабли. А порожденное конфликтом усилившееся преследование морисков и марранов в Испании вызвало новую волну эмиграции - и прежде всего во владения султана. Часть из эмигрантов сумела добиться влиятельного положения в Константинополе при дворе Сулеймана Великолепного и усердно подогревала там антииспанские настроения, которые, впрочем, и без того порождались самой сложившейся обстановкой и все больше влияли на планы турецкого падишаха<sup>1</sup>.

По существу, Порты угрожала не Западной Европе в целом, а определенным странам, и прежде всего владениям Габсбургов, поэтому объективно она была союзником для всех противодействующих Римской империи сил, и в первую очередь для лагеря Реформации. В знаменитых тезисах Лютера 1517 года (которые были осуждены папой в 1520 г.) 34-й тезис специально посвящен турецкой угрозе. В нем указывается, что сражаться с турками значило бы сопротивляться осуждению всевышним людских прегрешений и пороков. Этот же тезис Лютер защищал в 1520 и 1521 годах в своих возражениях на папскую буллу об отлучении его от церкви. Однако в конце 20-х годов высказывания Лютера приобретают совсем другой характер. В октябре 1529 года он уже заявлял: «Я буду до смерти бороться против турок и турецкого бога».

В чем же была причина полной перемены, которую претерпела позиция духовного вождя княжеской реформации? Изменилась международная ситуация. В 1517 году угроза нового турецкого похода на Венгрию и через нее - на Германию не казалась близкой. В турецкой экспансии преобладало средиземноморское направление, и здесь организация отпора была заботой папства - главного врага рождавшегося протестантизма. Борьба против турок должна была неизбежно принять характер борьбы против неверных под главенством папы - не удивительно, что в сознании Лютера она казалась покушением на авторитет и повеления господни, тем более что церковная традиция учила: Атилла - «бич божий». (Между прочим отметим, что другие теологи шли дальше, пытаясь представить турецкое продвижение как исполнение предсказаний Даниила и других пророков Ветхого завета. Лютер возражал против таких истолкований Библии.)

В 1529 году после сражения при Мохаче началось нашествие на Австрию. Война против турок теперь должна была вестись под главенством императора, как раз в это время враждовавшего с римским престолом. Но одновременно не наступило - и не могло наступить - и прочное примирение Карла V с протестантскими князьями, чьим идеологом выступал

Лютер. Его высказывания отражали опасение, что спор протестантских князей с императором приведет к постепенному завоеванию Германии турецкими полчищами, к победе ислама над христианством. Однако в тех же памфлетах, где Лютер призывал к единству против надвигавшихся турок, он неизменно напоминал, что с папой и доктринами Рима следует сражаться с такой же энергией, как против султана и мусульманской веры. Повторяя в своих сочинениях - вплоть до последнего из них, - что нашествие неверных - знак гнева божьего, наказание греховной Европы, что поэтому «турок - наш школьный учитель», Лютер призывал не впадать в отчаяние, пораженчество и покаянием заслужить прощение и избавление<sup>2</sup>.

Эразм Роттердамский расходился с Лютером в оценке оттоманской опасности, но считал, что успехи султана действительно являются следствием испорченности христианского общества и что изменения к лучшему могут завоевать ему уважение и дружбу грозного врага. Американский историк С. А. Фишер-Галати в специальной монографии «Оттоманский империализм и немецкий протестантизм. 1521 -1555» приходит к следующему выводу: «Протестанты с готовностью связали проблемы, возникшие для Габсбургов в результате прямой и косвенной оттоманской агрессии, со своей борьбой за существование, за консолидацию своих позиций и экспансию в Германии... Почти все главные уступки, вырванные у Габсбургов с 1526 года, были связаны с оттоманскими действиями в Восточной и Западной Европе, и во всех наиболее важных кампаниях лютеран за юридическое признание в Германии эксплуатировался нерешенный конфликт Габсбургов и Порты из-за Венгрии»<sup>3</sup>. (Венгерские магнаты-кальвинисты во второй половине XVII в. также обращались за помощью к туркам против Вены.)

Линия соприкосновения между двумя конфликтами прослеживается прежде всего в сфере финансов. Как раз злоупотребление папства денежными суммами, которые оно извлекало из различных стран под предлогом снаряжения нового крестового похода против турок, и послужила одним из главных поводов к началу Реформации в Германии. Император Карл V стал объединяющей силой в борьбе против турок и одновременно против реформационного движения. Вместе с тем для того, чтобы выставить достаточно многочисленную армию, способную остановить турок, Карл нуждался в крупных денежных субсидиях, а добиться их от рейхстага, где было сильно влияние протестантских князей, оказалось невозможным без удовлетворения части их требований. В результате в период наибольшей опасности со стороны турок были сделаны наибольшие уступки протестантизму, от которых потом не удавалось отказаться. Турецкое нашествие в определенной мере способствовало тому, что утверждение протестантизма приняло необратимый характер.

На заседании рейхстага в Шпейере в 1526 году обсуждался вопрос об осуществлении утвержденного за пять лет до того, в 1521 году, но не претворенного в жизнь решения, ставившего Лютера как еретика вне закона. Однако и новый рейхстаг уклонился от реализации прежней резолюции: на Венгрию надвигались бесчисленные турецкие рати, и было невозможно допустить серьезный внутренний конфликт в Германии. Подобная же ситуация сложилась и в 1529 году во время осады турками Вены. После отступления армии Сулеймана Великолепного Карл попытался проводить более жесткую линию против протестантов. Результатом было создание Шмалькальденской лиги, главный организатор которой - князь Филипп Гессенский - явно строил свои расчеты с учетом возможности нового турецкого наступления. Ее не мог игнорировать и сам Карл V, писавший в июле 1531 года, что он вынужден будет, вероятно, пойти на соглашение с лютеранами. На протяжении ряда последующих лет сохранялась самая непосредственная связь между борьбой Карла против турок и против Шмалькальденской лиги - обострение одной приводило к ослаблению другой.

Но взаимосвязь между двумя конфликтами проявлялась не только в Германии. Германский император в качестве короля Испании был главной силой, противостоявшей туркам в Средиземноморском бассейне, и эта борьба требовала большого напряжения сил. Она, по существу, исключала возможность широкого использования ресурсов Испании и

итальянских владений империи в борьбе против протестантской партии в Германии. К этому стоит добавить, что в завоеванных европейских странах Порты не только не мешала, а скорее способствовала существованию и развитию всех форм протестантизма среди христианского населения. А не будь турецкого завоевания - католическая контрреформация постаралась бы уничтожить все следы «ереси».

В целом в первые три - решающих для протестантизма - десятилетия он смог выиграть время для организации своих сил и консолидации своих рядов в огромной степени благодаря «турецкой угрозе». Иначе говоря, продолжавшиеся тщетные попытки решить вооруженным путем старый внутривосформационный конфликт с особой отчетливостью выявили невозможность военного решения нового, более фундаментального, межвосформационного конфликта. Цели одного конфликта и далее постоянно вступали в противоречие с целями другого. Характерно, что иезуиты, правдами и неправдами устроившись в Константинополе, занялись не миссионерской проповедью, обращенной к неверным, а доносами султанским властям на проживавших в городе протестантов и православных греков. При этом иезуиты продолжали эту деятельность десятилетиями вплоть по крайней мере до середины XVII века<sup>4</sup>.

## Письмо Франциска I

Сила натиска османов определялась не только тем, что он получал косвенную поддержку от протестантских княжеств, но в еще большей степени тем, что турки нашли союзника в могущественном католическом государстве - Франции. В 1525 году войска Карла V нанесли в битве при Павии сокрушительное поражение французской армии, возглавлявшейся самим королем Франциском I. Глава французского королевства был увезен пленником в Мадрид. Ему удалось освободиться лишь ценой унижительных обещаний, которые он, нпрочем, вырвавшись на волю, поспешил взять назад. Пока Франциск оставался в плену, ставшая во главе французского правительства королева-мать Луиза Савойская попыталась завязать связи с султаном. Первые ее посланцы были перехвачены и убиты агентами Габсбургов. Одному из французских представителей - некоему Иоанну Франджипани - в декабре 1525 года удалось достичь Константинополя. Он передал от имени королевы просьбу напасть на владения императора, который иначе станет господином всей Европы. Это послание королевы-матери, по мнению одного из ее новейших биографов, позволяет считать, что она первая выдвинула концепцию «равновесия сил»<sup>1</sup>. (На деле, как мы убедимся, эта концепция и даже начало ее практического применения относятся к более раннему времени.) По ходившим слухам, Франджипани доставил также личное письмо Франциска, которое тот тайно направил в Париж из своей мадридской тюрьмы и которое курьер провез спрятанным в подошве ботинка. Султан, намечавший поход на Венгрию, ухватился за представившуюся возможность обрести союзника. Он даже отправил ответное послание Франциску, советуя не падать духом в несчастье, и устно через Франджипани обещал помощь против Карла V. От императора не укрылся этот, по его выражению, «святотатственный союз лилии (герба Валуа. - Авт.) и полумесяца»<sup>2</sup>. Современники вспоминали, что, когда император Карл V упрекнул Франциска за союз с «неверным псом» - султаном, король ответил: «Я воспользовался помощью пса, но для того, чтобы мое стадо не попало в зубы к волку»<sup>3</sup>.

Французская дипломатия стремилась воспрепятствовать союзу Карла V с протестантскими князьями на антитурецкой основе. Часть историков полагает, что Франциск I прямо призывал султана в 1525 году к нападению на Венгрию. (Такие же обвинения раздаются в адрес Венеции и самого папы. Говорили даже о том, что ими были посланы

вспомогательные отряды для усиления турецкой армии.) В 1533 году состоялась встреча Франциска I с папой Климентом VIII. Папу современники обвиняли в том, что он дал согласие на союз французского короля с султаном, а также с германскими протестантами. Это нельзя подтвердить документально. Зато фактом является то, что Климент пересказал содержание этих секретных переговоров Карлу V. По словам папы, король прямо заявил: «Я не только не собираюсь сопротивляться турецкому нашествию на христианские страны, но, напротив, насколько смогу, буду способствовать ему, дабы облегчить себе возвращение того, что принадлежит мне и моим детям и что было узурпировано императором»<sup>4</sup>.

Франко-турецкий союз диктовался и расстановкой сил, но обе стороны не могли открыто заключить его. Это было затруднительно и для «его христианского величества» короля Франциска I, носившего титул «защитника веры», и для «повелителя правоверных» - султана Сулеймана. Даже неформальное и первоначально сохранявшееся в тайне соглашение между Парижем и Константинополем было встречено в Европе с негодованием. Однако в 30-е годы XVI в. связи между Парижем и Портой стали общеизвестным фактом. Французские купцы получили от султана торговые привилегии в Турции (так называемые капитуляции 1535 г.)<sup>5</sup>.

Под предлогом сохранения Франции на стороне католицизма в главном вековом конфликте Габсбурги хотели вернуть ее на свою сторону и в другом вековом конфликте - христианства и ислама. По тайному Жуанвиль-скому договору, который в декабре 1584 года заключила Испания с французской Католической лигой (группировкой крайних католиков), последняя обязалась порвать союзные отношения, которые уже полвека связывали Францию и Оттоманскую империю<sup>6</sup>. Французские гугеноты также не раз пытались ходить «турецкой картой». Адмирал Колиньи установил связи с Сулейманом Великолепным, прерванные смертью султана в 1566 году. После убийства адмирала во время Варфоломеевской ночи контакты с султаном Мурадом III завязал Генрих Наваррский (будущий Генрих IV), неоднократно получая обещания помощи против Филиппа II.

Восставшие Нидерланды также пошли по этому пути. Уже в 1569 году тайный посланец Вильгельма Оранского прибыл в Константинополь. Попытки установления прямых контактов с Портой предпринимались и в последующие годы. Символический смысл имел один эпизод в длительной борьбе нидерландцев против армии Филиппа II: когда осажденный испанцами Лейден был спасен прибытием подкреплений, солдаты носили на своих шляпах изображение полумесяца с надписью «Лучше турки, чем паписты»<sup>7</sup>.

Интересы еще одного важного участника конфликта - Венеции, связанные с отсутствием у нее достаточных сил (особенно сухопутных) для отпора натиска Оттоманской империи, влекли островную республику к попыткам создания возможно более широкого и мощного союза против турок, превращения войны против султана в конфликт христианства и ислама. Вместе с тем крайняя зависимость Венеции от торговых путей на Восток, находившихся под турецким контролем, от поставок зерна из Малой Азии, с Балканского полуострова и из Южной России, подвоз которого был невозможен без согласия султана, уязвимость венецианских владений в Восточном Средиземноморье делали Республику святого Марка особенно податливой на турецкие угрозы и готовой на крайние уступки ради окончания войны. В 1540 году Венеция пышла из антитурецкой коалиции, в которую входили помимо нее император и папа, и обратилась к Порте с просьбой о мире. Причиной были явное несоответствие поенных целей Венеции и Карла V (он ограничивался борьбой против Алжира) и забота о сохранении оставшихся владений в Восточном Средиземноморье.

Венеция сыграла особую роль в тайной войне, которая сопровождала вековой конфликт. Информация, которую имели друг о друге обе стороны, столкнувшиеся в конфликте, была, как говорилось выше, весьма неполной и, главное, обычно крайне устаревшей. Поэтому сведения, которые можно было получить любым путем из Константинополя, ценились очень высоко. Источником таких сведений для ряда христианских государств были Венеция с ее хорошо налаженной разведкой, а также некоторые круги в порту Рагуза (нынешний Дубровник), которые, в частности, регулярно

снабжали новостями Ватикан. Турки, в свою очередь, решили использовать осведомленность венецианской дипломатии и секретной службы. Во времена мира с Турцией Республика святого Марка была очень заинтересована в том, чтобы не возбуждать неудовольствия султана. Учитывая это, венецианского посла в Константинополе вежливо попросили сообщить Порте все детали подготовки императором Карлом V военного флота. С турецкой стороны было любезно добавлено, что выполнение этой просьбы не обременит венецианское правительство, поскольку его представители знают даже, «что делает рыба в морских глубинах».

Впрочем, случались провалы и у венецианской разведки. В 1540 году инструкции венецианскому послу, который вел мирные переговоры с турками, были проданы французам, а те передали полученные сведения своим турецким союзникам. Это имело самые тяжелые последствия и резко ухудшило для Венеции условия договора, подписанного с турецким султаном<sup>8</sup>.

Англия при Елизавете лридерживалась принципа держаться подальше от борьбы с исламом<sup>9</sup>. Это вполне соответствовало интересам британской торговли. Позднее английская дипломатия начала все более активно использовать связи с Портой в своих дипломатических комбинациях.

На протяжении XVI века неоднократно выдвигались проекты прекращения одного векового конфликта путем объединения обоих лагерей для участия в другом. Кальвинист Ла Ну, брошенный в тюрьму Филиппом II, в 1584 году составил план нового крестового похода. Такие же идеи развивал капуцин отец Жозеф, позднее ставший главой секретной службы Ришелье. Все эти планы остались на бумаге.

Наиболее серьезных успехов Габсбурги добивались, когда наступала временная пауза в развитии одного из конфликтов. Яркий пример тому - победа объединенных эскадр, выставленных Испанией, Венецией и папой, над турецким флотом при Лепанто 7 октября 1571 г. Это было как раз в то время, когда казалось, что герцогу Альбе удалось полностью подчинить Нидерланды, а Англия - другой возможный противник - была парализована недавним (1569 г.) католическим восстанием в северных графствах, и Елизавета I опасалась новых заговоров (одним из них стал знаменитый «заговор Ридольфи», который мог быть отчасти и правительственной провокацией). Политика временного приглушения одного из конфликтов для сосредоточения всех сил на другом становится с конца 70-х годов вполне осознанной целью испанской дипломатии. В 80-е годы она добивается неоднократно возобновляемых соглашений о перемирии с турками, чтобы сосредоточить силы против Англии и Нидерландов, имеее с тем обвиняя их в стремлении заручиться поддержкой «врагов христианства».

С начала XVII века исчезает прежнее единодушие в оценке серьезности турецкой угрозы. Сомнения в том, что Порта по-прежнему представляет опасность для западного христианства, стали высказываться все чаще. Еще в 1607 году английский посол Генри Лелло, вернувшись на родину, ниразил мнение, что Турция переживает упадок и что западноевропейским странам будет нетрудно одержать над ней решительную победу. Его преемник в Константинополе Томас Ро, наблюдая за хаотическим состоянием дел во времена очередного междуцарствия и мятежа янычар, и 1622 году писал, что Оттоманская империя «неизлечимо больна». Ро предвосхитил на 230 лет известную фразу русского царя Николая I о Турции как о «больном человеке Европы»<sup>10</sup>.

По мере ослабления Порты Габсбурги не раз стремились утилизировать недовольство поработанных турками христианских народов Балкан, пытались вмешиваться в борьбу за престол, возникавшую после смерти почти каждого из султанов. В 1609 году и в последующие годы испанские власти обсуждали планы использования некоего Яхия, утверждавшего, что он сын Мехмеда III, родивший-і D в октябре 1585 года и переправленный в Грецию своей матерью, которая опасалась, что ее ребенок будет убит иреле смерти султана и вступления на престол его преемника. (Сам Мехмед при занятии трона истребил 18, по другим сведениям - 21 своего брата.) На протяжении последующих

двух десятилетий о возможности извлечь ш.п.оду из притязаний этого турецкого «Гришки Отрепьева» не раз подумывали правительства ряда европейских стран.

Особое внимание обращало на себя отставание турецкого военного флота, по-прежнему состоявшего из галер, тогда как в Европе стали строить значительно более крупные и быстроходные парусные корабли. Много говорили об ослаблении Порты сторонники нового крестового похода, которые не перевелись даже после начала Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.), сделавшей явно невозможным осуществление такого проекта. Констатация упадка могущества Порты явно опережала события, и планы военного решения конфликта со всем исламом - и даже с одной только Оттоманской империей - по-прежнему оказывались столь же химерическими, как и за столетие до этого, в годы правления Сулеймана Великолепного. Окончательно упадок Порты стал очевидным после последнего турецкого похода в Западную Европу в 1683 году, закончившегося поражением под Веной. Польский король Ян Собеский вступил в освобожденную от осады Вену. Вскоре в свою столицу вернулся и император Леопольд, публично вопрошавший, должен ли он, наследственный монарх, давать аудиенцию королю по праву избрания, каким являлся победитель турок. Обсуждение этого вопроса, ярко проявившее истинно габсбургское представление о благодарности, заняло целых пять дней, и турки смогли спокойно отступить за пределы Австрии. После 1683 года для Порты начинается период почти непрерывных неудач и отступлений. Войны Габсбургов против Оттоманской империи в самом конце XVII и начале XVIII века уже во многом лишены примет векового конфликта. Религия перестает играть прежнюю роль; это проявилось и в том, что офицеров в императорские войска набирали, не обращая внимания на то, католики они или протестанты, что главнокомандующим был принц Евгений Савойский - если не свободомыслящий, по критериям того времени, то явно равнодушный к религии человек (ходили даже слухи, что его пытались отравить иезуиты, когда он воевал против армий Людовика XIV). Но и на этой стадии вековой конфликт не получил военного решения. Он постепенно переставал быть самим собой, превращаясь в пресловутый «восточный вопрос» - вопрос о судьбах преимущественно европейских территорий, еще находившихся под властью Порты, и проливов Дарданеллы и Босфор.

## Призраки Эскуриала

В конце 50-х годов XVI в. один за другим сходят со сцены Карл V и французский король Генрих II, английская королева Мария Тюдор, Лой-ола и Кальвин, папа Павел IV и другие персонажи, воплощавшие вековой конфликт в первые десятилетия его развития. Наступил краткий перерыв в борьбе, который был дополнен миром между Испанией и Францией. Юг Европы - Испания и Италия - остался вне влияния Реформации, которая победила на севере - в части Германии и Скандинавии, Пустила корни на западе Польши и в Чехии. В Англии, Франции и Нидерландах предстояла еще длительная борьба между протестантизмом и контрреформацией. На сцену 111-н тупают руководящие фигуры нового этапа борьбы - Филипп II, Елизавета I Тюдор, Екатерина Медичи, Вильгельм Оранский, папы контрреформации, пришедшие на смену папам эпохи Возрождения.

Неистовый шотландский проповедник - кальвинист Джон Нокс опубликовал трактат «Первый звук трубы против уродливого скопища женщин», в котором обличал католических принцесс и королей и предрекал бедствия и их прихода к власти. Он имел в виду прежде всего Екатерину Медичи и Марию Стюарт, которым действительно предстояло сыграть немаловажные, хотя и весьма различные роли в вековом конфликте.

К тому времени, как проявилась неудача попытки сокрушить протестантизм в

Германии военным путем, оба лагеря уже разработали идеологическую платформу, которая служила им на протяжении последующего столетия вооруженной конфронтации. Основы протестантизма ВЬЛЛИ заложены в трудах идеологов первого поколения Реформации - прежде всего Лютера - и второго поколения - Кальвина. Впоследствии к ним не было добавлено ничего существенно нового. Не появилось и новых имен, могущих в какой-то мере соперничать по влиянию с этими основателями различных течений в протестантизме. В протестантском лагере решения Тридентского собора торжественно подтвердили слегка модернизированные догматы католицизма, усилив вместе с тем централизацию и эффективность церковной организации. Завершением Тридентского собора в 1564 году и (за год до этого) смертью Кальвина можно датировать окончательное идеологическое оформление враждующих лагерей. Оба они уже обладали к этому времени и своими ударными отрядами: кальвинисты - в протестантском лагере и иезуитский орден - в стане контрреформации.

Конфликт затронул все слои общества - от монархов и социальных верхов до простого народа, которому предстояло нести основную его тяжесть. Он затронул и все слои общественной идеологии, теологию и философию, науку, литературу, искусство. Для современников были неясны социально-экономические причины конфликта и совершенно недоступно предвосхищение его последствий.

Едва ли не все мирные договоры периода векового конфликта были, по существу, лишь перемириями: стороны договаривались не о прекращении конфронтации, а о временной передышке. В этих соглашениях стремились застолбить условия, которые создавали бы в будущем предлоги для возобновления вооруженной борьбы. Государства все же заключали мирные договоры, а международные отряды контрреформации, прежде всего иезуиты, продолжали действовать. Развитие конфликта шло скорее не по восходящей линии, а по спирали. Первые десятилетия он сдерживался военной конфронтацией двух наиболее могущественных католических держав - империи Карла V и Франции, окончившейся только в 1559 году. Попытки военного решения конфликта были ограничены рамками Германской империи. Во второй половине века такие попытки распространились почти на всю Европу.

Середина века была, таким образом, переломным пунктом. Начиная с 60-х годов вековой конфликт сосредоточивается на борьбе за Нидерланды, восставшие против Филиппа II, за раздираемую гражданской войной Францию, за Англию и Шотландию - на борьбе, которая должна была определить судьбу Европы. В эту борьбу были втянуты разные силы и разными путями - либо непосредственно, либо через цепную реакцию, вызываемую конфликтом в системе международных отношений.

«...А король Филипп пребывал в неизменной злобной тоске... И вечно его знобило, ни вино, ни пламя душистого дерева, непрерывно горевшего в камине, - ничто не согревало его. Он всегда сидел в зале среди такого множества писем, что ими можно было наполнить сто бочек. Филипп писал неустанно, все мечтая стать владыкой мира подобно римским императорам». Таким предстает испанский король со страниц бессмертной «Легенды об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Историческая традиция приписывает Филиппу II, превратившему Мадрид в столицу Испании (и 1561 г.), добровольное уединение в расположенном неподалеку мрачном и пышном замке-монастыре Эскуриал. В Испании Эскуриал считали восьмым чудом света, с его сооружением и украшением участвовали лучшие зодчие и художники Испании, Италии и Фландрии. Впоследствии четырехугольная неприветливая каменная глыба, далеко видная на темном фоне гор Сьерра-де-Гвадаррама, напоминала кому гигантскую казарму, кому госпиталь. Впрочем, затворничество Филиппа является известным преувеличением. Некоторые историки даже употребляют здесь слово «легенда» - королю случалось объезжать испанские провинции, да и не все время года проводил ФН в Эскуриале. Но в легенде хорошо схвачена суть политики Филиппа II, все более отрывавшегося от реальной действительности и как будто и впрямь отгородившегося от жизни высокими стенами монастыря. Политическое мышление короля все менее считалось с теми фактами, которые противоречили его предвзятым концепциям. Если Карл

V облакал планы реакционного лагеря в откровенно имперскую форму, то Филипп II выдвигался в первый план как лидер и знаменосец католической контрреформации. (В исторической литературе много спорили даже о термине «контрреформация», который нередко пытались заменить понятиями «католическая реформа», католическая реформация»<sup>1</sup>. Суть дела от этого не меняется.) В 1564 году Филипп II писал папе Пию IV: «Чем допустить малейший ущерб для истинной религии и служению господу, я предпочел бы потерять все свои владения и, если бы я мог, сто раз лишиться жизни, ибо я не Инляюсь и не буду правителем еретиков»<sup>2</sup>.

Като-Камбрезийский договор 1559 года фактически означал установление испанской гегемонии в Италии в обмен на признание французских приобретений на восточной границе (Мец, Верден, Туль, Булонь), а также недавно (за год до подписания документа) отвоеванного Кале, которым целых два столетия владели англичане. «После 1559 года Испания играла роль арбитра Европы, - писал шеститомный американский историк, - и пока мотивом испанской политики была упрямая решимость поддерживать status quo (что означало сохранение испанской гегемонии), интересам Филиппа больше всего соответствовали консерватизм и всеобщий мир»<sup>3</sup>. Однако все дело заключалось как раз в том, что сохранение и укрепление испанского преобладания были немыслимы без попыток подавления множасьего числа внутренних и внешних, открытых и скрытых, потенциальных и действительных врагов. Некоторые западные историки считают, что приписывать Филиппу II намерение «обратить в католичество весь мир» - значит упрощать реальное положение вещей, поскольку каждая из завоевательных акций Испании была следствием целого ряда конкретных мотивов и обстоятельств. Однако протестанты будто бы считали, что Испания стремится к их сокрушению, и действовали в соответствии с этим представлением<sup>4</sup>.

В бесчисленных бумагах Филиппа II исследователи не обнаружили чего-либо подобного плану создания всемирной монархии, с которым носился Карл V. Известный американский историк Г. Д. Кенигсбергер считал это обстоятельство доказательством того, что у короля и не было такой цели, что он субъективно прежде всего стремился к защите своих владений от покушений внешних врагов и к сокрушению ереси внутри страны. «Однако остается существенно важный вопрос - что он подразумевал под этими целями и какими действиями он стремился их достигнуть»<sup>5</sup>. На практике оказывалось, что достижение этих целей было связано не только с подавлением восстания в Нидерландах и с сокрушением мощи Порты, но и с подчинением в той или иной форме Франции и Англии, с преодолением сопротивления протестантских князей преобладанию Габсбургов в Европе.

Вековой конфликт создавал дополнительные возможности - идеологические, политические, дипломатические и военные - для ведения главной державой реакционного лагеря захватнических войн. Но наряду с этим он умножал причины и мотивы ведения войны для победы над отдельными входящими в неприятельский лагерь государствами, для предупреждения его возможного усиления, для захвата выгодных стратегических позиций с целью продолжения в будущем вооруженного конфликта против главных сил противника. Многочисленные «частные» войны велись как подготовка для возобновления войны во всеевропейском масштабе. Существование векового конфликта не только способствовало созданию военно-политических блоков, цементировало их сплочение. Оно помогало ведущей державе консервативного лагеря заставить других участников смириться с ролью младших партнеров, с неравноправным положением; подчинить свою внешнюю политику интересам лидера; идти на более крупные расходы, чем казалось им целесообразным, на передачу их вооруженных сил под иностранное командование и на участие в военных операциях, прямо не связанных с защитой их государственных интересов; проводить даже внутри своей страны меры, угодные державе-гегемону; наконец, порой просто оставаться в рамках данного союза вопреки собственным выгодам.

Новейшие католические авторы, ополчившиеся на «очернение» Филиппа II, к чему, по их мнению, были склонны либеральные историки прошлого века, подчеркивают, что королю

были свойственны облагороженное религией высокое чувство долга, стремление к строгому, пусть даже и нелицеприятному, отправлению законов и правосудия. Эти авторы только редко замечают, что монаршее «чувство долга» включало убеждение в праве короля тайно осуществлять любые незаконные и вероломные действия, отдавая в них отчет лишь богу (или, точнее, придворным духовникам, всегда готовым оправдать любые деяния Филиппа).

Филипп II был воплощением того, что последующие поколения окрестили бюрократическим правлением. С утра до ночи сидел он в своем кабинете, пытаясь «управлять миром за письменным столом», просматривая множество бумаг, в том числе и маловажных, заполняя их длинными замечаниями и нравоучениями на полях и даже педантично исправляя орфографические ошибки. Здесь, за письменным столом, ткал он бесконечную паутину административных указаний, военных приказов и внешнеполитических интриг, которая должна была оплести все известные тогда страны Старого и Нового Света. Личные привязанности и дела редко отрывали короля от поглощавшего его бумажного моря. Он, правда, четыре раза был женат, но всегда шел под венец только по мотивам сугубо династическим и дипломатическим. В 27 лет он женился на английской королеве Марии Тюдор, которая была на 11 лет старше его. Когда она умерла, ему было 32 года, и на этот раз была избрана 14-летняя невеста. Вся жизнь Филиппа II была подчинена бюрократическим добродетелям, которые в его представлении сливались с религиозным долгом. Постепенно он приобрел привычку ежедневно по три-четыре часа, стоя на коленях, возносить молитвы господу. Прямым результатом стала лишь подагра, мучившая его много лет до самой смерти.

В январе 1568 года король в сопровождении вооруженной стражи появился в покоях своего сына и наследника Дон Карлоса. Проснувшийся принц в страхе спросил отца, собирается ли тот убить его. Филипп со своей обычной холодной невозмутимостью приказал изъять бумаги принца и держать его под арестом. Это было последнее свидание отца с сыном, который был помещен в тюрьму замка Алькасар. Пока Филипп II обсуждал со своими ближайшими советниками судьбу Дон Карлоса, 25 июля стало известно о кончине принца. Обстоятельства, при которых он умер, были и остаются неизвестными. Вероятнее всего, принц, который обнаруживал сильные признаки умственного расстройства, был сочтен Филиппом неспособным занимать престол. Однако сразу поползли слухи, что принц казнен и притом за любовь к своей мачехе Елизавете Валуа либо даже за участие в «протестантском заговоре». Молва еще ранее приписывала Дон Карлосу планы побега в Нидерланды (а впрочем, и в Италию). Очевидно, сам Дон Карлос не очень скрывал свои намерения, и одно это скорее превращало их в причуды не вполне нормального человека, чем в обдуманное действие конспиратора. Впоследствии именно слухи о заговоре наследного принца породили легенду о Дон Карлосе, которую обессмертил Ф. Шиллер в своей знаменитой трагедии. А в драме Вер-харна «Филипп II» (1901 г.), в которой повествуется об этих планах бегства Дон Карлоса, принц восклицает в адрес своего беспощадного отца:

Ночной король, коварный соглядатай,

Угрюмый и неистовый король,

..... король

Молчанья, бешенства и гнева.

Недоверие ко всем Филипп II возвел в принцип своего правления. Объектами его подозрительности становились даже герцог Альба и Александр Фарнезе, герцог Пармский, верность которых была проверена много раз в самых сложных обстоятельствах. Это недоверие не раз губительно отражалось на ведении дел: не решаясь сместить того или иного из своих наместников или полководцев, Филипп вместе с тем сознательно лишал их необходимых ресурсов и полномочий для успешного выполнения поставленной перед ними задачи. Таким образом он действительно добивался усиления своей власти, того, чтобы корона не становилась орудием в руках различных аристократических группировок или придворных клик. Но это никак не помогало достижению целей в многочисленных войнах и

других внешнеполитических предприятиях испанского короля.

«Основной чертой империи Филиппа II, - писал известный французский историк Ф. Бродель, - безусловно, является ее испанский, можно даже сказать, кастильский характер»<sup>7</sup>. В этом она резко отличалась от державы его отца Карла V. Уже в 1546 году протестантские памфлеты в Германии заявляли об императоре, родившемся в Нидерландах, и его возможном преемнике - Филиппе: «Не должен нами управлять валлонец, а вдобавок и испанец»<sup>8</sup>.

В этих условиях консервативный лагерь должен был апеллировать к национальным предрассудкам и вражде. В периоды максимального напряжения векового конфликта становилось невозможным обходиться без более или менее широкого вовлечения в него масс. Руководители консервативного лагеря, однако, по существу ничего не могли обещать массам, кроме надежды на военные трофеи для тех, кто попадал в ряды сражавшихся армий. Тем более напряженно должен был действовать аппарат идеологического принуждения, обещая награду на небе, играя на отсталости и суевериях, разжигая ненависть к чужакам или вступая на путь социальной демагогии, когда участие в конфликте приводило к гражданской войне. Идеология контрреформации подчеркивала примат интересов веры над интересами государства, которые должны были выводиться не из анализа реальной действительности, а из догматов религии и основанных на ней универсальных правовых норм.

В Европе утверждалась система национальных государств, большинство из которых сознательно или бессознательно тяготело к соблюдению принципа равновесия сил, известного уже античности<sup>9</sup> и вновь усвоенного в эпоху Возрождения. Между тем ход векового конфликта все более ясно отражал планы руководящей державы католического лагеря по созданию универсальной монархии. Усиливалась тенденция к биполярности, хотя внутри протестантского лагеря и не было ведущего государства, вокруг которого консолидировались бы силы Реформации. Вместе с тем возможность выхода из векового конфликта создавалась как раз относительным равновесием сил, эта военная биполярность откоывала путь к политической многополярности.

Направленность векового конфликта могла идти вразрез не только с государственными интересами тех стран, которые были вовлечены в него (порой вопреки их политическим приоритетам). Участие в конфликте против протестантизма на стороне Испании и германского императора явно противоречило национальным интересам Франции. Поэтому, оставаясь католической, Франция фактически выступала против главных сил католической контрреформации как в первой половине XVI века (при Франциске I и Генрихе II), так и в первой половине XVII века (об этом далее). Ситуация менялась только в последней трети XVI века - во время длительных гражданских войн, когда католическая партия во Франции считала участие в вековом конфликте средством одержать победу внутри страны. Полного совпадения интересов консервативного лагеря в целом и любой из входящих в него стран не было никогда, даже если понимать государственные интересы так, как их представляли себе правительства этих стран. К тому же по этому вопросу не было единодушия и в самих правящих кругах. Так, если Филипп II вполне отождествлял интересы Испании с династическими устремлениями испанской ветви Габсбургов, то даже среди его приближенных были люди, сомневавшиеся в выгодах, связанных с участием в вековом конфликте, и отдававшие себе - хотя бы отчасти - отчет в тех бедствиях, которые это участие приносило стране. И именно благодаря существованию таких настроений даже Филиппу II приходилось маскировать порой интересы династии заботой о государственных приоритетах в собственном смысле слова. Однако представлять главной выгодой для страны достижение химерической цели уничтожения противника в вековом конфликте значило просто сделать бессодержательным самое понятие государственных интересов. Король привык отождествлять задачи стремившихся к европейской гегемонии габсбургских держав, и прежде всего Испании, с интересами католицизма. Но и он готов был идти на крайние меры, использовать крупные военные силы только там, где на карту были действительно поставлены великодержавные интересы Испании.

Такая раздвоенность была присуща и Ватикану. Папство выступало вдохновителем

лагеря контрреформации. Пий V, посылая вспомогательный отряд на помощь французским католикам, дал приказание его командиру графу Сантафиоре: «Никого из гугенотов не брать в плен, а всякого, попавшегося в руки, тотчас же умерщвлять»<sup>10</sup>. Пий V рекомендовал Филиппу II подавить нидерландское восстание силой оружия, одобрил кровавые меры Альбы и послал ему освященные шляпу и меч. Во время разгула террора в Нидерландах папский нунций заявил, что он «совершенно доволен» действиями испанских властей<sup>11</sup>. В 70-е и 80-е годы папа Григорий XIII не скрывал, что ставит целью общее нападение на еретическую Англию, и вел об этом переговоры с Филиппом II и Гизами<sup>12</sup>. В 1590 году папа Григорий XIV отлучил от церкви «прелатов, дворян и людей третьего сословия, которые упорствуют в том, чтобы оставаться верными еретикам». Случалось даже, что для испанской дипломатии, эксплуатировавшей «дух контрреформации», но преследовавшей собственные цели, создавали немалые сложности прямолинейность и слепая ненависть к еретикам, которые утверждались в Ватикане, когда политика сменял узколобый фанатик вроде Пия V.



Этот первосвященник, 73-летний суровый аскет, монах-доминиканец, инквизитор и профессор теологии, был известен своей ненавистью к еретикам и еретическим сочинениям. Испанский посол сообщал в Мадрид, что «церковь не имела лучшего главы за последние 300 лет»<sup>13</sup>. Заняв римский престол, он отправил пожизненно гребцом на галеры казначея святого престола, запускавшего руку в папскую сокровищницу. Расправившись с рядом высших сановников, Пий V установил в Риме режим террора против всех подозреваемых в склонности к отступлению от истинной веры. Объявив центральной задачей борьбу против мусульман и протестантов, Пий V обнаружил признаки ереси среди римских жриц свободной любви, под видом которых якобы скрывались тайные кальвинистки. Многочисленным представительницам «самой древней профессии», нередко располагавшимся буквально у дверей папского дворца, был предложен выбор между изгнанием и пострижением в монахини. Однако у «древней профессии» нашлись влиятельные защитники. Депутация из 40 видных жителей города разъяснила первосвященнику, что его приказ может серьезно повредить римской торговле и, следовательно, апостолическим финансам. Ходатаями выступили также послы Испании,

Португалии и Флоренции. Папе пришлось отступить перед таким, несколько неожиданным, проявлением единства сил контрреформации. Жесткие меры должны были, по мысли Пия V, исправить нравы римского духовенства и всех обитателей «вечного города». Папа неустанно охранял свою паству и от других искушений, например от светской музыки и поэзии, и даже ополчился на вводящие в соблазн античные статуи, некоторые из них он предписал отослать в подарок дружественным монархам.



В 1570 году Пий V отлучил от церкви Елизавету I, что было очень неуместным действием, с точки зрения Филиппа II. Он в течение почти всего первого десятилетия правления королевы, по сути дела, блокировал планы, которые были направлены на ее насильственное свержение и торжество контрреформации в Англии. В 1561 году Филипп добился отказа Рима от намерения отлучить Елизавету от церкви в связи с ее отказом принять нунция - посла римского престола. Через два года (в 1563 г.) Филипп принял меры, чтобы обсуждение вопроса об отлучении Елизаветы на Тридентском соборе также окончилось безрезультатно. Даже в 1570 году, когда Пий V наконец все же отлучил Елизавету, король выразил протест римскому первосвященнику и писал Елизавете, что еще ни одно из действий папы не вызывало у него, Филиппа, такого неудовольствия. Причина была очевидной: торжество католической контрреформации в Англии привело бы на престол шотландскую королеву Марию Стюарт, которую Елизавета держала в заключении, а Мария Стюарт была родственницей Гизов - в то время еще не связанных с Мадридом - и французского королевского дома Валуа. От победы контрреформации в Англии могла выиграть, как тогда казалось Филиппу, не Испания, а Франция.

На протяжении 70-х годов Филипп II решительно отвергал многочисленные предложения папы Григория XIII попытаться силой вернуть Англию в лоно католицизма, несмотря на то что английские пираты нарушали связи Испании с ее заморскими колониями и Елизавета оказывала помощь Нидерландам. Вместе с тем испанские планы превращения

контрреформации в орудие создания универсальной монархии чем дальше, тем больше наталкивались на скрытое или открытое противодействие римского престола. Правление Филиппа II началось с объявления ему войны папой Павлом IV и закончилось, когда Климент IX стал оказывать поддержку врагам короля во Франции. Григорий XIII пытался предотвратить захват Филиппом II Португалии, а Сикст V отказался оказать содействие планам Испании в Нидерландах. Филипп писал своему доверенному советнику и министру кардиналу Гранвелле: «Мне ясно, что, если бы Нидерландами правил кто-либо другой, папа совершил бы чудеса, чтобы воспрепятствовать их потере для церкви. Но так как это мои владения, я полагаю, что он готовится увидеть их потерянными, поскольку они тем самым будут потеряны и для меня»<sup>14</sup>. В Мадриде, в свою очередь, не допускали расширения власти Рима над испанской церковью. «В Испании нет папы», - заявил председатель Королевского совета Крестобаль Суарес де Фигуэроа.

## Действие второе

После битвы при Лепанто Филипп II считал, что у него развязаны руки для подавления восстания в Нидерландах, для попыток помочь Марии Стюарт овладеть английским престолом, для поддержки партии воинствующих католиков во Франции - все это мыслилось как шаги на пути к полной победе контрреформации. Альба писал, что он намеревается в Нидерландах «не выкорчевать, а только очистить виноградник». «Очищение» было кровавым. С 1567 по 1573 год Совет по делам беспорядков осудил 12 302 человека, из них 1105 были казнены или изгнаны из страны. Никто из лиц, даже пользовавшихся каким-либо влиянием, не мог быть спокойным за свою жизнь. Исход борьбы казался predetermined исследование колоссального неравенства финансовых и людских ресурсов. В 1574 году только около 20 небольших городов, общая численность населения которых не превышала 75 тысяч человек, поддерживало Вильгельма Оранского. Даже Амстердам до 1578 года сохранял лояльность К испанскому королю<sup>1</sup>. Да и впоследствии, каковы бы ни были торговые успехи Голландии, территориально и в демографическом отношении она оставалась малой страной. В 1617 году голландский публицист К. Р. Хоофт, вспоминая о прошедших десятилетиях борьбы, писал: «По сравнению с королем Испании мы были как мышь по сравнению со слоном»<sup>2</sup>.

Держава Филиппа II была, несомненно, самым богатым государством тогдашней Европы. Король имел в распоряжении доходы, далеко превосходившие те, которыми могли располагать даже французский или английский монархи. В течение длительных войн Испания создала централизованную систему подготовки, обучения и снабжения крупных войсковых контингентов, которыми не обладало ни одно из западноевропейских государств и которые обеспечили испанской армии славу лучшей в Европе. Испанский военный флот по тоннажу и вооружению также не имел равных в странах Запада. К тому же надо учесть, что Испания могла для ведения войны против гезов широко использовать экономические возможности большей части самих Нидерландов, то есть, по сути дела, ресурсы буржуазного уклада.

И тем не менее такая оценка соотношения сил оказалась неправильной, поскольку не учитывала главного и решающего - с каждым годом все более проявившихся экономических потенциалов восставших провинций, что было выражением непреодолимости нового общественного строя. Именно на этой основе проявлялось действие других факторов, и прежде всего менявшихся международных условий, в которых протекала борьба.

Английский историк М. Роберте выдвинул тезис о «военной революции» в 1560-1660 годах<sup>3</sup>, которая включала изменения в тактике и стратегии, потребовавшие создания

постоянных армий, увеличения масштабов военных действий, численности войск, усиливала воздействие войны на жизнь общества и т. д. На многие из этих изменений еще за столетие до Робертса обратил внимание в ряде своих произведений Ф. Энгельс. Работа Робертса вызвала дискуссию, его оппоненты небезосновательно отмечали, что некоторые эти явления берут начало за несколько десятилетий до 1560 года<sup>4</sup>. Однако бесспорно, что главная и основная часть этих нововведений приходится на полтора столетия, охватываемых вековым конфликтом. Стоимость войны намного возросла во вторую половину XVI века.

Французский историк М. Шоню стремился увязать зигзаги в политике Мадрида в Нидерландах - ее успехи и неудачи, попытки достигнуть соглашения и возвращение к бескомпромиссной позиции - с динамикой поступления доходов от торговли через порт Севилью с испанскими колониями в Новом Свете. Однако дальнейшие исследования показали, что финансовые ассигнования на войну не совпадали с этой динамикой - наиболее крупные военные расходы (например, в 1580-1585 гг., когда испанцы снова завоевали Южные Нидерланды - Бельгию) не раз приходились на годы резкого сокращения поступлений от торговли с Америкой.

Главную финансовую тяжесть войны несло на своих плечах население самой Испании, и прежде всего Кастилии<sup>5</sup>, которая уже к 1591 году переживала полный упадок. Начиная с первой половины 70-х годов Филипп II занимал огромные суммы под все более высокие проценты, пока банкиры не поняли, что его правительство не в состоянии платить по своим обязательствам, и не отказали ему в новых кредитах. Испанская казна к этому времени задолжала 36 миллионов дукатов, что равнялось государственным доходам за 6 или 7 лет. 1 сентября 1575 г. Филипп II после двух лет колебаний объявил об отказе от уплаты всех долгов и от передачи кредиторам поступлений от ряда налогов в погашение сделанных займов. Это финансовое облегчение было куплено дорогой ценой: исчезли возможности получения средств в счет будущих государственных доходов, и вдобавок был уничтожен кредитный механизм для перевода имевшихся денег из различных владений Филиппа II в Нидерланды на содержание испанской армии. Наместник в Нидерландах генерал Луис Рекесенс писал через два месяца после объявленного банкротства, 30 октября 1575 г.: «Даже если бы король и имел золота на 10 миллионов и захотел его все направить сюда, он не имел бы способа сделать это в связи с банкротством. Если деньги были бы посланы в звонкой монете морем, они были бы потеряны; невозможно послать их и в виде векселей, поскольку там (в Испании) нет купца, который бы выдал их, и нет никого здесь, кто бы мог учесть их и уплатить по ним». В ноябре 1576 года не получавшая жалованья испанская армия, численность которой на бумаге составляла 60 тысяч, сократилась до 8 тысяч, вспыхнули солдатские бунты. Испания должна была согласиться на требования повстанцев. Филипп II был принужден, как указывалось выше, нащупывать почву и для соглашения с султаном.

Обстановка, в которой началась нидерландская революция, создала для нее в целом неблагоприятные международные условия. Борьба нидерландцев за независимость, мнившаяся формой буржуазной революции, растянулась на 80 с лишним лет - с 1566 по 1648 год. Это было следствием действия ряда факторов, прежде всего того, что борьба велась против наиболее мощной феодальной державы, которая вместе с тем могла использовать экономический потенциал громадной колониальной империи, а также других своих владений в Европе (в некоторых из них - ресурсы значительного буржуазного уклада). Здесь надо упомянуть о переходе на сторону Мадрида дворянства Южных Нидерландов. В результате они остались в составе испанской монархии. Все же несомненно, что важнейшим фактором, делавшим возможной борьбу испанского правительства за достижение ставшей явно недостижимой цели, были социально-психологическая обстановка и структура международных отношений, порожденные вековым конфликтом.

Конфликт потенциально создавал идеологические и политические возможности для мобилизации против нидерландской революции европейской контрреформации. Вместе с тем относительно благоприятным для дела восставших нидерландцев было то обстоятельство, что вековой конфликт тогда не имел - как это было в первую половину XVI

века - формы общеевропейской войны. Это сокращало масштабы помощи Филиппу II со стороны других сил католической контрреформации, в особенности австрийских Габсбургов, в то же время не ограничивалась активность всех главных противников Испании - Португалии, Франции и Англии. Правда, гражданские войны во Франции, с одной стороны, мешали ей оказывать эффективное противодействие испанцам, но в то же время - с другой - сводили на нет возможность использования французской католической партии против восставших нидерландских провинций. Более того, поддержка Филиппом II французской Католической лиги отвлекала часть его ресурсов. Еще больше он тратил на борьбу против Англии в течение двух десятилетий, предшествовавших гибели Непобедимой армады. Борьба против Испании побуждала правительство Елизаветы I, хотя и с колебаниями, оказывать помощь голландским «мятежникам». Вмешательство Филиппа II во внутреннюю борьбу во Франции и Англии, вытекавшее из всей логики векового конфликта, в конечном счете свело на нет те шансы на победу, в Нидерландах, которые, казалось, оставались у испанцев.

Против католического лагеря в конечном счете выступали отнюдь не только революционные силы, являвшиеся носителями нового способа производства. Против оказались и те, отнюдь не революционные, элементы, которые в той или иной степени способствовали прогрессивному развитию общества. Это касается и английской монархии, возглавившей умеренную Реформацию, и французской абсолютной монархии, игравшей в то время позитивную роль в процессе национальной консолидации.

Нидерландская революция изменила развитие векового конфликта. Вместо того, чтобы служить одним из основных источников финансовой и военной мощи Габсбургов, нидерландские владения стали оттягивать, как губка, и денежные средства, и отборные войска испанской короны. Уязвимость разбросанных по всей Западной Европе владений Филиппа II, а позднее и заморских колоний резко увеличилась, причем в конце XVI века - во многом благодаря действиям на море тех же самых голландских «мятежников». Нидерландская революция оказала большое влияние на ход векового конфликта уже одним фактом перехода Голландии с ее растущими ресурсами в лагерь противников контрреформации. Можно по-разному оценивать вклад революции в идеологию передового лагеря, но при любых оценках его нельзя сбрасывать со счетов. Главное воздействие на ход конфликта революция оказала тем, что ликвидировала препятствия для развития голландского судоходства и торговли, что, в свою очередь, имело далеко идущие последствия для мировой торговли в XVII веке. Надо учитывать и другую сторону того же явления: вековой конфликт не мог в конечном счете воспрепятствовать ни победе революции в Нидерландах, ни утверждению их господствующего положения в мировой торговле, которую так стремились удержать в своих руках Карл V и Филипп II в качестве материальной основы своей империи.

Мотивы для испанского вмешательства в разные страны все усиливались, но одновременно и сужались объективные возможности осуществить вооруженное вторжение. Одним из объектов испанского вмешательства стала Франция, где как раз в середине века Реформация достигла крупных успехов. В самый канун гражданских войн (которые протекали в религиозной оболочке и потому часто именовались религиозными войнами), в 1562 году, венецианский посланник доносил о быстром распространении среди французов воззрений «женевского папы» и их соотечественника - Кальвина. Дипломат добавлял даже, что «люди моложе 40 лет редко продолжают оставаться верными католицизму». Католическая историография пытается представить гражданские войны во Франции как следствие соперничества вельмож во время малолетства короля - так было после смерти Карла V (XIV в.) и Людовика XI (XV в.), а впоследствии - после кончины Генриха IV и Людовика XIII. Аналогичные войны во второй половине XVI века, «которые для дискредитации религии называли в XVIII веке религиозными войнами, тогда как современники всегда именовали их гражданскими войнами или просто волнениями, - писал клерикальный историк Л. Кристиани, - были прежде всего войнами, проистекающими из малолетства или несостоятельности носителя центральной власти. Они были также войнами

соперничавших феодалов - Гизов против Бурбонов и Ша-тийонов»<sup>7</sup>. Говорят, что частичной правдой прикрывают ложь. Здесь скорее частица лжи искажает всю правду.

Несомненно, что в основе религиозных войн лежали социальные причины, так же как и в основе средневековых междоусобиц или Фронды в середине XVII века (и эти причины были значительно более важными, чем малолетство короля). Ныне и многие буржуазные историки, с теми или иными оговорками, вынуждены признать то, что является аксиомой для марксистской историографии: религиозные войны были лишь формой гражданских войн, острой классовый борьбы. Религиозный фактор, имевший и относительно самостоятельное значение, в общем контексте оказывался идеологической оболочкой, обеспечивающей внутреннее сплочение столкнувшихся социальных сил и политических группировок<sup>8</sup>. По мере своего развития гражданские войны все более приобретали форму династической борьбы - между Бурбонами, возглавлявшими протестантский лагерь, и Гизами - руководителями крайних католиков, - борьбы за престол, который должен был стать вакантным после смерти последнего из сыновей Генриха II и Екатерины Медичи. Этот династический конфликт в не меньшей степени, чем религиозный, стал средством сохранения Франции в рамках векового конфликта - прежде всего потому, что он делал для Екатерины Медичи (фактической правительницы Франции при последовательно царствовавших трех ее сыновьях - Франциске II, Карле IX и Генрихе III) невозможным прочный союз ни с одной из партий для победы над другой.

## **Оправдание Екатерины Медичи**

Екатерина не сразу достигла власти. При жизни мужа Генриха II она была вынуждена терпеть унижения, наблюдая, как им вертит его надменная фаворитка Диана де Пуатье, которая вдобавок была старше короля на 20 лет.

- Что Вы читаете, сударыня? - спросила как-то Диана Екатерину. - Я читаю историю Франции, - невозмутимо ответила итальянка, - и обнаружила, что во все времена шлюхи управляли делами королей<sup>1</sup>.



Екатерина Медичи  
в «дьявольском» кабинете

При правлении своих сыновей, одного за другим, Екатерина сумела нарушить этот «обычай». Она отказалась и от односторонней ориентации на силы контрреформации, которой следовал Генрих II (не без влияния той же Дианы де Пуатье).

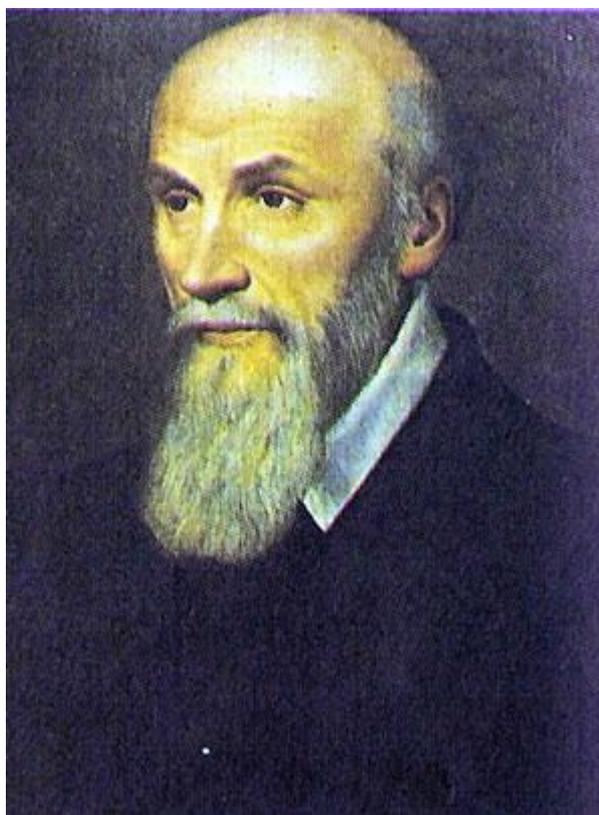
Франция могла в любое время ожидать интервенции со стороны Испании, направленной против гугенотов, от нее спасало фактически лишь отвлечение сил Мадрида на другие цели. Строя завоевательные планы под маской заботы об интересах религии, Филипп II нередко стремился придать им и видимость обороны от наступления протестантизма. Жена испанского короля Елизавета, дочь Екатерины Медичи, в июле 1561 года, в самом начале гражданских войн, писала матери, что никто более ее мужа не озабочен угрозой для католической веры во Франции, поскольку «Фландрия и Испания находятся неподалеку»<sup>2</sup>. Попытки Екатерины достигнуть соглашения с гугенотами вызвали открытое и резкое вмешательство со стороны Филиппа. «Дайте понять королеве, - писал он испанскому послу во Франции, - что, следуя этому курсу, ее сын потеряет свое королевство и лишится повиновения со стороны своих вассалов»<sup>3</sup>.

Папский нунций писал про Екатерину Медичи: «Королева не верит в бога»<sup>4</sup>. Большинство современников были склонны абсолютизировать значение религиозных споров. Екатерина Медичи, напротив, придавала так мало значения спорам церкви как таковым, настолько привыкла считать их чем-то не очень важным по сравнению со сталкивающимися материальными интересами и политическими противоречиями, что порой принижала относительное значение религиозного фактора. Поэтому даже после того, как на третьей сессии Тридентского собора были сформулированы католические догматы, четко отделяющие римскую церковь от любой формы протестантизма, королева строила неосуществимые планы восстановления религиозного единства на основе примирения двух вероисповеданий. На деле реальной альтернативой было - поскольку речь шла о Франции, а не о Европе в целом - утверждение веротерпимости или уничтожение одной из борющихся сторон.

Первое решение, оказавшееся весьма выгодным для интересов короны, поддерживала

так называемая (с 1563 г.) партия «политиков». Она решительно отвергала и старую идею о том, что власть базируется на религиозной традиции, и новую идею о происхождении власти из общественного договора. «Политики» придерживались идеи божественной власти монарха, которая одна только способна отстаивать единство, стабильность и суверенитет государства, обеспечить осуществление законов и поддержание порядка. Для «политиков» проблемы религии имели второстепенное значение, и они были готовы пойти на утверждение веротерпимости, если это в государственных интересах. Нетрудно заметить, что теория божественного характера власти монарха имела в сочинениях представителей этой партии совсем иной общественный смысл, чем тот, который она приобрела впоследствии в XVII и XVIII веках. Для периода гражданских войн во Франции взгляды «политиков» являлись обоснованием защиты национальной государственности против претендентов на европейскую гегемонию, против ведущих сил католической контрреформации. Недаром такая позиция вызывала подозрения, перешедшие потом в открытую ненависть со стороны воинствующих католиков. Теоретические воззрения «политиков» были выражены в речах и письмах Мишеля Лопиталья, в трактатах Жана Бодена и ряда видных юристов. К их партии, хотя и далеко не последовательно, примкнула и королева-мать.

Признанным главой партии «политиков» стал Мишель Лопиталь, с 1560 по 1568 год занимавший пост канцлера Франции, последователь взглядов Эразма и настолько решительный сторонник прекращения религиозных войн, что партия Гизов сомневалась даже в его приверженности католической вере<sup>5</sup>. Его поддерживали люди, вышедшие из школы гуманизма, отдельные влиятельные представители гугенотов и католиков, считавшие, что интересы страны следует поставить над интересами религии и что они властно требуют известной степени веротерпимости. Екатерина Медичи, одобрявшая деятельность Лопиталья, после его отставки то приближалась, то отходила от рекомендованного им курса.



Участие Франции в вековом конфликте превращало неизбежную религиозную и династическую форму внутривластической борьбы в серьезное препятствие для сохранения достигнутого национального объединения и самого независимого существования страны. Внутреннюю борьбу во Франции сразу же попытались использовать другие державы.

Первоначально Англия... Дипломат и разведчик сэр Николас Трокмортон - сторонник решительной борьбы с противниками Елизаветы - был в мае 1559 года назначен постоянным послом в Париж. Как раз в это время был заключен Като-Камбрезийский мир, закончивший длительную войну между Валуа и Габсбургами. Возникла угроза создания коалиции наиболее мощных католических держав, тем более серьезная, что родственница Гизов Мария Стюарт, ставшая женой французского короля Франциска II (1559-1560), должна была занять шотландский престол и имела династические права на английский трон. Франция действительно направила в январе 1560 года военную эскадру в Шотландию для помощи регентше Марии Гиз (матери Марии Стюарт) в борьбе против сторонников Реформации. Буря рассеяла эту эскаду-ФУ, избавив Елизавету от опасности, быть может, не меньшей, чем состоявшийся через 30 лет поход Непобедимой армады против Англии.

Ответным ударом английской секретной дипломатии и разведки было разжигание религиозных распр между католиками и протестантами во Франции. К открытому столкновению там шло, конечно, и без британских интриг, но Н. Трокмортон одним из первых усмотрел возможности, которые это открывало для Англии. Он писал, что при умелом ведении дела королева Елизавета «окажется в состоянии стать арбитром и правителем христианского мира»<sup>6</sup>. В 1562 году в Гавре высадились английские войска для поддержки гугенотов в начавшейся войне. Однако британская помощь запоздала и была недостаточной, чтобы предотвратить неудачу гугенотской партии в этом первом этапе гражданских войн, растянувшихся с перерывами на три с половиной десятилетия. В июле 1563 года протестантский Гавр капитулировал, английской дипломатии пришлось спешно заключать соглашение с французским двором (т. е. фактически с Екатериной Медичи).



Филиппу II, со своей стороны, также было крайне важно не допустить соглашения между французскими католиками и гугенотами, которое позволило бы обратить энергию дворянской вольницы, занимавшейся после мира в Като-Камбрези внутренними распрями, на новую войну против испанской армии в Нидерландах.

В начале гражданских войн, в 1562 году, Карл IX сам призвал на подмогу испанские войска, чтобы подавить народные выступления на юге Франции, но уже в следующем году поспешил отказаться от этой опасной помощи<sup>7</sup>.

...24 августа 1572 г. Варфоломеевская ночь - избиение в Париже сотен и тысяч гугенотов - всех подряд: мужчин, женщин, древних стариков и младенцев на руках у их матерей. Екатерине Медичи приписывали изречение: «Быть с ними жестокими - человечно, а быть милосердными - жестоко». Испанский посол с радостью доносил Филиппу II: «Когда я это пишу, они убивают всех, они сдирают с них одежду, волочат по улицам, грабят их дома, не давая пощады даже детям. Да будет благословен господь, обративший французских принцев на путь служения его делу! Да вдохновит он их сердца на продолжение того, что они начали!» А папа Григорий XIII, получив известие о Варфоломеевской ночи, воскликнул,

что оно ему более приятно, чем 50 побед при Лепанто<sup>8</sup>. Кровавая ночь поразила воображение современников и потомков. (Отчасти поэтому редко упоминались избиения католиков протестантами еще до Варфоломеевской ночи, например - в Ниме в День святого Михаила в 1569 г.- так называемые «мишеляды».)



«На протяжении 400 лет Екатерина Медичи, это черное светило на небосклоне, беспокоит и завораживает нас... Из-за ее поступков и черт характера, расцвеченных фантазией многих поколений, она занимает большое место в нашей мифологии»<sup>9</sup>, - пишет один из ее новейших биографов. Ненависть к Екатерине ее современников-протестантов была ярко выражена в памфлете «Удивительное повествование о жизни, действиях и дурных поступках королевы Екатерины Медичи», автор которого писал: «Иностранка, питающая вражду и злобу к каждому... Отпрыск купеческого рода, возвысившегося благодаря ростовщичеству, воспитанная в приверженности к безбожию». И далее следовал полный набор обвинений: отравительница, убийца тысяч гугенотов, стоящая в ряду с самыми кровавыми королевами всех времен<sup>10</sup>. Эстафету этих обвинений от памфлетистов XVI века приняли просветители XVIII столетия, обличавшие религиозную нетерпимость; в следующем веке - протестантские и либеральные историки, авторы приключенческих романов, а потом уже, в наше время,- западное кино и телевидение, ознакомившие сотни миллионов зрителей со всем реестром преступлений королевы. Варфоломеевскую ночь рисовали в леденящих кровь подробностях многие писатели, среди которых и Проспер Мериме с его «Хроникой Карла IX», ыи замечательный рассказчик Александр Дюма с его знаменитой трилогией «Королева Марго», «Графиня Монсо-ро» и «Сорок пять». Организатора Варфоломеевской ночи - Екатерину Медичи - те, кто знаком с ней по работам либеральных и протестантских историков прошлого века или скорее по романам Дюма, представляют себе чуть ли не профессиональной отравительницей. Впрочем, Бальзак не разделял этой точки зрения. В одном из своих «философских этюдов»-«О Екатерине Медичи»- он заметил, что флорентийка после смерти своего мужа Генриха II не отравила даже его фаворитку, являвшуюся объектом долголетней ненависти королевы, хотя вполне могла это сделать.

Современные западные исследователи склонны пересмотреть традиционно суровый вердикт и даже упрекают своих предшественников в распространении «черной легенды» о

королеве-матери. «Уточним,- пишет, например, Ф. Эрланже,- что флорентийка, столь известная содеянными ею преступлениями такого рода, не совершила ни одного, в отношении которого история имела бы доказательства и могла бы поэтому признать за факт»". (Добавим, однако, что такие преступления вообще нелегко доказать, особенно по прошествии четырех столетий!) Одним из злодеяний Екатерины Медичи считали отравление королевы Наваррской Жанны д'Альбре, умершей в Париже 9 июня 1572 г. Это обвинение, которое повторялось веками, теперь уже никем не поддерживается. Королева Наваррская была больна туберкулезом. Вскрытие обнаружило абсцесс правого легкого, опухоль мозга<sup>12</sup>. Представление о Екатерине Медичи как отравительнице было еще в 1901 году убедительно опровергнуто доктором Нассом. С того времени рассказы о ядах флорентинки большинство серьезных историков относят к фантазиям романтической литературы<sup>13</sup>. «Если бы Екатерина не несла ответственности за Варфоломеевскую ночь, было бы не слишком парадоксально утверждать, что она являлась довольно привлекательным историческим персонажем»<sup>14</sup>,- писал один из ее биографов.

Но была ли Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г. тщательно подготовленным заранее заговором или же стала следствием решения, принятого чуть ли не за несколько часов до начала резни? Сама Екатерина Медичи и ее сын Карл IX предпочитали первую из этих версий. Это не значит, что она соответствовала истине, просто королева-мать и король первое время после Варфоломеевской ночи близоруко полагали, что разрыв с гугенотской партией является окончательным. И, принимая решение сблизиться с католическим лагерем, в Лувре считали удобным истолковывать свои действия как продиктованные прежде всего интересами религиозного порядка. А католической контрреформации было выгодно согласиться с такой трактовкой событий зловещей ночи. Кардинал Лотарингский, брат герцога Гиза, организовал издание в Риме книги некоего Капилупи «Военная хитрость Карла IX»- вымышленного рассказа о политике французского правительства, призванного доказать, что убийства в Варфоломеевскую ночь были заранее задуманной и подготовленной акцией. Кардинал правильно рассчитывал, что такая версия событий затруднит правительству ведение новых переговоров с еретиками<sup>15</sup>. Однако Гизы просчитались, если полагали, что препятствия такого рода окажутся непреодолимыми.

Сближение с Испанией оказалось лишь одним из бесчисленных зигзагов в политике французского двора, а резкое ухудшение отношений с протестантскими державами, прежде всего с Англией, явно не отвечало его интересам. К тому же гугенотская партия во Франции вовсе не была сломлена и начала вырисовываться необходимость достижения с ней новых временных компромиссов. Вскоре после Варфоломеевской ночи Екатерина Медичи снова установила контакты с руководителями гугенотов. Поэтому уже осенью 1572 года французский двор попытался дать новое объяснение Варфоломеевской ночи: она предстала теперь уже как ответ на «протестантский заговор», возглавлявшийся адмиралом Колиньи, который, как известно, был убит в самом начале жестокой бойни.

Гугенотов, по этой версии, наказали не за их веру, а за государственную измену. Надо заметить, что накануне Варфоломеевской ночи Екатерина Медичи имела среди гугенотов своего тайного агента - сьера де Бушавана, который изображал из себя протестанта и пользовался доверием Колиньи. Де Бушаван сообщил Екатерине Медичи, что адмирал собрал руководителей гугенотской партии и обсуждал с ними заранее разработанный план захвата Парижа, занятия Лувра и ареста короля. Переворот якобы предполагалось произвести 26 августа. Так по крайней мере докладывал де Бушаван, или, точнее, так излагалась позднее суть его донесений. Екатерина Медичи уверяла, что для предотвращения заговора она должна была решиться на устранение нескольких лидеров гугенотов - всего каких-то пяти или даже трех человек, включая Колиньи<sup>16</sup>. (Некоторые католические историки и поныне повторяют эти уверения.)

Впрочем, версия о гугенотском заговоре с самого начала не вызвала доверия, а утверждения о заранее спланированном заговоре католиков, напротив, получили широкое распространение в историографии: такой позиции придерживались, в частности, многие

историки прошлого века. В пользу этой точки зрения свидетельствуют аналогичные Варфоломеевской ночи события в ряде больших городов, случившиеся, возможно, даже прежде, чем до них могла дойти весть о парижских убийствах<sup>17</sup>. Тем не менее и эта версия не выдержала критической проверки. Анализ сохранившихся документов, мемуары современников, для которых не было нужды скрывать правду, позволяют прийти только к одному выводу: решение об избиении гугенотов было принято за немногие часы - или по крайней мере дни - до полуночи 24 августа<sup>18</sup>. Таким образом, «ужасающие убийства Варфоломеевской ночи были скорее результатом усиливавшегося давления и собственных страхов Екатерины, чем предательством с заранее обдуманном намерением с ее стороны»<sup>19</sup>.

Может показаться, что этот вывод исключает Варфоломеевскую ночь из ряда событий, непосредственно вытекавших из векового конфликта, превращает ее лишь в один, хотя и наиболее кровавый, эпизод долгих гражданских войн во Франции. Но такое заключение было бы ошибочным. Пусть организаторы Варфоломеевской ночи сознательно и не руководствовались целями одной из сторон конфликта, сама возможность поднять население столицы (и других городов) никогда не возникла бы вне того социально-психологического климата, который был создан вековыми столкновениями и поддерживался воинствующим крылом католического духовенства, включая, конечно, иезуитов.

По существу, спор между Екатериной Медичи и адмиралом Колиньи, приведший к Варфоломеевской ночи, шел вовсе не о том, поддерживать ли мир, заключенный между католиками и протестантами, и даже не о том, на каких условиях его сохранять (в этом они были согласны), - речь шла о возможностях его упрочения. План Екатерины заключался в том, чтобы, добившись примирения партий, вывести Францию из векового конфликта во имя интересов государства и - что было куда важнее с точки зрения королевы-матери - дома Валуа. Напротив, адмирал Колиньи считал, что внутренний мир, гарантирующий интересы гугенотов, приобретет прочность только в том случае, если Франция будет вовлечена в войну с главной державой католического лагеря - иными словами, если Франция будет вести войну вне рамок векового конфликта, но объективно способствовать в то же время успехам протестантского лагеря. По существу, план Колиньи заключался в возвращении к положению, которое занимала Франция до (и - как мы убедимся ниже - после) гражданских войн. Этот план предусматривал союз с Англией, Тосканой, Венецией, германскими княжествами и даже с самим римским престолом против Филиппа. Но план был нереален хотя бы потому, что папа и Венеция вошли наряду с Испанией в Священную лигу, созданную для борьбы с Турцией и добившуюся победы при Лепанто 7 октября 1571 г. Англия, опасавшаяся завоевания французами Фландрии, сделала примирительные шаги в отношении Испании. Германские протестантские князья тоже не проявляли желания ввязываться в борьбу. Таким образом, Франции угрожала перспектива воевать один на один с мощной державой Филиппа II. К тому же сам католический лагерь прилагал усилия, чтобы не допустить открытого конфликта между Парижем и Мадридом. Об этом особенно заботился папский нунций во Франции Сальвиати, родственник королевы-матери. Филипп также маневрировал, не скупясь на дружественные жесты.

Под влиянием Колиньи - хотя в Королевском совете он один стоял за войну - Карл IX разрешил отправить 5-тысячный отряд французских протестантов под командой графа де Жанлиса в Нидерланды на помощь осажденному испанцами Монсу. Войска герцога Альбы разгромили отряд Жанлиса. Наряду с этим Альба сумел максимально использовать опасения, которые внушали английскому двору французские планы завоевания Южных Нидерландов. Королева Елизавета дала понять Альбе, что она, несмотря на тогдашние союзные отношения с Парижем, никак не собирается содействовать подобным планам. Герцог поспешил довести английский демарш до сведения Екатерины Медичи. В определенном смысле двойная игра английской дипломатии являлась одной из причин Варфоломеевской ночи. Екатерина сочла, что у нее не остается выбора между согласием на заведомо безнадежную войну и устранением Колиньи, который приобретал все большее влияние на Карла IX и подрывал тем самым позиции королевы-матери, правившей страной от имени своего слабавольного и

истеричного сына. Давая санкцию на убийство Колиньи, флорентийка, по-видимому, рассчитывала, что гугеноты не останутся в долгу, что ей разом удастся избавиться от руководителей обеих враждующих партий, и, укрепив положение короны как арбитра между ними, Она сумеет воспрепятствовать возобновлению религиозных распрей. Именно поэтому королева-мать одновременно с приготовлениями к убийству адмирала форсировала подготовку свадьбы дочери Маргариты с другим руководителем гугенотов - Генрихом Наваррским.

Главные события в жизни Маргариты Валуа были самым непосредственным образом связаны с вековым конфликтом. Намерение выдать ее замуж за еретика Генриха Наваррского могло вызвать только негодование у такого фанатика, как Пий V, а без разрешения папы нельзя было заключить этот брак, противоречивший церковным канонам. Пий V в конце 1571 года писал Карлу IX: «Наш долг повелевает никогда не соглашаться на этот союз, который мы рассматриваем как оскорбление для господина». Генералу иезуитского ордена было особо поручено убедить Маргариту, что она жертвует спасением души, соглашаясь на такой брак. Взамен римский престол предлагал выдать принцессу замуж за короля Португалии.

Этот план, еще недавно обсуждавшийся в Париже, был отброшен после события, казалось, прямо не затрагивавшего Францию, - после битвы при Лепанто. Крупное поражение оттоманского флота, воздействие которого на ход войны в первое время даже преувеличивалось, побуждало Екатерину Медичи искать примирения с гугенотами для противодействия Филиппу II. Ведь теперь начала казаться близкой возможность победа испанского короля над восставшими Нидерландами.

Накануне Варфоломеевской ночи Карл особенно торопился со свадьбой своей сестры, считая, что она, укрепив внутренний мир, развяжет руки для войны против Испании. Между тем неожиданная смерть Пия V в мае 1572 года не внесла изменений в позицию Рима - новый папа Григорий XIII тоже отказывал в разрешении на брак Маргариты Валуа и Генриха Наваррского. Тогда было решено действовать без Рима, благо один из лидеров гугенотов - принц Конде - подал пример, женившись 10 августа на католичке Марии Клевской без всякой санкции римского престола. Екатерина Медичи тоже сочла, что не стоит останавливать дело из-за такой детали, и приказала сфабриковать письмо французского посла в Риме, в котором извещалось о предстоящей скорой присылке папой нужной бумаги. Такая уловка позволила покончить с колебаниями кардинала Бурбона, который и сам был горячим сторонником женитьбы своего племянника на сестре французского короля. После этого уже без особого труда отыскали священника, готового совершить обряд венчания. Свадьбу назначили на 18 августа. Екатерина Медичи 14 августа спешно направила губернатору Лиона де Ман-дело приказ задерживать до 18 августа всех курьеров, следующих из Италии и в Италию. Королева хотела таким образом воспрепятствовать получению письма Григория XIII, запрещающего брак, а также помешать папскому нунцию в Париже сообщить папе о предстоящем бракосочетании.

У читателя романа Дюма создается впечатление, что Екатерина искала смерти Генриха Наваррского, на деле все обстояло как раз наоборот. Это проявилось уже в Варфоломеевскую ночь. Когда сквозь ад этого кровавого кошмара вождей гугенотской партии - Генриха Наваррского и принца Генриха де Конде - доставили к Карлу IX, за королем маячила фигура его матери. Размахивая кинжалом, Карл угрожающе прорычал: «Обедня, смерть или Бастилия!» Генрих Наваррский уже в молодые годы показал себя тем ловким политиком, который через 21 год решил, что «Париж стоит обедни». Он согласился перейти в католичество. Конде отказался, король в неистовом бешенстве замахнулся кинжалом. Его руку удержала Екатерина. Чуть ли не со стенаниями она умоляла сына остановить свою карающую десницу. Слезы, которые проливали вдохновительница массовых убийств, вовсе не были крокодиловыми слезами. Генрих Наваррский и Генрих Конде были ей нужны как противовес герцогу Генриху Гизу, который, будучи главой католической партии, после уничтожения гугенотов становился некоронованным владыкой

Парижа. Карл, как всегда, уступил воле матери и приказал держать обоих Генрихов в строгом заключении в их апартаментах.



Английская исследовательница Н. М. Сазерленд в книге «Убийства во время Варфоломеевской ночи и европейский конфликт 1559-1579 годов»<sup>21</sup> сделала своими главными героями одновременно и королеву-мать, и Ко-линьи. Известный английский историк А. Роуз писал, что Екатерина действительно непрерывно пыталась добиться мира, и выражал даже чуть окрашенную иронией симпатию к «этой столь сильно оклеветанной женщине. Было несчастьем, что ей никто не верил. Политик-макиавел-|иист в хорошем смысле этого слова, она не могла понять, почему люди настаивали на том, чтобы сжигать других или быть сожженными из-за бессмысленных утверждений» .



Убийствами в Варфоломеевскую ночь Екатерина Медичи пыталась решить разом две задачи: покончить с внутренней войной, которая служила средством вовлечения Франции в вековой конфликт, и предотвратить внешнюю войну, которая также втянула бы страну в этот конфликт. Екатерине Медичи временно удалось достигнуть второй цели, но гугенотская партия не была сломлена, и гражданская война запылала с новой силой. Екатерина писала Филиппу II в связи с Варфоломеевской ночью, что меры, принятые ее сыном против «гугенотского заговора», усиливают «дружбу, связывающую две короны»<sup>23</sup>. Она заговорила даже о намерении женить своего сына Генриха Анжуйского (будущего короля Генриха III) на дочери Филиппа. Узнав о Варфоломеевской ночи, Филипп, принимая французского посла, возможно, впервые во время исполнения государственных обязанностей «разразился смехом». Он не скрывал от француза своего «большого удовольствия»<sup>24</sup>. Не было ли отчасти причиной такой радости сознание того, насколько кровавая «победа католицизма» ослабляла международные позиции Франции? Не прав ли был любимый астролог Екатерины Медичи Руджиери, заметивший своей повелительнице, что она действовала в интересах короля Испании?<sup>25</sup>

Характерно, что габсбургская дипломатия и пропаганда пытались истолковать Варфоломеевскую ночь таким образом, чтобы дискредитировать французского короля и рассорить его с протестантскими союзниками в Европе. В протестантской части Европы парижское избиение вызвало негодование и тревогу. Елизавета I приняла французского посла в черном траурном платье, но тем не менее не выразила несогласия с официальной французской версией о том, что речь шла только о наказании заговорщиков. Вскоре английская королева даже возобновила переговоры о планах заключения ее брака с младшим сыном Екатерины Медичи герцогом Франсуа Алансонским. Уверяя Филиппа II и папу, что неизменной целью французской политики - является уничтожение ереси, Екатерина вместе с тем направила в Германию специального посла Гасто.на де Шомбера, чтобы успокоить протестантских князей. Шомбер разъяснял им, что «совершенное в отношении адмирала (Колиньи. - Авт.) и его сообщников учинено не из ненависти к новой религии, не для ее искоренения, а как наказание за подготовленный ими злодейский заговор».

Варфоломеевская ночь имела отзвук даже в далекой России. Несколько неожиданное «возмущение» парижской резней, которое выразил Иван Грозный в письме к императору

Максимилиану II, надо рассматривать в связи с неудавшейся попыткой царя побудить Габсбургов не поддерживать противников России' в Ливонской войне, обещая взамен совместно выступить против турецкого султана - союзника французского короля<sup>27</sup>. Как раз в это время гибель отборной турецкой армии под Астраханью (1569 г.) и разгром крымских татар при Молодях (1572 г.) знаменовали собой крупнейшее поражение турецко-татарской экспансии в Восточной Европе<sup>28</sup>.

Московское государство, стремясь использовать в своих интересах обстановку, созданную обострением векового конфликта, проявляло терпимость в отношении достаточно для него неприятных политических учреждений Западной Европы. Иван IV, правда, выговаривал Елизавете I, что она, вопреки его чаяниям, - не самовластная государыня, что, как оказывается, в английском королевстве помимо нее «люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые.., а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица»<sup>29</sup>. Однако надо отдать должное царю: проявленная им «принципиальность» не помешала ему стремиться к поддержанию добрых и даже союзных отношений с государством, имеющим столь «несуразное и предосудительное» устройство, в котором допускались не только дворяне («люди»), что еще куда ни шло, но даже «торговые мужики».

Варфоломеевская ночь имела совсем не те последствия, на которые рассчитывала Екатерина. До августа 1572 года гугеноты проводили различие между воинствующими католиками и законной королевской властью, даже заявляли, что защищают интересы короны от заговорщиков - Гизов. После кровавой оргии 24 августа и последующих дней положение круто изменилось. В 1573 году юрист-гугенот Франсуа Отман опубликовал трактат «Франко-Галлия», выступая в нем сторонником монархии, при которой власть короля ограничивается Генеральными штатами и аристократическими учреждениями. В следующем, 1574 году Теодор Беза издал трактат, в котором утверждал, что, поскольку бог создал народы, а народы - королей, власть монархов проистекает из договора, заключенного им с его подданными. Несоблюдение королем его обязанностей, неисполнение долга является законной причиной для низложения такого недостойного правителя. Последующие трактаты, вышедшие из-под пера гугенотских теоретиков, нередко содержали уже и оправдания умерщвления короля-тирана. Ближайшим сподвижником Генриха Наваррского был в 1579 году выпущен в свет трактат «Защита против тиранов», развивавший идеи тираноборчества<sup>30</sup>. Вскоре, как мы убедимся, эти идеи были заимствованы и католическим лагерем, приспособившим их для своих целей.

Варфоломеевская ночь не привела к резкому изменению внешнеполитического курса, проводившегося Екатериной Медичи. Показательно, что в переговорах, которые она в декабре 1573 года вела с германскими протестантскими князьями, королева - если верить донесениям шпионов Филиппа II - согласилась обсуждать прежний проект Колиньи об осуществлении французского вторжения в Нидерланды<sup>31</sup>, которое и состоялось через несколько лет.

## Королева Марго

Династические вопросы в эту эпоху могли иметь совершенно различный политический смысл. Сталкивающиеся социальные группировки нередко оказывали поддержку соперничавшим претендентам на престол, классовая борьба облекалась в форму династического спора. Династические распри могли быть борьбой между участниками и противниками вовлечения страны в вековой конфликт. То же самое можно сказать и о придворных интригах, выступающих, подобно пене, на поверхности исторического процесса. И эта «пена» в конечном счете отражала существо происходивших событий.

Бывали даже ситуации, когда в ней, поистине как в капле воды, отражались весьма значительные явления, когда она играла роль той случайности, в которой не только проявляется историческая необходимость, но которая накладывает свой отпечаток на дальнейшее общественное развитие. Было немало таких случайностей, влиявших на ход векового конфликта, на участие в нем различных стран. Династические браки давали возможность повернуть ход не только внутренней борьбы, но и противоборства на международной арене в нужном направлении. И когда силы, стоявшие за то или иное решение, более или менее уравнивали друг друга, тот или иной поворот династических комбинаций приобретал относительно самостоятельное значение. Порой в возникновении или повороте в развитии вековых конфликтов немалую роль играли случайности дипломатической и придворной истории, а может быть, они служили и детонатором больших исторических событий.

...В романе «Королева Марго» (первом из серии, посвященной драматическим событиям 70-х и 80-х годов XVI в. во Франции) А. Дюма широко использовал мемуары современников, в том числе и «Воспоминания» самой Маргариты Наваррской, которые писались через два с половиной десятилетия после Варфоломеевской ночи. Образ этой «знатной дамы эпохи Ренессанса» претерпел значительные изменения под пером романиста. Он воспользовался своим правом изобразить ее во время расцвета молодости и красоты, оставляя в забвении другие, более поздние годы ее жизни, когда она стала объектом сатирических куплетов и непристойных острот. Правда, и ко времени ее брака с Генрихом Наваррским, если верить ее последующим признаниям, она успела побывать любовницей своих трех братьев - Карла IX, Генриха III и герцога Франсуа Алансонского - и герцога Гиза впридачу (на что, впрочем, не раз намекал и Дюма).

Маргарита Наваррская (о ее роли в событиях Варфоломеевской ночи говорилось выше), несмотря на свое активное участие в политических интригах, целиком определявшееся ее страстями и любовными приключениями, никогда не была политическим деятелем - каким несомненно была ее ближайшая родственница Мария Стюарт,- и тем не менее она занимала такое положение, которое придавало политическое значение многим ее поступкам. Роль, которую ей пришлось сыграть, сама по себе была следствием политической обстановки, сложившейся во Франции и Европе в целом. Романы Дюма подробно повествуют о заговорах и интригах, в центре которых находилась первая жена Генриха Наваррского. Эти заговоры - тоже не вымысел писателя, но в действительности они происходили иначе, чем описывает Дюма, при иной расстановке сил и ином составе участников, чьи мотивы нередко отличались от созданных неистощимой фантазией знаменитого романиста. Следует отметить, что цели заговоров были тесно связаны - если не прямо определялись - с вековым конфликтом, который раздирает Европу той эпохи.

Дюма изображает графа де Ла Моля, завоевавшего сердце ветреной красавицы-королевы, молодым человеком 25 лет, приехавшим в Париж из Прованса. В действительности он был на 20 лет старше - почти старик по поветиям того времени. Проставив три или четыре мессы ежедневно, чтобы замолить свои грехи, де Ла Моль не уступал никому в галантных приключениях, составлявших скандальную хронику двора<sup>1</sup>. Де Ла Моль был далеко не новичком в политических интригах. По поручению очень благосклонного к нему Карла IX граф ездил в Мопдон искать руки королевы для герцога Алансонского. Де Ла Моль вроде бы произвел впечатление на Елизавету, и миссия его не привела к успеху. Из приближенных короля он перешел в свиту герцога Алансонского, которого надеялся превратить в орудие своих честолюбивых планов. К этому времени де Ла Моль из-за своих любовных походов успел снискать ненависть ряда влиятельных соперников, особенно герцога Анжуйского - будущего Генриха III. Тогда в окружении герцога Алансонского оказался и пьемонтец Аннибал Коконнато, известный больше под именем графа де Коконнаса.

В конце 1573 года Екатерина Медичи, убедившись в неудаче своей попытки подавить протестантизм во Франции, снова стремилась добиться мира, как в месяцы,

предшествовавшие Варфоломеевской ночи. Приближенные к власти «политики», особенно маршал Монморанси, вновь стали выдвигать идею войны против Испании, а Екатерина - вновь резко осуждать эти планы. В последовавшем очередном туре интриг де Ла Моля обвиняли в попытке организовать покушения на герцога Гиза по поручению Монморанси и герцога Алансонского. Монморанси получил отставку, но де Ла Моль решил сам попробовать осуществить план вовлечения Франции в войну против Филиппа II.

Как раз к этому времени - к январю - февралю 1574 года - и относится начало романа опытного соблазителя и королевы Наваррской, казавшегося для современников необычным из-за разницы в положении и возрасте затронутых лиц. Королева Марго в это время под влиянием де Ла Моля примкнула к партии «политиков». Успехи провансальца вызвали ревность у герцога Алансонского и самого Карла IX, которые даже сговорились задушить его на дворцовой лестнице. Де Ла Моль ускользнул с помощью Коконнаса и его любовницы герцогини де Не-вер, об этом подробно повествует Дюма. Де Ла Моль и Маргарита убедили герцога Алансонского принять участие в заговоре, составленном «политиками» и протестантами. Он предусматривал восстание против Карла IX и фактически передачу власти в руки герцога Алансонского. Попытка бегства герцога Алансонского и Генриха Наваррского, назначенная на 10 апреля 1574 г., не удалась - они были выданы Шарлоттой де Сов, являвшейся одновременно любовницей их обоих и шпионкой королевы-матери.

14 апреля испанские войска разгромили в сражении при Моор-Керхейде отряд одного из участников заговора. Трусливый герцог Алансонский поспешил выдать своих сообщников. Де Ла Моля предали суду парламента, но он даже под пыткой не сделал никаких признаний. Напротив, Коконнас, зарекомендовавший себя свирепым убийцей во время Варфоломеевской ночи, пытался спасти себе жизнь, донося на всех, кого только знал, и приписывая им любые преступления. Однако 30 апреля его казнили вместе с де Ла Модем, у которого нашли фигурку Маргариты с короной на голове. Магические действия над такими, обычно восковыми, фигурками считались способными вызвать страсть или навести порчу. Было удобно счесть, что фигурка является изображением короля, и суеверная Екатерина даже всерьез приписывала ухудшение здоровья Карла действию колдовских чар. По приказу королевы-матери начались поиски астролога Руджиери, делавшего такие фигурки. Переодетого крестьянином астролога - он пытался укрыться во флорентийском посольстве - доставили к Екатерине Медичи. Она решила его пощадить, рассчитывая, что Руджиери сумеет исцелить короля.

На основе материалов процесса де Ла Моля Карл IX приказал произвести аресты маршалов де Монморанси и де Косеа. Это еще более сплотило «политиков» и гугенотов, началось новое восстание. Английская королева Ели-Ъвета ходатайствовала за Генриха Наваррского и герцога Алансонского, но натолкнулась на твердый отказ.

В 1573 году Екатерине Медичи удалось добиться большого успеха - ее любимый сын Генрих был избран на польский престол. Имея у себя в тылу короля из дома Валуа, австрийские Габсбурги должны были теперь занять более осторожную позицию в отношении Франции. Карл IX, желавший избавиться от нелюбимого брата, заставил его ускорить не раз откладывавшийся отъезд в Варшаву. Впрочем, новый польский король только и думал о возвращении в Париж, как только он получит известие о близкой кончине его больного брата.

Карл IX скончался в разгар нового восстания гугенотов 30 мая 1574 г. Спешно вызванный Екатериной из Польши герцог Анжуйский наследовал престол под именем Генриха III. Началась долгая цепь интриг Маргариты против нового короля. Герцог Алансонский и Генрих Паиаррский бежали из Парижа.



Во второй половине 70-х годов Генрих III не раз обращался к мысли о войне против Испании, чтобы посадить на трон Нидерландов своего младшего брата Франсуа - герцога Алансонского (потом герцога Анжуйского), немало досаждавшего королю во Франции. А Екатерина Медичи в это же время строила совершенно, как оказалось, нереальные планы женитьбы своего младшего сына на ее собственной племяннице - инфанте Изабелле, дочери Филиппа II, которая должна была принести в качестве приданого Нидерланды.

Что касается королевы Марго, то она будет и далее участвовать во множестве интриг, примыкая к разным партиям. По настоянию Маргариты один из ее мимолетных любовников убьет 31 октября 1575 г. королевского фаворита де Таста, настаивавшего на решительной борьбе против Испании, а по наущению Генриха III ревнивый муж графини Монсоро и его слуги зарежут другого воз\*любленного королевы - легендарного дуэлянта Бюсси. Таких драматических эпизодов будет еще немало в жизни «жемчужины Валуа», «волшебницы», «новой Минервы», как именовали королеву Марго придворные льстецы. Впрочем, ее обаянию поддавались Ронсар и Малерб, Брантом и Монтеиь, и ей сопутствовала слава покровительницы наук. В июле 1585 года Маргарита Валуа покинула мужа, чтобы присоединиться к католическому лагерю, и заперлась в крепости Ажан в центре протестантского Юго-Запада, обратившись за помощью к Гизам и Филиппу II. Помощь, однако, запоздала, и крепость была взята штурмом войсками Генриха Наваррского. Маргариту заключили в крепость Юсон, откуда она бежала с помощью агента Гизов, однако лишь для того, чтобы вскоре быть снова схваченной и возвращенной под стражу. Филипп II обвинял Генриха III в помощи Генриху Наваррскому при захвате Ажана, а французский король упрекал испанцев за помощь королеве Марго не только деньгами, но и солдатами-арагонцами<sup>2</sup>. Маргарите пришлось испытать многие превратности судьбы (ее мать даже подумывала об убийстве дочери, чтобы женить Генриха Наваррского на какой-то из своих родственниц), снова и снова менять возлюбленных, один из которых убил другого на глазах у королевы. Подобный же случай потом повторился, и на этот раз убийце отрубили голову по просьбе самой Маргариты. К этому времени Генрих Наваррский стал Генрихом IV, а Марго сумела выторговать крупные уступки за свое согласие на развод. В последний раз ее судьба соприкоснулась с большой политикой, когда королева Марго оказалась замешанной, правда косвенно, в заговоре, приведшем к убийству Генриха IV (об этом будет говориться дальше). Она умерла в 1615 году, когда ее политическая роль была уже давно сыграна.

## Паутина заговоров

Второй этап векового конфликта выдвинул на передний план методы тайной войны, не игравшие столь значительной роли в первой половине XVI века. На первом этапе борьба в рамках конфликта, по сути дела, велась между императором и германскими протестантскими князьями, которых поддерживали противники Габсбургов в католическом лагере. На втором этапе борьба распространилась на всю Западную Европу, но, приобретая характер всеобщей войны, приняла форму ряда переплетавшихся между собой конфликтов - в Нидерландах, во Франции, в Англии и Шотландии. Особенностью векового конфликта являлись превращения гражданских войн в международные столкновения, их затягивание на длительные сроки, иногда на многие десятилетия. Почти в каждой стране Западной и Центральной Европы имелось более или менее значительное преследуемое религиозное меньшинство, связанное узами единого вероисповедания с правящими кругами других враждебных данному государству. И здесь на авансцену выдвигались приемы тайной войны, тем более что при тогдашней политической структуре государств весьма эффективным орудием смены власти был дворцовый заговор под предлогом защиты династических прав того или иного претендента на престол. Агрессором в конечном счете неизменно оказывался лагерь контрреформации. Однако в каждом конкретном случае, на отдельных этапах противоборства складывались и иные ситуации. И это придавало тайной войне не только особый размах, но и некоторую неясность, не позволявшую порой выявить подлинные намерения и роль участников борьбы. Поэтому уже в наше время некоторым консервативным историкам удается изображать лагерь контрреформации обороняющейся стороной.

Остановимся на одном из возмозных примеров - на одном из заговоров в непрекращавшейся тайной войне контрреформации против Англии. В середине XVI века, да и позднее, значительная часть населения Англии оставалась католической. Не исключено, что даже отдельные английские дипломаты-разведчики, вроде заклятого врага иезуитов сэра Эдварда Уоттона (1548-1626), были католиками<sup>1</sup>. Католические заговоры концентрировались вокруг Марии Стюарт - шотландской королевы, имевшей династические права на английский престол. Драматическая история жизни Марии Стюарт привлекла внимание великих поэтов, писателей и художников. Достаточно вспомнить Ф. Шиллера и Стефана Цвейга. Но будет не лишним добавить, что трудно найти в XVI веке фигуру, которая бы служила таким ярким олицетворением векового конфликта. В этом отношении в один ряд с пылкой и романтической королевой Шотландии среди современников можно, пожалуй, поставить только ее многолетнего тайного корреспондента, сумрачного хозяина Эскуриала - Филиппа II.

Роль Шотландии во многом определялась изменяющимся положением, которое занимала ее южная соседка в системе международных отношений. Во время правления Марии Тюдор, вышедшей, как мы помним, замуж за Филиппа (тогда еще наследника престола), Англия воевала совместно с Испанией против Франции. А французское правительство, в свою очередь, стремилось в максимальной степени использовать династические связи с Шотландией, чтобы добиться активного участия этой страны в борьбе против Англии. В такой обстановке и был заключен брак между Марией Стюарт и французским дофином Франциском (позднее, в 1559-1560 гг., занимавшим королевский престол). Династия Стюартов еще ранее была связана семейными узами с Гизами, герцогами Лотарингскими (представители этой династии занимали ключевые посты в правительстве Франции и позднее возглавили организацию французских воинствующих католиков).

Поэтому долгое время отношения Мадрида и Эдинбурга определялись не столько нараставшими противоречиями Испании с Англией, сколько отношениями с Францией, младшим партнером которой стала Шотландия. Подход Мадрида к Шотландии тогда также определялся не столько вековым конфликтом, сколько сложно переплетавшимся с ним соперничеством между Испанией и Францией. Однако по мере того как на первый план выдвигались борьба между Габсбургами и Англией и вмешательство Испании в гражданские войны во Франции, целиком вписывавшиеся в русло векового конфликта, отношение Филиппа II к шотландским событиям все в большей степени зависело от развития этого конфликта.

Мария Стюарт и английская королева Елизавета так никогда и не встретились лицом к лицу. Елизавета постоянно уклонялась от такой встречи. В их соперничестве личные мотивы тесно сплетались с политическими. Елизавета, которая из-за врожденной или приобретенной аномалии не могла надеяться иметь потомство, не стремилась к замужеству, предпочитая заводить фаворитов. Она не могла не вспоминать незавидную, а подчас и трагическую судьбу жен своего отца Генриха VIII, и прежде всего своей матери Анны Болейн, отправленной супругом на эшафот. Вместе с тем надежда получить руку английской королевы была удобной приманкой, которую десятилетиями использовало английское правительство в дипломатической игре. Так же обстояло дело и с нежеланием бездетной Елизаветы назвать имя своего преемника: королева говорила, что он будет маячить у нее перед глазами, как саван. Но здесь опять-таки к обычной нерешительности Елизаветы и страху смерти примешивался хладнокровный политический расчет. Возможность взять дорогую цену за согласие признать права того или иного претендента была слишком сильным козырем, куда более важным, чем опасность того, что неурегулированность вопроса о престолонаследии может послужить причиной вооруженной борьбы за британский трон. Вместе с тем было замечено, что засидевшаяся в невестах королева с чисто женской ревностью осуждала возможность вступления в новый брак Марии Стюарт, которая была почти на девять лет ее моложе. Мария не отказывалась от права занять престол после Елизаветы. Это право, не признаваемое Лондоном, должно было быть унаследовано детьми Марии Стюарт. Потому Елизавета хотела, чтобы муж шотландской королевы, если она все же решится вторично вступить в брак, подходил для английского правительства. Супруг правящей королевы становился королем ее страны - как Филипп II стал королем Англии во время правления Марии Тюдор, а Франциск II - королем Шотландии, женившись на Марии Стюарт. Правда, ни тот, ни другой так и не успели воспользоваться политическими выгодами, которые сулили их династические браки, но причиной тому была неожиданно ранняя кончина одного из супругов (в первом случае - Марии Тюдор в 1558 г., а во втором - Франциска II в 1560 г.).

Руки Марии Стюарт стали теперь домогаться многие монархи и наследные принцы, в их числе - короли Франции, Дании и Швеции. Особенно опасными для Англии среди претендентов казались представители обеих, австрийской и испанской, ветвей габсбургского дома - эрцгерцоги Фердинанд и Карл (сыновья императора Карла V) и Дон Карлос, сын и наследник Филиппа II. Включение Шотландии с помощью династического брака в сферу влияния габсбургских держав и тем самым лагеря контрреформации вряд ли бы немедленно изменило соотношение сил, но, безусловно, создавало условия для таких перемен в недалеком будущем. Используя ресурсы лагеря контрреформации, король-католик смог бы не только подавить протестантизм в Шотландии, но и предпринять попытку свержения Елизаветы и передачи английского престола Марии Стюарт. Наибольшие опасения в этой связи вызывали притязания на руку Марии со стороны инфанта Дон Карлоса. Хотя сын Филиппа II не имел ничего общего с героическим образом, созданным воображением Шиллера в его Дrame «Дон Карлос», за испанским наследным принцем стояли мощь огромного государства Филиппа II, поддержка католического лагеря. К концу 1563 года Дон Карлос, никогда не отличавшийся физическим и психическим здоровьем, окончательно лишился рассудка, и в апреле 1564 года переговоры о его браке с Марией были прерваны.

Еще почти за год до этого, в июне 1563 года, Елизавета уведомила одного из наиболее влиятельных шотландских лордов - Мейтланда, что в случае брака Марии с Дон Карлосом ее будут считать врагом Англии, а если, напротив, она последует совету из Лондона при выборе мужа, то будет признана наследницей британского престола. Предложенную Елизаветой кандидатуру трудно было не счесть намеренным оскорблением. Это был многолетний фаворит Елизаветы Роберт Дадли, граф Лейстер. К тому же Лейстера обвиняли в убийстве его жены (неожиданно скончавшейся в сентябре 1560 г.) с целью женитьбы на Елизавете. (Пройдет всего несколько лет, и Марию Стюарт обвинят в соучастии в подобном же преступлении с целью выйти замуж за убийцу своего мужа.) Кандидатура Лейстера, видимо, и была выдвинута в расчете на то, что она наверняка будет отвергнута и тем самым будет создан предлог отказать Марии в ее притязаниях на английский престол. Однако, вероятно, именно поэтому советники шотландской королевы не сразу дали однозначный ответ на предложение Елизаветы - переговоры велись до начала 1565 года<sup>2</sup>.

В июне 1565 года Мария неожиданно вышла замуж за своего кузена Генри Стюарта, лорда Дарнлея, сына графа Леннокса. По словам одного придворного, сэра Джеймса Мелвила, Дарнлей «более напоминал женщину, чем мужчину. Он был хорошеньким, безбородым и лицом походил на даму». С династической точки зрения выбор Марии был не столь плох. Как и Мария, ее муж имел права на английский престол. Тем самым укреплялись и права любого их наследника. И все же этот выбор оказался серьезной политической ошибкой. Супруг королевы был спесивым ничтожеством, сразу вступившим в распри с влиятельными лордами, включая и Мерея.

Елизавета была разгневана браком Марии. Соперничество с Дарнлеем объединило Мерея и Гамильтонов - старых врагов Ленноксов. Однако поднятое ими восстание было без особого труда подавлено. Мерей бежал в Англию, Елизавета публично осуждала Мерея, а втайне оказывала ему поддержку. И до, и после подавления (в сентябре 1565 г.) мятежа, возглавляемого Мереем, политика Марии представляла собой маневрирование между протестантами и католиками. В декабре 1565 года королева заявила, что она не будет ориентироваться на протестантов и рисковать потерей друзей на континенте, не получив взамен никаких гарантий поддержки со стороны Елизаветы. Одержав победу над частью протестантских лордов, Мария Стюарт сочла возможным более откровенно опираться на помощь католиков и в самой стране, и за ее пределами. Главным агентом католической контрреформации в Шотландии считали - без особого основания - итальянца Давида Риччио, музыканта по профессии, ставшего секретарем королевы. Влияние, которое этот выходец из Савойи приобрел на Марию, вызывало негодование лордов, видевших в возвышении выскочки-итальянца умаление своей власти. Они объяснили карьеру Риччио тем, что он будто бы являлся любовником королевы и отцом ребенка, которого она ожидала. Этот вымысел поддерживал даже Дарнлей. Он мстил Марии за откровенное пренебрежение, с которым она стала относиться к нему, как только поняла, чего он стоил. Дарнлей вступил в тайный сговор с мятежными лордами: они соглашались поддержать его притязания на власть, а он обязался не допустить конфискации имений Мерея и его союзников.

Ночью 9 марта 1566 г. заговорщики ворвались в королевский дворец и на глазах Марии зарезали Риччио, умолявшего свою повелительницу о защите. Очень вероятно, что в расчеты лордов входило устранение и самой королевы. Они предполагали, что молодая женщина, котоая должна была скоро родить, просто не выдержит леденящего ужаса этой мрачной ночи, направленных на нее мечей в покрытых кровью руках убийц.

Однако Мария уцелела. Ей удалось искусным притворством привлечь на свою сторону Дарнлея и таким путем освободиться от подчинения заговорщикам, которые должны были вскоре бежать в Англию. 19 июня Мария родила сына - будущего короля Якова, что, казалось, еще более способствовало примирению супругов. Но оно было лишь видимым. Мария не простила Дарнлею его предательства, и теперь, когда она с его помощью избавилась от давления мятежников, не было больше нужды скрывать свой истинные чувства. Уже в августе и особенно в сентябре 1566 года все знали о разрыве между

супругами. Прибывший на крестины принца Якова английский посол граф Бедфорд писал: «Невозможно из чувства приличия и ради чести королевы передать, что она говорила о нем». Дарнлей почувствовал опасность и поспешил уехать в Глазго, где было сильно влияние его отца.

Возможно, что ненависть и отвращение к Дарнлею были вызваны у Марии внезапно вспыхнувшим чувством к 30-летнему Джеймсу Хепберну, графу Босвелу, самоуверенному и беззастенчивому предводителю боевых отрядов составленных из жителей пограничных районов. Стефан Цвейг в своей «Марии Стюарт» уделяет много внимания этой налетевшей как ураган необоримой страсти, которая превратила гордую и властную королеву в покорное орудие хищного честолюбца. Под гипнотическим взглядом своего любовника королева безропотно разыгрывает комедию нового примирения с Дарнлеем, выманивает его из безопасного Глазго и 9 февраля 1567 г. осуществляет план коварного убийства. Дом Кирк о'Филд около городской стены, в котором поместили Дарнлея, взлетел на воздух - Мария Стюарт за несколько часов до этого уехала в замок Холируд, чтобы присутствовать на свадьбе своих придворных. А вскоре королева выходит замуж за Босвела, которому для этого спешно устроили развод с первой женой.

Такова версия, которой придерживались враги Марии Стюарт и которую пересказывали сотни раз даже многие сочувствующие ей историки (конечно, в различном стиле, с разными оценками и психологическими мотивировками поведения главных действующих лиц). Однако единственно несомненным в этой истории является убийство Дарнлея. Все остальное опирается на совсем не безупречные доказательства, покоится на достаточно произвольных предположениях, на домыслах, порой даже не учитывающих некоторых бесспорных фактов.

О «преступной страсти» королевы к Босвелу узнали из ее собственных писем. Но подлинность этих документов никак нельзя считать неопровержимо установленной. При отсутствии оригиналов «писем из ларца» не прекращающиеся уже четыре века дискуссии вряд ли способны привести к определенному ответу. Сведений о любовной связи королевы Марии и Босвела, относящихся ко времени до убийства Дарнлея, не существует вовсе. Скандальные подробности впоследствии стали известны из сочинений врага королевы Джорджа Бьюкенена, являвшегося орудием лорда Мерея. Его рассказы хотя и богаты красочными деталями, призванными придать им достоверность, но все же являются вымыслом и не выдерживают никакой проверки. Заговорщики, взрывая Кирк о'Филд, сознательно стремились продемонстрировать, что Дарнлей был убит, а не умер естественной смертью. Так могли действовать лишь те, кто был уверен, что им удастся переложить на плечи других вину за совершенное преступление. Вместе с тем поведение Марии в декабре 1566 года, то есть незадолго до взрыва в Кирк о'Филде (в том числе и ее попытки заручиться путем щедрых денежных пожалований поддержкой протестантской церкви), свидетельствует о том, что она была в курсе заговора лордов против ее мужа и готовилась к политическому кризису, который мог последовать за его убийством. Одновременно 23 декабря католический архиепископ Сент-Эндрюсский Джон Гамильтон был восстановлен в своих полномочиях, которые были отняты у него за неразрешенное служение мессы. Теперь он обладал юрисдикцией, позволявшей ему аннулировать браки Марии с Дарнлеем и Босвела с его женой. На следующий день, 24 декабря, были прощены убийцы Риччио, которые стали ярыми врагами своего прежнего сообщника Дарнлея. 9 января 1567 г. Джон Гамильтон был снова лишен некоторых своих полномочий. Не означало ли это, что в его услугах более не нуждались и от Дарнлея было решено отделаться иным путем?

Дарнлей в последние месяцы своей жизни пытался представить себя поборником интересов лагеря контрреформации, обращался за поддержкой к Филиппу II и римскому папе. Но его прошлое поведение было настолько двусмысленным, что в Мадриде и Риме его явно не могли считать ревностным католиком, которого следует предпочесть Марии Стюарт. Поведение Марии, заманившей Дарнлея в Эдинбург, может быть объяснено политическими мотивами - боязнью его бегства за границу. Роль заботливой жены, которую королева играла в Кирк о'Филде, могла объясняться тем, что она стремилась таким образом «узаконить»

ожидавшегося ею ребенка. (Мария в прошлом не раз ошибочно считала себя беременной, и сама могла быть источником ходивших на этот счет слухов.) Одним словом, существует множество косвенных данных, уличающих королеву в участии в заговорах против ее мужа, что, однако, отнюдь не равнозначно ее прямой причастности или просто согласию на взрыв в Кирк о'Филде.

После убийства Дарнлея, потерпев поражение в борьбе с шотландскими лордами-протестантами, Мария Стюарт бежала в Англию. Елизавета приказала держать ее под арестом и организовала суд, чтобы формально снять с шотландской королевы обвинение в убийстве мужа. Во время первого процесса Марии Стюарт на ее сторону фактически перешел один из членов судившей ее комиссии - Томас Говард, герцог Норфолк. Вражда с главным министром Сесилом и фаворитом Елизаветы герцогом Лейстером, несогласие с проводимым ими антииспанским курсом во внешней политике, а главное - такая заманчивая цель, как шотландская корона, побудили герцога Норфолка искать руки Марии Стюарт. Разгневанная Елизавета приказала обвинить Норфолка в государственной измене на основании того, что, мол, шотландская королева не отказывалась от своих прав на английский престол (как утверждала сама Мария - только от права наследовать Елизавете, но эта оговорка не принималась во внимание английским правительством).

В 1569 году в северных графствах Англии вспыхнуло восстание - народное недовольство, как это не раз случалось во времена Реформации, вылилось в движение под знаменем католицизма. Как уже упоминалось, в феврале 1570 года папа Пий V издал буллу, отлучающую Елизавету I от католической церкви (к которой она, впрочем, и не принадлежала) и, главное, освобождающую подданных от присяги «королеве-еретичке». Булла эта была издана в расчете на восстание, уже, однако, жестоко подавленное к моменту ее опубликования.

Папская булла содержала немало юридических неясностей и неточностей, и они были сразу же использованы ловкими английскими интерпретаторами, чтобы привести доводы для несоблюдения ее британскими католиками (большинство из которых нуждалось для этого лишь в благовидном предлоге). Как бы то ни было, никаких заметных признаков неповиновения правительству Елизаветы - после подавления восстания в северных графствах - так и не последовало. Тем не менее интенсивная католическая пропаганда - особенно с помощью эмиссаров, присылаемых из-за границы, - приносила некоторые плоды. А воображение английской католической эмиграции безмерно преувеличивало достигнутые, по всей вероятности весьма ограниченные, успехи. Позднее руководитель этой эмиграции доктор (впоследствии кардинал) Уильям Аллен слышал от лиц, прибывших из Англии, будто «число тех, кто ежедневно возвращается в лоно католической церкви, превосходит всякое вероятие, что один из посланных Римом миссионеров обращал в католичество не менее 80 человек в день».

Восставшим в 1569 году не удалось освободить Марию Стюарт, а герцог Норфолк, которого стоявшие во главе восстания католические феодалы собирались сделать главнокомандующим повстанческой армией, струсил, предал своих сообщников и, явившись по приказу Елизаветы в Лондон, был посажен в Тауэр. Поскольку против Норфолка не было прямых улик, его выпустили из тюрьмы, но оставили под домашним арестом. Это не помешало вовлечению герцога в «заговор Ридольфи».

Флорентийский банкир Роберто Ридольфи, по имени которого назван заговор, выступал в качестве агента римского папы, короля Филиппа II и его кровавого наместника в Нидерландах герцога Альбы. Итальянец поддерживал тесные связи с испанским послом доном Герау Деспесом, с католическим епископом Лесли - послом Марии Стюарт при английском дворе, сластолюбивым жуиром и трусом, готовым на любое предательство. При тайном свидании с Ридольфи герцог Норфолк обещал в случае получения денежной субсидии поднять восстание и держаться до прибытия из Нидерландов испанской армии численностью 6 тысяч человек. Планы заговорщиков предусматривали убийство Елизаветы. Однако Альба счел планы Ридольфи трудноосуществимыми и к тому же сомневался в том,

что удастся сохранить в тайне заговор, в который итальянец успел посвятить слишком многих. Альба предпочитал избавиться от Елизаветы с помощью наемного убийцы, о чем и сообщил Филиппу II. Ридольфи считал необходимым уведомить о положении дел епископа Лесли, герцога Норфолка и еще одного заговорщика - лорда Лэмли. Курьером он выбрал молодого фламандца Шарля Байи, неоднократно бывавшего в Англии.



Байи бегло говорил по-английски и на нескольких других языках, и поэтому ему удавалось легко менять обличье, обманывая бдительность властей. Но на этот раз - дело происходило в апреле все того же 1571 года - счастье изменило фламандцу. В Дувре при таможенном досмотре у него обнаружили изданное во Фландрии на английском языке сочинение епископа Лесли «Защита чести Марии, королевы шотландской», в котором недвусмысленно обосновывались ее права на престол. Одного такого мятежного произведения было вполне достаточно для ареста Байи. Кроме того, у него были изъяты еще какие-то подозрительные бумаги и письма, явно написанные шифром. На них не были указаны адресаты, стояли лишь числа 30 и 40. Арестованный уверял, что его попросту попросили доставить эти письма в Лондон и что ему не известны ни имена лиц, которым они адресованы, ни шифр, которым они написаны. Вскоре же, однако, выяснилось, что Байи лгал. При более тщательном обыске под подкладкой его камзола был обнаружен шифр. Не оставалось сомнений, что в руки властей попали нити нового заговора против королевы. Губернатор южных портов сэра Уильям Кобгем, который допрашивал Байи, решил, не теряя времени, отправиться с захваченными бумагами к главному королевскому министру Уильяму Сесилу, лорду Берли. При допросе присутствовал брат губернатора Томас Кобгем, тайно принявший католичество. Фламандец успел обменяться с ним многозначительными взглядами. После этого Томас неожиданно заявил, что, если бумаги попадут к лорду Берли, герцог Норфолк - конченный человек. Губернатор, однако, не стал слушать брата и приказал подать лодку. Томас взялся сопровождать его и по дороге снова стал настойчиво убеждать не торопиться с передачей бумаг главному министру. Уильям Кобгем заколебался, сообразив, что речь идет о заговоре, организованном Ридольфи, с которым он и сам был как-то связан, и боялся, что это обстоятельство выльется наружу.

Кобгем понял, что не в его интересах передавать бумаги Уильяму Сесилу. Но скрыть их было еще опаснее. Лорд Берли все равно бы вскоре узнал об аресте Байи и его допросе Уильямом Кобгемом. Лодка уже приближалась к дому Берли, надо было на что-то решиться, и... Кобгем приказал повернуть обратно. Он пошел на хитрость. Бумаги были отправлены

Джону Лесли с вежливой просьбой к епископу как иностранному послу явиться на следующий день к губернатору и вместе с ним распечатать и прочесть полученную корреспонденцию. Иначе говоря, Кобгем давал шотландцу драгоценное время для подмены бумаг. Почтенного прелата не надо было просить дважды. Он сразу ринулся к испанскому послу дону Герау Деспесу. Началась лихорадочная работа. Взамен подлинных писем были составлены подложные, написанные тем же шифром. Для правдоподобия в них содержались полемические выпады в адрес королевы, но было опущено все, что могло бы навести на мысль о существовании антиправительственного заговора. В пакет даже были дополнительно вложены другие подлинные письма, которыми обменивались заговорщики, но в которых не содержалось никаких улик. Настоящие же письма, полученные от Ридольфи, были отправлены Норфолку и лорду Лэмли. Теперь Кобгем мог переслать фальсифицированную корреспонденцию по прямому назначению - лорду Берли, а Лесли, играя свою роль, даже официально потребовал возвращения адресованных ему писем, на которые распространялась дипломатическая неприкосновенность.

Сесил если и был обманут, то только наполовину. Его шпионы во Фландрии уже успели известить его о каких-то приготовлениях к новому заговору. Кроме того, он был поражен наглым тоном, в котором была написана книга Лесли: в ней явно проглядывали расчеты посла Марии Стюарт на то, что плененная королева займет не только шотландский, но и английский престол. Однако Берли ничем не выдал своих подозрений. Он предпочитал, чтобы его считали одураченным. Главным его козырем было то, что под арестом находился, очевидно, немало знавший Байи. Настойчивость, с которой Лесли пытался добиться освобождения фламандца, ссылаясь на принадлежность последнего к штату шотландского посольства, лишь укрепила Берли в убеждении, что Байи держит в своих руках ключ к тайне. А когда к Байи, заключенному в лондонскую тюрьму Маршалси, попытались проникнуть люди испанского посла, а потом какой-то ирландский священник по поручению епископа Росского, эта уверенность еще более укрепилась. Тюремные власти перехватили людей, направленных к фламандцу, который томился в неизвестности и в отношении своего будущего, и того, какой линии держаться на предстоящих ему допросах. Берли отлично понял смятение, в котором находился Байи.

...Ночью в мрачной, сырой камере, где на вязанке соломы лежал, дрожа от холода, Байи, неожиданно появился человек. Узник с радостью узнал в нем своего старого знакомого Уильяма Герли, отважного католика, которого его благочестивые единоверцы почитали за святого великомученика. Он уверял, что является двоюродным братом леди Нортумберленд, жены предводителя недан-него католического восстания. За участие в этом восстании Герли был брошен в тюрьму. Заключенные и посетители тюрьмы Маршалси видели, как несчастного страдальца заковывали в тяжелые цепи и неделями держали в подземных темницах на хлебе и воде. Католики, включая епископа Росского и дону Герау, считали Герли невинной жертвой протестантов. Многие пытались даже заручиться советами или благословением узника в благочестивой уверенности, что на него нисходит божья благодать. Доказать последнее, конечно, трудно. Доподлинно известно другое: Герли находился на постоянном жалованье у лорда Берли, который характеризовал его как «джентльмена, обладающего высокими достоинствами, мудростью и образованием, большим опытом... Он хорошо известен Ее величеству, которая благосклонно относится к нему».

Как происхождение Уильяма Герли, так и причины его смерти в 1588 году остаются неизвестными. Его родственные связи с семейством лорда Нортумберленда, возможно, относятся к легенде, изобретенной им для пользы службы. Установлено, что Герли был родом из Уэльса. Его письма свидетельствуют о том, что он получил основательное образование. Он утверждал, что хорошо знает несколько иностранных языков, и это, видимо, не было выдумкой. Некоторые его послания написаны по-латыни. Известно, что он говорил по-итальянски. Впоследствии этот тюремный шпион значительно продвинулся на службе у лорда Берли. Ему даже была поручена дипломатическая миссия.

История Герли - история одного из многих дворян - прожигателей жизни, не слишком

разборчивых в средствах, когда речь шла о деньгах или о возможности разделаться с докучливыми кредиторами. В 1565 году его обвиняли в том, что он занимался пиратством в районе острова Уайт. Корабль, захваченный Герли и его компанией, оказался вдобавок голландским, а не испанским, а конфликт с Нидерландами не входил в планы правительства. В оправдание Герли составил подробный дневник собственных деяний с 3 по 27 июля 1565 г. (документ этот сохранился с пометкой Уильяма Сесила). Как бы то ни было, Герли получил право отправиться в Лондон, чтобы лично представить свои оправдания. Видимо, они были приняты, а сам «безвинно обвиненный», возможно, принялся за прежнее ремесло. К 1569 году относится письмо Герли к Сесилу с попытками оправдаться уже за новые предосудительные действия. В следующем году Герли опять оказался в конфликте с законом и властями. В ноябре 1570 года он был в числе четырех лиц, направленных по решению Тайного совета в тюрьму Маршалси. Им запрещались контакты с другими арестантами. Герли выражал раскаяние, униженно предлагал свои услуги Сесилу, умоляя об освобождении и помощи, ибо «свобода без милости - все равно что жизнь без движения». Милость была оказана, но в стенах Маршалси. Герли была обеспечена «полная движения» жизнь тюремного шпиона и провокатора.

Разумеется, Байи не имел ни малейшего понятия о щекотливых подробностях биографии «тюремного святого», а тот, успев приобрести немалый навык в своем хлопотливом ремесле, вначале ничего не выспрашивал у Байи. Напротив, Герли доверил ему «важные тайны», а потом фламандец сам отплатил доверием за доверие. Спрос на услуги расторопного «великомученика» быстро возростал. Герли был отнесен к числу арестантов, которым разрешали свидания с посетителями. Одним из них оказался посланец епископа Лесли, попросивший Герли помочь в установлении связи с Байи. Герли с готовностью согласился. Переписка между фламандцем и послом Марии Стюарт стала проходить через руки Герли, а фактически - через канцелярию Сесила, где снимались копии со всех писем. Но письма были шифрованными, а раскрыть код никак не удавалось. Тут еще Герли допустил досадную ошибку. Ему приходилось чуть ли не ежедневно писать длинные отчеты лорду Берли, в которых, разумеется, полагалось использовать официальную правительственную терминологию при упоминании всех недругов королевы. В разговорах же с Байи Герли нужно было находить совсем иные слова для наименования тех же лиц и событий. И вот у «святого», как на грех, один раз сорвалось с языка слово «мятежники» в отношении участников недавнего католического восстания. Этого было достаточно, чтобы фламандец догадался о подлинной роли Герли.

Пришлось действовать в открытую. Байи доставили к грозному министру, который потребовал от него расшифровать переписку с Лесли. Заключенный сослался на то, что якобы потерял ключ к шифру. После этого допроса Байи был переведен в Тауэр. Там в одиночной камере он был надежно изолирован от своих сообщников. Министр приказал подвергнуть фламандца пытке, чтобы заставить раскрыть секрет шифра.

Байи был, по-видимому, склонен давать наставления даже самому себе. На стенах его камеры сохранилась вырезанная на камне надпись: «Мудрым людям следует действовать с осмотрительностью, обдумывать то, что они намерены сказать, осматривать то, что они собираются брать в руки, не сходиться с людьми без разбора и превыше всего не доверять им опрометчиво. Шарль Байи». Однако он, вероятно, забыл то веское обстоятельство, что люди слишком часто поступают вопреки собственным мудрым поучениям.

В Тауэре Байи подвергли допросу под пыткой, впрочем, не очень суровой по понятиям того жестокого времени. Понятно, что и испанский посол дон Герау, и тем более епископ Лесли с напряженным вниманием ждали известия о том, удалось ли сломить упорство фламандца. Дон Герау сообщал в своих депешах, что Байи напуган, но ему не нанесли больших телесных повреждений. Представителю Филиппа II было легко сохранять невозмутимость - не то что его коллеге, епископу Лесли, которого очень слабо защищал пост посла королевы, свергнутой с престола в Шотландии и содержащейся под стражей в Англии. Он понимал, что в любую минуту может разделить участь Байи, если пытка развяжет язык

его сообщника. Однако единственное, что мог сделать Лесли, это посылать Байи постельные принадлежности и хорошую пищу с напоминаниями, как надлежит вести себя в языческих темницах христианским борцам за веру.

Между тем Берли по-прежнему не считал дыбу наилучшим способом узнать от фламандца тайны заговорщиков. Пусть Герли опростоволосился. Но, учитывая выявившуюся податливость Байи на уговоры «христианских великомучеников», надо было подослать к нему «святого» с безупречной репутацией. И здесь сама собой напрашивалась кандидатура доктора богословия Стори. Это был ярый католический фанатик, призывавший к убийству Елизаветы.

Стори эмигрировал в Нидерланды, где герцог Альба поручил ему роль таможенного цензора. Его обязанностью было просматривать книги, находившиеся на кораблях, прибывавших в Антверпен, и конфисковывать протестантские сочинения, которые контрабандным путем пытались провозить во владения Филиппа II. Понятно, что ни сам доктор Стори, ни его богоугодная, как он считал, деятельность не вызывали восторга в Лондоне. Поэтому, когда однажды Стори явился на английский корабль для обычного досмотра, команда неожиданно подняла паруса, и доктор вскоре очутился в одной из лондонских тюрем. Суд приговорил его к смерти, но Елизавета, в эти годы нередко разыгрывавшая комедию милосердия и твердившая о нежелании отправлять людей на эшафот за политические преступления (это после казни сотен участников восстания на Севере!), не утвердила смертный приговор.

Стори оставался в Тауэре, ожидая решения своей участи, а его имя оказалось в полном распоряжении лорда Берли. Почему бы «доктору Стори» не продолжить игру, столь удачно начатую Уильямом Герли? Ведь фламандец никогда в глаза не видел почтенного теолога, хотя, разумеется, не мог не знать его историю. Короче говоря, на роль Стори, по-видимому, был приглашен один из разведчиков Берли - некий Паркер (который, кстати, и организовал похищение Стори из Антверпена). Мы говорим «по-видимому», так как в литературе высказывалось и предположение, что роль Стори сыграл переодетый Уильям Герли. В камеры Тауэра свет проникал слабо, Байи мог и не узнать своего недавнего приятеля. Тем не менее, поскольку риск был слишком велик, трудно поверить, что Берли пошел на него без особой нужды.

Как бы то ни было, очередное действие драмы началось в точности, как предыдущее. Ночью в темнице, где Байи со страхом ожидал очередного допроса, появилась длинная фигура доктора богословия. Новый «святой угодник», как и Герли, тоже ни о чем не расспрашивал Байи, а только горячо сочувствовал страданиям фламандца. И не только сочувствовал, а стремился найти выход из ловушки, в которую попал Байи. И «с божьей помощью» этот выход нашел. Байи, чтобы не подвергнуться предстоявшей ему назавтра пытке более суровой, чем прежние, следовало просто перейти на службу к лорду Берли. Конечно, только для видимости, на деле же оставаясь верным приверженцем королевы Марии. Ведь, как ему, Стори, сообщили верные люди, нечестивый министр уже где-то раздобыл ключ к шифру. Байи поэтому лучше всего добровольно открыть этот ключ и тем самым завоевать доверие властей. Таким образом он сумеет не только избежать жестоких мучений, но и оказать большую услугу святой католической церкви. Байи принял показавшийся ему блестящим план и на допросе без всякого отпирательства раскрыл ключ к зашифрованной корреспонденции. Только после этого из поведения допрашивавших его лиц он с ужасом понял, что полностью выдал своих доверителей. Окончательно это стало ясно, когда было отвергнуто его предложение поступить на службу в английскую разведку. Что же касается лорда Берли, то Байи его больше не интересовал. Фламандцу был предоставлен досуг - заполнять стены своей камеры нравоучительными изречениями на английском, французском и латинском языках. Через несколько лет его выслали на родину.

Байи выдал все, что знал, но знал он далеко не все. И прежде всего ему не было известно, кем являлись таинственные «30» и «40». На этот вопрос мог ответить только епископ Лесли.

Берли снова решил действовать по уже оправдавшей себя схеме. Новую игру начал все тот же Уильям Герли, о подлинной роли которого Лесли не имел ни малейшего представления. Посланцы епископа, крайне обеспокоенного отсутствием сведений от Байи, неоднократно навещали Герли. Тюремный шпион, потрясая кандалами, жаловался на муки, которые претерпевает во славу истинной веры, и постепенно сводил беседу к значению двух чисел 30 и 40. Но слуги епископа не могли удовлетворить его любопытство, так как и сами не были просвещены на этот счет. Герли направил тогда слезливое письмо самому Лесли, который, однако, несмотря на свое сочувствие «невинному страдальцу», не видел причин знакомить его с содержанием своей секретной переписки.

Берли оставалось прибегнуть к силе. Раскрыть тайну стало тем более важно, что к тому времени министр уже ясно понял подложность переданных ему писем из Фландрии. Надо было овладеть подлинными письмами. Тайный совет отдал приказ об аресте и допросе Лесли. Епископу была, отлично известна соответствующая латинская формула о неприкосновенности дипломатов. («Посла не секут, не рубят», - так примерно тогда же вольно перевел эту формулу царь Иван Грозный.) Но Лесли понимал, насколько призрачной была такая защита для представителя содержащейся под стражей королевы. Поэтому посол Марии Стюарт попытался выпутаться с помощью новой лжи. Он уверял, что «30» означает донна Герау, а «40» - Марию Стюарт, что оба эти письма он сжег и они содержали только ответ Филиппа II на просьбу оказать помощь в борьбе против партии противников королевы в Шотландии.

Лорд Берли не сомневался, что епископ лжет и попытается замести следы заговора, который плетется в самой Англии. Но у английского правительства не было доказательств. Берли по-прежнему не знал подлинного значения чисел 30 и 40, хотя его агенты сообщали ему об испанских планах вторжения в Англию и расчетах испанцев на содействие герцога Норфолка.

Неизвестно, сколько времени пришлось бы Берли оставаться в неведении, если бы не счастливый случай. Мария Стюарт получила из Франции денежную субсидию в 600 фунтов стерлингов для борьбы против своих врагов в Шотландии. По ее просьбе эти деньги были переданы французским послом герцогу Норфолку, который обещал оказать содействие в их доставке по назначению. Действительно Норфолк приказал своему личному доверенному секретарю Роберту Хикфорду переслать эти деньги в Шропшир управляющему северными поместьями герцога Лоу-ренсу Бэнистеру, чтобы тот их переправил в Шотландию. В самой пересылке денег еще нельзя было усмотреть государственную измену. Главное, однако, что к письму Бэнистеру была приложена зашифрованная корреспонденция. Хикфорд попросил направлявшегося в Шропшир купца, некоего Томаса Брауна из Шрюсбери, доставить Бэнистеру небольшой мешок с серебряными монетами. Тот охотно согласился выполнить такую по тем временам вполне обычную просьбу. Однако по дороге у Брауна возникли подозрения: слишком тяжелым оказался переданный ему мешок. Купец сломал печать на мешке и обнаружил в нем золото на большую сумму и зашифрованные письма. Браун не мог не знать, что герцога лишь недавно выпустили из Тау-эраа, где держали по подозрению в государственной измене. Нетрудно было догадаться, что означала тайная пересылка золота вместе с зашифрованными посланиями. Купец повернул коня обратно и отправился к главному министру. Получив эту неожиданную добычу, Берли мог действовать. Хикфорд был немедленно арестован, но клялся, что не знает секрета шифра. Зато другой приближенный герцога в испуге выдал существование тайника в спальне Норфолка. Посланные туда представители Тайного совета обнаружили письмо, в котором излагались планы Ридольфи. После этого Хикфорд, поняв бессмысленность дальнейшего запирательства, открыл ключ к шифру письма, которое было послано в мешке с золотом. Теперь уже было несложно разгадать, кто скрывался под числами 30 и 40 в корреспонденции, привезенной Байи из Фландрии.

Той же ночью герцог Норфолк был арестован и отправлен в Тауэр, где сначала пытался все отрицать, но потом, почувствовав, что полной покорностью, может быть, удастся спасти

жизнь, начал давать показания. Одновременно, правда, он попытался переслать на волю приказ сжечь его зашифрованную переписку. Это оказалось лишь на руку Берли. Письмо было перехвачено. Слуги Норфолка под пыткой выдали место, где хранилась эта переписка с шотландской королевой. А дабы убедиться, что ничего не утаено, их поместили в Маршалси, где они попали на попечение Уильяма Герли, продолжавшего карьеру «тюремного святого». Проходимец сумел превратить репутацию мученика в настоящую золотую жилу.

Теперь можно было предъявить обвинение и Джону Лесли. Берли мудро учел, что этот чревоугодник и поклонник прекрасного пола (злые языки приписывали ему троих незаконных детей) не станет упрямиться, если ему прозрачно намекнут, что он будет не первым католическим епископом, отправленным на эшафот, да к тому же сопроводить эту угрозу заманчивыми обещаниями. Сопrotивление Лесли было недолгим. «Глупо скрывать правду, увидев, что дело раскрыто», - добавил он, имея склонность к поучительным сентенциям.

Как позднее Фальстаф в шекспировской драме, епископ счел, что лучшая черта храбрости - благоразумие. Лесли решил также, что глупо делать дело наполовину. Он сообщил все, что знал об участии Марии Стюарт и герцога Норфолка в подавленном католическом восстании, о планах нового восстания - теперь в Восточной Англии, о намерениях захватить Елизавету. Более того, Лесли объявил, что Мария Стюарт принимала прямое участие в убийстве Дарнлея. Но и это еще было не все. По уверению Лесли, ему было доподлинно известно (хотя этого не знал никто другой), что шотландская королева отравила своего первого мужа Франциска II и пыталась таким же путем избавиться от Босвела. Затем Лесли, как духовное лицо, написал ей длинное письмо, где наряду с отеческими увещеваниями содержался совет уповать на милость королевы Англии. А чтобы этот документ не оказался единственным, Лесли составил и льстивую проповедь в честь Елизаветы. «Этот поп-живодер - страшный поп!»<sup>4</sup> - яростно вскричала Мария Стюарт, получив епископское послание.

Однако Джона Лесли теперь могло беспокоить только одно - как бы английское правительство не поддалось соблазну и в обмен на лидеров католического восстания, укpывшихся в Шотландии, не выдало его сторонникам партии короля Якова, от которых епископу не приходилось ждать пощады. Но и здесь дело устроилось без угрозы для драгоценной особы почтенного прелата. Освобожденный от забот о своей грешной плоти, Лесли мог уже с философским спокойствием наблюдать из окна за казнью герцога Норфолка, который 2 июня 1572 г. был обезглавлен в Тауэре. Лесли даже не утаил своего мнения, что участь герцога вряд ли была бы лучшей, если бы ему удалось жениться на Марии Стюарт.

«Заговор Ридольфи» закончился казнью Норфолка. Дон Герау Деспес попытался было организовать покушение на Берли, но вскоре должен был покинуть Англию. А епископ Лесли после освобождения из Тауэра отправился во Францию. Там его ждали новые подвиги ради блага многих лиц - королевы Елизаветы и Филиппа II, французского короля Генриха III и римского папы... Словом, на пользу всякого, кто, как надеялся почтенный епископ, мог бы обеспечить его достойной пенсией и добиться возвращения земель, конфискованных у него в Шотландии. А так как цели всех этих лиц были, как правило, прямо противоположными, то Лесли неоднократно уличали в занятии двойным шпионажем, в воровстве и подделке государственных бумаг и во многих других, столь же «похвальных» деяниях.

## Роли и маски

Четыре века прошло со времени «заговора Ридольфи». Как персонажи и комедии

масок, все герои этого не во всем ясного эпизода застыли в раз и навсегда закрепленной за ними роли. Историки в зависимости от их политических симпатий искали различные краски для характеристики поступков основных действующих лиц, находили слова осуждения или похвалы. Однако, как бы ни рисовалось поведение участников знаменитого заговора, это не меняло ролей, которые традиция отводила им в этой исторической драме. Традиция же целиком основана на официальной правительственной версии. И, оказывается, достаточно усомниться в некоторых из почитаемых за факты деталей, чтобы тот или иной из персонажей предстал в совершенно новом свете, а это неизбежно повлечет смещение представлений о роли и всех остальных действующих лиц трагедии - и Марии Стюарт, и Норфолка, и Ридольфи, и увертливого епископа Росса, и первого министра лорда Берли.

За такое переосмысливание взялись ученые отцы-иезуиты. Взялись исподволь, с характерными для них двойственностью предпринимаемых действий и утаиванием истинных намерений, прикрытием подлинных целей благовидными мотивами. Апологетическая работа началась почти столетие назад, а позднее к ней подключились и светские историки. В числе поднявших еще в конце XIX века вопрос о подлинности некоторых из католических заговоров времен Елизаветы был историк Д. Г. Поллен, изложивший свои сомнения в журнале «Мане». В этом его отчасти поддержал известный исследователь елизаветинской эпохи М. Юм в книге «Измена и заговоры». Еще одним из сомневающихся стал Л. Хикс, опубликовавший в 1948 году статью «Странное дело д-ра Уильяма Парри»<sup>1</sup>. V

Конечно, историки «Общества Иисуса» отлично понимали, что в их исследованиях с самого начала будут подозревать двусмысленность и сознательное искажение истины. Поэтому они заранее парировали это недоверие ссылками на то, что речь идет об очень давнем прошлом, переставшем возбуждать враждебные страсти, особенно и нашу эпоху, когда господствует равнодушие к религии и различные христианские церкви научились терпимо относиться друг к другу. И здесь же лукавые отцы как бы мимоходом подкидывают мысль, будто успехи протестантской Англии породили два с лишним столетия религиозных раздоров, о предотвращении которых, оказывается, только и думали просвещенные умы католицизма, истинные гуманисты... вроде нашего знакомца Джона Лесли, епископа Росса! Ученые-иезуиты стремились представить дело так, что их работы продиктованы полным беспристрастием и бескорыстным стремлением к истине, к научной оценке традиционных исторических догм. Один из них даже сослался при этом на известное замечание философа Фрэнсиса Бэкона: «Кто начинает с уверенности, кончает сомнениями, но если он готов начать сомнением, то кончит уверенно стью».

Ученые ордена отлично понимали, что ныне уже мало кто заинтересован в отстаивании традиционной версии. Они попытались провести свое освещение известных событий под флагом характерной для современной буржуазной науки тяги к перетолкованию («реинтерпретации») истории, как правило, в реакционном духе, сыграть даже на страсти к сенсации. Эта школа историков явно стремится использовать неверие, возникшее во многих общественных кругах на Западе, в реальность преступлений, которые инкриминировались обвиняемым в государственной измене. В XX веке во многих странах слишком часто такие процессы были лишь более или менее ловко организованными судебными инсценировками, при которых вымышленные обвинения в подготовке заговоров и в связях с вражескими государствами являлись предлогом для расправы с политическими противниками и способом сокрытия действительных преступлений самих реакционных сил против интересов народа и страны. Вот на родившемся в результате этого скептическом отношении к официальному истолкованию процессов о государственной измене и задумали сыграть с присущей им ловкостью историки-иезуиты для протаскивания своей контрабанды. «Стало своего рода модой, - отметил профессор Эдинбургского университета Г. Доналдсон, -- утверждать, что все католические заговоры... были сфабрикованы английским правительством»<sup>2</sup>. Несомненно, что такой тезис не выдерживает критики. Изображение римского престола как жертвы махинаций просто противоречит здравому смыслу, особенно

если учесть массу бесспорных данных о политике папства, о его ставке на перевороты и убийства, производившиеся к вящей славе божьей по всей Европе.

Тем не менее если отбросить апологетику, то иезуитские попытки возвеличивания святой церкви, основанные на привлечении материалов многочисленных архивов ряда западноевропейских стран, достигают неожиданно действительно полезного научного результата. Этими стараниями приоткрывается кое-что из истории английской разведки, являвшейся в елизаветинское время орудием тех сил, которые выступали против католической контрреформации.

При изучении истории английской секретной службы важно установить, в какой мере ее агентам удавалось проникнуть в тайное воинство контрреформации, использовать промахи и некомпетентность, тщеславие и неоправданный оптимизм его эмиссаров, чтобы не только разоблачать чужие планы, но и направлять вражеские заговоры в русло интересов британского правительства. Одними из способов достижения этих целей были засылка провокаторов и превращение в шпионов-двойников некоторых из пойманных вражеских лазутчиков. На эти мысли наводят исследования иезуита Фрэнсиса Эдвардса, относящиеся к «заговору Ридольфи», - «Опасная королева» (Лондон, 1964 г.) и «Чудесная случайность. Томас Говард, герцог Норфолк и заговор Ридольфи, 1570 - 1572» (Лондон, 1968 г.). Эдварде делает одно справедливое замечание: имея дело с источниками, освещающими историю английской разведки и тайной дипломатии XVI века, надо помнить, что авторы писем постоянно учитывали возможность перехвата их корреспонденции. Во множестве случаев эти письма сопровождаются одной и той же, хоть и по-разному редактируемой, фразой о том, что одновременно с вручением депеши адресату привезший ее честный и верный человек сообщит то, что нельзя доверять бумаге. Кроме того, на письмах оставлялось специальное место - в нижнем правом углу, куда заносилась особо важная или опасная информация. Потом этот треугольник справа отрывался и уничтожался, даже когда остальная часть письма сохранялась. Иными словами, историку приходится в лучшем случае иметь дело с документами, из которых изъята наиболее важная часть информации. Нечего говорить о том, что угроза перехвата почты и вероятность того, что бумаги попадут в чужие руки, заведомо вынуждали сообщать в оставшейся части донесений ложные, сбивающие с толку известия.

Роберто Ридольфи, по имени которого назван заговор, родился в 1531 году во Флоренции и был выходцем из богатой банкирской семьи. В Англии он появляется впервые в 1562 году (а может быть, и раньше). Торговые и денежные операции ловкого флорентийца были лишь видимой частью его дел: с 1566 года он явно выполняет роль «тайного нунция» римского папы. Об этой стороне его жизни мало что известно. Возможно, что до 1569 года деятельность Ридольфи в качестве ватиканского разведчика не имела особого значения или он не проявлял чрезмерного рвения на секретной службе святого престола. Однако нет и никаких данных, позволяющих заподозрить флорентийца в двойной игре до 1569 года, точнее - до зимы этого и весны следующего, 1570 года, когда он находился под домашним арестом (при этом не у себя, а в доме помощника Берли - Фрэнсиса Уолсингема). Причиной ареста было подозрение, что итальянец поддерживал связи с руководителями католического восстания в северных графствах. Возможно, перед итальянцем была поставлена альтернатива - либо жуткая казнь, либо переход на службу к Сесилу.

Около 25 марта 1571 г. Ридольфи покинул Англию, причем, по всей видимости, его вещи не были подвергнуты таможенному досмотру в Дувре. По крайней мере так обстояло дело, если верить последующим рассказам Ридольфи. Он, правда, ничего не говорил о причинах такой непонятной любезности властей, зато утверждал, что ему удалось увезти с собой инструкции Марии Стюарт и герцога Норфолка и, что особенно важно, их письма к герцогу Альбе, к Филиппу II и римскому папе. А в этих письмах содержалась не более и не менее как просьба о вторжении в Англию и низложении Елизаветы. Можно ли предполагать здесь крайнюю степень небрежности со стороны Сесила и его людей? Такое предположение не очень вероятно, хотя и в последующем для операций разведывательного ведомства

Елизаветы характерно сочетание чрезвычайной ловкости, тонкой, ювелирной работы с непонятными грубыми просчетами, чтобы не сказать - упущениями и промахами. Впрочем, в каждом таком случае могли действовать скрытые пружины, ускользающие от исследователя вследствие преднамеренного уничтожения тех или иных документов.

Если отбросить версию, что власти просто прозевали содержание багажа недавно освобожденного из-под ареста флорентийца, остается допустить, что они сознательно смотрели сквозь пальцы на провозимую корреспонденцию.

Тогда, возможно, на действия властей оказали влияние противники Сесила (например, через Томаса Кобгема). Либо же, что куда более вероятно, власти действовали по инструкции Сесила. Конечно, и при таком предположении возникают недоуменные вопросы, прежде всего - каким образом английская разведка могла обеспечить верность Ридольфи, после того как он покинул британские берега и оказался вне досягаемости английских судей и палачей. Напрашивается ответ, что итальянский банкир нуждался в возможности свободно продолжать денежные операции в Англии, что предполагало сохранение благорасположения правительства. Если же допустить, что Ридольфи взял на себя роль шпиона-двойника, сразу же возникает сомнение в подлинности писем, которые, по его словам, ему передали шотландская королева и Норфолк.

Ридольфи не представил никаких собственноручных писем Марии Стюарт и герцога - итальянец передал по адресам лишь расшифрованные тексты. Такими же «дешифровками» были и верительные грамоты, привезенные флорентийцем от своих поручителей. Конечно, все это могло быть разумной мерой предосторожности, несоблюдение которой стоило бы головы обоим узникам (другой вопрос, что такая предосторожность не спасла авторов писем). Фактом остается то, что Ридольфи не привез оригиналов своей опасной корреспонденции.

Эдварде прав, когда утверждает, что Ридольфи, несомненно, изменил текст письма, которое он повез от имени Норфолка к Альбе. Однако как раз в этом пункте Эдварде неоригинален. Уже раньше к такому же выводу пришел ряд исследователей. Например, 100 лет назад Дж. Хозек в своей двухтомной монографии «Мария - королева Шотландии и ее обвинители» прямо заявлял: «Письмо написано целиком по-итальянски, оно не было подписано Норфолком, и он, вероятно, никогда не видел его. Смелый и уверенный тон письма совершенно несовместим с осторожной и колеблющейся позицией герцога. Нельзя также предполагать, что он мог сделать географические ошибки, поместив Харидж в графстве Норфолк и Портсмут -г в Сассексе. Однако это ошибки, в которые легко мог впасть иностранец и которые можно рискнуть приписать епископу Росскому, Ридольфи и испанскому послу - все они, вероятно, приложили руку к сочинению письма»<sup>3</sup>. Предположение Хозека кажется весьма правдоподобным. Возможно, что Ридольфи стремился как можно глубже втянуть Норфолка в заговор и таким путем не только побудить его отбросить сомнения, но и одновременно заставить испанские власти проявить большую активность. Однако делал Ёзе это Ридольфи ради успеха задуманного им предприятия и в согласии с другими заговорщиками - епископом Лесли и доном Герау, а не в качестве агента английского правительства.

Альба встретил Ридольфи весьма холодно. Прежде всего <у Альбы вообще не вызвал доверия ловкий итальянец, возможно, даже имевший какие-то родственные связи с правителями его родной Флоренции и, следовательно, с представительницей этой династии Екатериной Медичи. Но главное - у испанского наместника было более чем достаточно хлопот с мятежными Нидерландами, и ему не улыбалась перспектива выделить часть своих войск для помощи противникам Елизаветы в Англии. Важно отметить, что Ридольфи не только не сообщил своим единомышленникам, включая Байи, об этом холодном приеме, но, напротив, уверял их, что добился поддержки Альбы. [Гак, во всяком случае, позднее утверждал Байи. Вместе с тем надо заметить, что Эдварде преувеличивает, степень неодобрения Альбой планов Ридольфи. Герцог отнюдь не был против действий флорентийца. Он только писал в Рим и Мадрид о трудностях, с которыми встретятся

заговорщики.

Как подчеркивал еще в прошлом веке М. Минье, герцог Альба считал, что в случае удачи заговор станет наилучшим путем для «исправления зла», но добавлял, что вначале Филиппу II не следует подавать открытую помощь - ее надо приберечь на случай, «если королева английская умрет своей естественной или какой-либо другой смертью»<sup>4</sup>. А это вовсе не противоречило планам заговорщиков, ведь Норфолк обещал, что он будет удерживать свои позиции 40 дней до прибытия испанской помощи, и в намерение заговорщиков входило сразу же захватить в плен Елизавету.

Л. Ранке, известный немецкий консервативный историк прошлого века, специалист по эпохе Реформации, в книге «Мария Стюарт и ее время» писал: «Если Норфолк ставил свое восстание в зависимость от высадки в Англии испанских войск, то Альба требовал захвата Елизаветы прежде, чем его повелитель открыто объявит о своем вмешательстве»<sup>5</sup>. В планах Ридольфи была, несомненно, сильнейшая примесь фантазии, как, впрочем, и во многих других аналогичных проектах, выдвигавшихся как явными авантюристами, так и католическими политиками, которых даже Эдварде не заподозрит в подыгрывании елизаветинской разведке.

Особенность корреспонденции, привезенной Байи (так продолжает развивать свою аргументацию Эдварде), заключалась в том, что она могла повредить шотландской королеве, не только если бы стала известной в Лондоне, но и если бы о ней узнали в Париже. Ведь Франция была традиционной опорой Марии Стюарт. Между тем план, привезенный Ридольфи, предусматривал ставку на Испанию - главную соперницу Франции (родственники Марии - Гизы, руководившие партией крайних католиков, лишь позднее завязали отношения с Мадридом). Испания, бывшая в течение нескольких поколений союзницей Лондона против Франции, в эти годы превращалась в основного противника елизаветинской Англии. Понятно, насколько важно было для правительства Елизаветы представить в глазах французского двора Марию Стюарт сторонницей ориентации на Испанию. Это признавал и сам Ридольфи, подчеркивавший в беседах с единомышленниками необходимость держать свой план в тайне от французов.

Нам неизвестно, встречался ли новый британский посол в Париже Фрэнсис Уолсингем, глава елизаветинской разведки, со своим недавним арестантом, когда Ридольфи в мае 1571 года прибыл из Брюсселя во французскую столицу по пути в Рим. К этому времени Ридольфи уже успел сделать один из наиболее важных ходов в своей партии - направить в Англию Байи с письмами к Марии Стюарт и Норфолку. Обстоятельства, при которых это произошло, столь существенны для понимания смысла всего заговора, что заслуживают более подробного рассмотрения.

Шарль Байи, находившийся на службе у Марии Стюарт примерно с 1564 года, после прибытия королевы в Англию в 1568 году вошел в число помощников Джона Лесли, епископа Росса. Он выполнял роль секретаря, помогал в шифровке и дешифровке корреспонденции, которая была возложена на главного сотрудника Лесли Джона Кэтберта, но в основном исполнял роль дипломатического курьера. Весной 1571 года Байи отправился из Лондона на родину, формально - по собственному желанию, чтобы повидаться с родными, с которыми не виделся более двух лет. Он не взял паспорта, рассчитывая, видимо, что сумеет с помощью золота обойти таможенные трудности. Байи не преминул посетить во Фландрии английских эмигрантов.

Совпадение поездки Ридольфи и Байи по времени вряд ли было простой случайностью, хотя фламандцу могло казаться, что только она свела его с тайным эмиссаром Марии Стюарт. Возможно, что Ридольфи заранее знал об обязанностях, которые исполнял Байи у Джона Лесли, в частности о его шифровальной работе. Как бы то ни было, знание Байи кодов, использовавшихся епископом Росса, послужило Ридольфи удобным поводом для того, чтобы убедить молодого фламандца отвезти зашифрованные письма к послу шотландской королевы. Байи в своих показаниях отметил, что Ридольфи просил его зашифровать депеши так, чтобы они были понятны епископу. По словам Ридольфи, его

собственный шифровальщик не смог бы хорошо проделать эту работу. Казалось бы, осторожность должна была побудить Ридольфи предпочесть своего помощника, пусть хуже знакомого с шифром, и поручить «случайно встреченному» Байи только роль курьера. Кроме того, если встреча была все же действительно случайной, то Ридольфи мог рассчитывать лишь на услуги своего помощника, когда незадолго до этого договаривался с Лесли о шифре и средствах поддержания связи. Между тем Ридольфи, по-видимому, не был знаком с шифром и узнал его только от Байи. Ставить Байи в известность о содержании писем было явным нарушением обычно соблюдавшегося тогда элементарного правила пересылки дипломатических депеш - не сообщать курьеру ничего о зашифрованной корреспонденции, которую он должен доставить по назначению. Быть может, именно такое нарушение общепринятого порядка и заставило Байи заколебаться. Он без особой охоты взялся за возложенное на него поручение. Однако у Байи не было сомнений в отношении самого Ридольфи, которого он часто встречал у епископа Росса.

Узнав код, итальянец настоял на том, чтобы сам Байи зашифровал письма к «30» и «40». В показаниях Байи о том, как проводилась зашифровка, много неясностей, но, пожалуй, главное не в этом. По словам фламандца, эти письма были сложены в пакет и ему было поручено передать их коменданту французского города Кале де Гурдану, чтобы тот с первой же оказией переслал их епископу. Оставим в стороне вопрос о целесообразности вовлечения французского коменданта в интригу, которую, по словам того же Ридольфи, следовало хранить в тайне от Франции. Допустим, что де Гурдан был, с точки зрения заговорщиков, совершенно надежным человеком. Интереснее другое - выполнил ли Байи указание Ридольфи передать пакет де Гурдану? В письме к испанскому послу Деспесу от 10 мая 1571 г. Байи упоминает, что оставил пакет в Кале, не ясно только, имелась ли при этом в виду пачка с письмами к «30» и «40». Позднее, 12 октября, в письме к Сесилу Байи просто упоминает о полученном от Ридольфи приказе вручить корреспонденцию коменданту Кале, но не уточняет, выполнил ли это указание. Если Байи все же привез письма в Англию, остается непонятным, почему Тайный совет 19 сентября, уже зная шифр, настаивал на том, чтобы фламандец сообщил содержание писем к «30» и «40». Ответ на основе сохранившейся документации, по-видимому, дать невозможно.

О причинах, побудивших Ридольфи решиться на столь непонятный приказ - передать письма де Гурдану, - остается лишь гадать. Он мог, например, быть вызван и неполным доверием к Байи, и желанием доставить письма более надежным путем (если, конечно, флорентиец был тем, за кого себя выдавал, - верным сторонником шотландской королевы). С другой стороны, если Ридольфи стал агентом Сесила, он мог в последний момент пожалеть юношу, хорошо зная, какая участь ему уготована в Англии. Во всяком случае, идея оставления пакета в Кале вряд ли могла быть заранее согласована с Сесилом, хотя и это не исключено. Если же это было самовольным действием Ридольфи, легко объяснить запутанность и несогласованность в документах, оставшихся от «дела Байи», - оно развивалось не вполне так, как планировала английская разведка.

Вряд ли можно сомневаться, что Сесил заранее был поставлен в известность о приезде фламандца. Даже если исключить предположение, что эта информация была получена от самого Ридольфи, ею мог снабдить своего шефа разведчик Уильям Саттон, находившийся во Фландрии для слежки за английскими эмигрантами и для пересылки донесений от остальных британских агентов. (Эта активность Саттона находилась, в свою очередь, под пристальным наблюдением шпионов других держав, часть донесений которых об этом английском лазутчике была перехвачена его коллегами и переслана в Лондон Уильяму Сесилу.) К 12 апреля - дню прибытия Байи в Англию - У все было готово к его встрече, включая и таможенные власти, и «великомученика» Герли.

Любопытный эпизод произошел за несколько дней до этого. 8 апреля в Дувр прибыл из Франции доверенный агент Екатерины Медичи и английского правительства Гвидо Кавальканти, которому были поручены переговоры о предполагавшемся браке Елизаветы с герцогом Алансонским, младшим братом французского короля Карла IX. По приезде в

Англию Гвидо Кавальканти был сразу же взят под стражу и доставлен в дом лорда Берли, а вечером того же дня был принят Елизаветой. Французский посол предположил, что арест был произведен из предосторожности - чтобы итальянец не проболтался о ходе переговоров. Однако на других стадиях этих переговоров подобных мер предосторожности не предпринималось. Можно допустить, что таможенники в Дувре приняли Кавальканти за ожидавшегося ими Байи. Правда, вскоре освобожденный Кавальканти, когда наступило время возвращаться в Париж, отправился на корабль в сопровождении вооруженной охраны. Между тем он не вез никакого важного документа - Елизавета и ее Тайный совет снова предпочли оттянуть решение. Остается допустить, что Кавальканти увозил другие секреты, которые он должен был передать в Париж английскому послу Фрэнсису Уолсингему.

Нам уже известно, как, по версии Сесила, был задержан Байи, как были обнаружены при нем книги мятежного характера и письма и как Томас Кобгем убедил своего брата губернатора южных портов Уильяма Кобгема не пересылать подлинные письма лорду Берли. Однако стоит задаться вопросом, соответствует ли эта официальная версия действительности и не призвана ли она создать выгодное для Сесила впечатление, что министр лишь постепенно узнал о содержании писем к «30» и «40» и что, следовательно, сами эти письма отнюдь не являлись частью ловко задуманной провокации. Пытаясь ответить на этот вопрос, постараемся познакомиться поближе с главными лицами, участвовавшими в изъятии подлинных писем. Тут нам сразу же встречаются неожиданности.

Первая из них - Томас Кобгем. Этот отпрыск знатного рода, брат влиятельного дипломата, ставшего губернатором южных портов, занялся пиратством - профессией, которую елизаветинские власти терпели, пока это соответствовало их планам. Кобгем, видимо, в чем-то перешел допустимые пределы и очутился в Тауэре. В 1570 году ему удалось убедить одного из приближенных Сесила - сэра Генри Невилла - похлопотать за него перед всемогущим министром. В июле 1570 года Невилл неоднократно писал Сесилу, что Кобгем может стать разведчиком, весьма пригодным для использования на службе Ее величества, например для наблюдения за испанским послом Деспесом или за английскими эмигрантами во Фландрии. Тогда, правда, дело застопорилось: то ли у Сесила не было вакансий, то ли он не считал кандидатуру подходящей. Томаса Кобгема освободили лишь в конце 1570 года или в самом начале 1571-го, вероятно, отчасти по просьбе влиятельного военачальника графа Сассекса. (Сохранилось письмо Уильяма Кобгема к Сассексу с выражением благодарности за то, что тот соизволил принять Томаса на службу.)

Судя по всему, Томасу Кобгему было поручено наблюдать за перепиской Норфолка, находившегося уже с октября 1569 года в Тауэре. Свою работу Кобгем совмещал с одалживанием денег под поручительство Норфолка, которому и пришлось потом удовлетворить претензии кредиторов. Судя по показаниям секретаря Норфолка - Хикфорда, Кобгем занимался не только переправкой писем к Норфолку и Лесли, в частности от Ридольфи, но и выведыванием любой информации о планах и действиях противников Сесила. О причинах столь неумеренной любознательности нетрудно догадаться, хотя надо оговориться, что, по-видимому, не сохранилось письменных доносов Томаса Кобгема Сесилу.

Томас Кобгем действовал не в одиночку. В официальном рассказе о поимке Байи сообщается, что просьбу Томаса Кобгема переслать захваченные письма епископу Росскому активно поддержал присутствовавший при этом некий Фрэнсис Берти, состоявший в свите прелата. Берти вызвался отнести их епископу. Уильям Кобгем согласился, но запечатал пакет своей печатью и поставил условие, чтобы пакет вскрыли в его присутствии. Не лучше ли было тогда просто самому отнести их послу Марии Стюарт, не прибегая к услугам Берти? Между тем поведение Берти, в том числе и его тесная связь с Уильямом и Томасом Кобгемами, возбуждает сильное подозрение, что и он являлся соглядатаем лорда Берли.

И наконец, сам лорд Уильям Кобгем. Он совершил, если верить официальной версии, тяжкое преступление, сотрудничая с иностранным послом и изменниками (правда, еще не объявленными таковыми) против собственного правительства и обманывая главного

министра королевы. Берли, бывало, прощал своих врагов, если они не были ему опасны, однако он не знал снисхождения к участникам заговоров против Елизаветы. Правда, Уильям Кобгем подвергается наказанию, но как раз такому, как если бы он совершил не действительное, а лишь видимое преступление, которое нужно было скрыть. Губернатор был арестован, но содержался под стражей в доме лорда Берли. 19 октября 1571 г. Сесил писал графу Шрюсбери (которому Елизавета приказала стать тюремщиком Марии Стюарт): «Милорд, Кобгем находится как арестант в моем доме, иначе его надо было бы заключить в Тауэр. Я очень любил его и поэтому огорчен совершенным им преступлением». Правда, позднее Уильяма Кобгема все же перевели в Тауэр, но на короткое время. Заключение могло быть совсем несуровым: в главной государственной тюрьме были самые различные помещения - от холодных темных казематов до комфортабельных дворцовых помещений, в которых временами поселялись сама королева и ее придворные. А после освобождения... Кобгем вернулся на свой пост губернатора южных портов, на котором вряд ли бы сохранили действительного сообщника Марии Стюарт и Норфолка.

Надо признать, что эти ссылки Эдвардса на благосклонность Берли к Уильяму Кобгему выглядят внешне очень убедительными, но только внешне. Дело в том, что в истории елизаветинского правительства и в действиях того же Сесила можно найти немало подобных «нелогичных» поступков, которые кажутся такими только из-за незнания обстоятельств, обычно вообще не отраженных в сохранившихся документах, но влиявших на поведение политических деятелей. В данном случае многие факторы могли побудить Берли посмотреть сквозь пальцы на проступок Кобгема. Кто знает, может быть, причиной являлась расстановка сил при дворе или стремление хитроумного министра, имея столь сильный козырь против Кобгема, превратить в свою креатуру такое немаловажное лицо, как губернатор южных портов.

Задачей секретной службы лорда Берли, как считает Эдварде, было подбросить опасные письма епископу Росс-кому, при этом таким образом, чтобы для него самого и впоследствии для всех было несомненным, что именно шотландец проявил инициативу в добывании роковой корреспонденции. С этой целью и была разыграна комедия, главными участниками которой стали трое - братья Кобгема и Фрэнсис Берти. Как видно из показаний епископа Лесли, он легко попался на приманку. Что же касается происхождения самих писем, то здесь допустимы различные предположения. Это могли быть действительно письма Ридольфи, действовавшего в качестве агента Марии Стюарт. Это могли быть послания, написанные итальянцем под диктовку Сесила (если Ридольфи стал агентом английской секретной службы). Наконец, не исключено, что Байи не привез вообще никаких писем (не получив их вовсе или оставив в Кале). В первых двух случаях ведомство Сесила либо скопировало письма перед отсылкой их Лесли, либо же сохранило оригиналы, а послу Марии Стюарт отослало копии. Как бы то ни было, эти письма епископ, по всей видимости, получил непосредственно из рук... агентов Берли. Правда, Лесли не был ни глупцом, ни новичком в тайной войне и мог легко заподозрить ловушку. Поэтому были приняты меры, чтобы как-то объяснить неожиданное согласие Уильяма Кобгема пойти на обман лорда Берли. Поэтому также Уильям Кобгем первоначально заявил, что готов согласиться на подмену писем, если в корреспонденции, привезенной Байи, не содержится чего-либо, направленного против интересов королевы, а лишь малозначительные сведения, например денежные счета. Томас Кобгем утверждал зато, что он попросту украл письма к «30» и «40», пока его брат отвернулся, допрашивая Байи (в этом брат губернатора очень старался убедить Роберта Хик-форда, секретаря герцога Норфолка).

13 апреля 1571 г. Байи был помещен в лондонскую тюрьму Маршалси, где он познакомился с Герли (который как раз в апреле получил назначение на свой пост тюремного шпиона) и при его помощи поддерживал переписку с епископом Лесли, пока тот не был 14 мая арестован на основании данных, которые содержались в этой корреспонденции. Герли не только передавал письма Байи и ответы на них для снятия копий в ведомство лорда Берли. Герли посылал своему хозяину подробные донесения (они

сохранились). Из них вряд ли можно вычитать, что Герли считал провокацией весь «заговор Ридольфи», хотя отдельные фразы как будто и наводят на мысль, что некоторые сведения ему были известны еще до того, как он их выудил у Байи. Не будет неоправданным предположение, что Герли было предписано держать язык за зубами даже в секретных донесениях. Руководители елизаветинской разведки, безусловно, придерживались правила, что некоторые вещи вообще нельзя доверять бумаге. Да Герли и прямо-пишет, что кое-что хотел бы сообщить Сесилу устно и просить об аудиенции. Несомненно, что Герли в своих донесениях сознательно притворяется незнающим.

Незадолго до перехода на «работу» в Маршалси Герли послал отчет о ряде лиц, использовавшихся епископом Роским для связи с его шотландскими единомышленниками. Удалось перехватить и письма, адресованные Лесли, эту корреспонденцию Герли добыл с помощью шотландца Уильяма Бартлета. Между тем, когда тот же Бартлет был направлен епископом Джоном Лесли в Маршалси для связи с Байи, Герли предпочитал описывать встречи и беседы со своим коллегой по ремеслу так, как будто тот действительно был неприятельским лазутчиком. В частности, Герли сообщал с серьезным видом, что, по словам Бартлета, Томас Кобгем является «ближайшим и тайным другом епископа». Бартлет взял на себя задачу доставлять письма от Байи к Лесли и от посла к Байи, а потом и к Герли, облегчая тем самым работу «великомученика». Последний же, освещая в донесениях это вполне разумное «разделение труда», дополняет его описанием того, как он, чтобы произвести впечатление на Бартлета, потрясал своими цепями и как шотландец рыдал от сочувствия, а потом, изложив эту историю епископу, рассеял его сомнения в надежности «узника». Таким образом, нельзя принимать все в тайных донесениях Герли за чистую монету: что-то писалось явно не для Уильяма Сесила, а для тех, кому тот захочет показать эти донесения, будь то члены Тайного совета или будущие участники суда над Марией Стюарт и Норфолком, или сама королева.

Между прочим, эпизод с Бартлетом показывает, насколько прочной была сеть наблюдения за Байи, через которую не удавалось прорваться ни одному подлинному посланцу. 16 апреля такую попытку сделали Макинсон из свиты Лесли и служащий испанского посольства Мельхиор. Оба они были арестованы. Мельхиора выпустили через 10 дней, а Макинсон отсидел два месяца. Находясь в тюрьме, Макинсон, не первый поддавшийся чарам Герли, предложил его в качестве посредника для связи между Байи и епископом. Попытки Байи наладить связь помимо Герли сразу же окончились неудачей; до Лесли просто не дошло письмо, в котором фламандец предлагал новые пути для пересылки корреспонденции. Наконец, еще одно важное обстоятельство. По признанию Байи, он в переписке с епископом использовал шифр, переданный ему Герли. Иначе говоря, Герли и его хозяин могли делать любые нужные им добавления к этим письмам (техника, впоследствии широко использовавшаяся секретной службой лорда Берли). Остальные эпизоды «дела Байи», часть из которых уже известна читателю, - неосторожность Герли, которая раскрыла глаза Байи, трюк с «доктором Стори» - можно оставить в стороне, так как они, по-видимому, не могут помочь в решении интересующей нас загадки - истинной подоплеки «заговора Ридольфи». С этой целью придется оставить Байи и посмотреть, чем во время тюремного заключения фламандца занимался посланный его в Англию Роберто Ридольфи.

Проездом через Францию Ридольфи добрался до Рима. Папа Пий V, ярый ненавистник Елизаветы, благосклонно встретил своего «тайного нунция» и дал убедить себя в реальности планов вторжения. При этом оставался в тени тот факт, что оба предполагаемых главы восстания - шотландская королева и Норфолк - находились в заключении. К тому же Мария Стюарт была иностранкой и католичкой, которая могла и не найти достаточного числа приверженцев. Герцог же по своим личным качествам совсем не подходил для роли вождя, а как протестант вполне мог и отказаться от участия в выступлении католиков.

Сменив сомнительные верительные грамоты от этих лиц на не вызывающие никаких сомнений рекомендательные письма Пия V, Ридольфи покинул «вечный город» и в начале июля прибыл в Мадрид. К этому времени сведения о «заговоре Ридольфи» уже достигли

иностранных столиц. Тем не менее Ридольфи не поостерегся направить Марии Стюарт и Норфолку письма, хотя было очевидно, что эти послания почти наверняка будут перехвачены английской разведкой. В письмах прямо ничего не говорилось о заговоре, но содержались туманные намеки. Одно то, что флорентиец отправлял письма, явно не несущие ничего, кроме вреда, их адресатам, способно породить сомнения в его истинных намерениях.

В Мадриде Ридольфи встретил теплый прием у Филиппа II, который даже не хотел прислушиваться к предостережениям испанского посла в Риме Хуано Сунига и герцога Альбы. Отметим кстати, что, когда флорентиец находился в Мадриде, мысль, не является ли он шпионом лорда Берли, пришла в голову Филиппу II и его советникам (за четыре столетия до историка Ф. Эдвардса). Но это подозрение было вскоре отброшено. Со своей стороны, Ридольфи, учитывая точку зрения Альбы - что для успеха заговора необходимо убийство Елизаветы, - составил план покушения, осуществление которого предполагал поручить офицеру испанской армии в Нидерландах маркизу Вителли. Поставим вопрос: поступил бы так британский агент, не будучи даже уверенным, что ему удастся известить лорда Берли об окончательном решении испанских властей по поводу этого плана? Иначе говоря, независимо от своих намерений этот разведчик мог оказаться организатором не мнимого, а действительного покушения на королеву. Стоит добавить, что Вителли вскоре посетил Англию и встретил любезный прием при дворе. Явных данных об участии этого офицера в заговоре, по-видимому, не существует.

Это не значит, однако, что планы Ридольфи были отвергнуты. Напротив, Филипп в конце концов санкционировал намерение организовать убийство Елизаветы. Когда Альба попросил снова прислать Ридольфи в Брюссель, Филипп не возражал, и 11 сентября флорентиец отправился в обратный путь. К этому времени он уже не мог не знать о полном раскрытии заговора. Новая встреча Альбы с Ридольфи в конце сентября лишь убедила герцога в справедливости его крайне низкой оценки и умственных данных итальянца, и возможностей заговорщиков. Как сообщал Альба, Ридольфи лишь повторял как попугай заученный урок и не мог ответить ни на один из дополнительных вопросов. Альба считал несомненным, что Норфолк даже не заводил речи о своих планах с друзьями, которые якобы ему преданы. Альба не стал скрывать своего презрительного отношения к итальянцу, и тот в ноябре уехал из Брюсселя в более благосклонный к нему Рим, где многократно объяснял, что причиной неудачи всего предприятия была враждебность испанского наместника в Нидерландах. Бесспорно, что позицию Альбы нельзя сбрасывать со счетов при решении загадки, какую представляет «заговор Ридольфи».

Возвращаясь на английскую почву, надо ясно представить себе положение, в котором находились главные участники заговора. Содержавшиеся под стражей Мария Стюарт и Норфолк, а также епископ Росский и испанский посол Деспес по крайней мере с марта 1571 года были фактически полностью изолированы друг от друга. Вся переписка между ними находилась под строгим контролем, и это было им отлично известно. Не менее очевидной была опасность, связанная с попыткой вести секретную корреспонденцию. Связь поддерживалась лишь при посредстве тех, кто имел доступ ко всем четырем лицам. Таких людей было очень немного. Заслуживают упоминания бывший секретарь герцога Норфолка Уильям Баркер (о нем ниже) и, главное, сам Роберто Ридольфи. Иными словами, каждый из главных участников заговора мог узнать о планах других трех только из того, что об этом сообщит ему Ридольфи (или Баркер)<sup>6</sup>. Поэтому, если Ридольфи по тем или иным соображениям излагал бы не то, что он услышал, а нечто совсем иное, все заговорщики неизбежно должны были стать жертвами ложной информации, которую они никак не могли проверить. Следовательно, в показаниях каждого заговорщика нужно четко различать две части: во-первых, то, что относится к его собственным действиям, а во-вторых, все, касающееся его сообщников. Первая часть показаний говорит о реальных фактах, известных участнику заговора, которые он мог либо утаивать, либо изображать в ложном свете. Что же касается второй части, то в ней речь идет лишь о сведениях из чужих (и, возможно, лживых) уст.

В своих показаниях каждый заговорщик старался преуменьшить свою роль, перекладывая главную ответственность на чужие плечи. Однако такой рисуется картина, пока мы исходим из предположения, что заговорщик - например, Джон Лесли - получал в основном правильную информацию о планах своих сообщников. Но из того, что мы уже узнали о Ридольфи, такое предположение кажется по меньшей мере не единственно возможным. Если же допустить, что все четверо главных заговорщиков получали ложную информацию, то картина разом меняется. В этом случае утверждение каждого из них о том, что он лично и не собирался просить об испанской интервенции для свержения Елизаветы, может означать большее: заговора вообще не было, а его мнимых организаторов лишь убедил в его существовании провокатор Ридольфи. Конечно, возможно, что истина лежала посередине: велись какие-то подозрительные разговоры, которые секретная служба лорда Берли превратила в форменную государственную измену.

Как же, однако, относиться к признаниям епископа Лесли, который вначале неохотно, а потом с такой торопливостью давал в Тауэре показания? После недолгого заперательства Лесли стал с большой готовностью сообщать все, что ему было известно о заговоре. А знал он об этом со слов Ридольфи. При этом Лесли настаивал, что он лично считал желательным лишь получить через посредство Ридольфи финансовую помощь от папы и других государей для борьбы с шотландскими противниками Марии Стюарт. Все же остальные планы исходили от других заговорщиков и стали известны ему через посредство того же Ридольфи. Лесли «топил» свою госпожу и Норфолка прежде всего в страхе за свое собственное благополучие. Однако наряду с этим полную капитуляцию прелата ускорили утверждения допрашивавших его судей о том, что остальные обвиняемые, включая арестованных друзей Норфолка, уже полностью во всем признались, причем в ущерб его, епископа Лесли, интересам. Эта довольно банальная уловка в XVI веке, быть может, еще была полицейской новинкой. Не менее важно, что для Лесли стали очевидны полная осведомленность властей о заговоре и бессмысленность дальнейших отпирательств в свете того, что его показания не будут поставлены ему в вину. Сесил к тому же дал обещание, что они не будут использованы и против других подсудимых (понятно, что оно было сразу же нарушено).

Конечно, реальные признания Лесли весьма отличались от изложенных им в «Апологии», написанной уже после отъезда из Англии. Нет нужды особенно доверять этой «Апологии», чтобы критически подойти к сохранившимся протоколам допроса. Часть из них не подписана Лесли и имеет только подтверждающую пометку Сесила. Один из членов Тайного совета, проводивших следствие, - сэр Томас Смит - впоследствии сам признавался Сесилу, что подделал подпись Норфолка на протоколе, который герцог отказался подписать. А с Лесли дело обстояло проще, и получить его подпись не составляло особого труда.

Лесли сообщил все известное о заговоре - со слов Ри-дольфи. Впоследствии то же сделали другие обвиняемые, так что их показания внешне казались независимыми и подтверждающими друг друга свидетельствами о подготовке этого заговора. 8 ноября 1571 г. Лесли с разрешения властей написал письмо Марии Стюарт, из текста которого следовало, как само собою разумеющееся, что королева активно /участвует в заговоре. Сообщалось также, что ему, Лесли, пришлось признаться во всем. Мария Стюарт даже сочла, что епископа насильно заставили написать это письмо.

Однако не следует забывать, что все эти признания Лесли относятся к осени 1571 года, а летом власти, если верить официальной версии, еще не могли ни прочесть зашифрованных писем Ридольфи, ни определить, кто скрывался под числами 30 и 40. Впоследствии на процессе Норфолка 16 января 1572 г. генерал-прокурор Джерард заявил: «Никому никакими усилиями не удалось обнаружить это, пока тайна не была раскрыта богом посредством чудесной случайности». Этой «чудесной случайностью» была посылка с купцом Томасом Брауном из Шрюсбери зашифрованных писем и денег для шотландских лордов - сторонников Марии Стюарт. Раскрытие кода, которым были написаны эти письма, показания слуг герцога позволили отождествить Норфолка с неизвестным «40». Именно обнаружение писем и привело к возвращению Норфолка в Тауэр (до этого он содержался под домашним

арестом).

В этом эпизоде прежде всего бросается в глаза то, что к пересылке денег и крайне секретных писем было привлечено много людей - не менее пяти человек. Зачем было в письмах снова обозначать герцога числом 40, подвергая его смертельной опасности, когда можно было заранее договориться о любом другом знаке? Вызывают недоумение и действия Брауна: он не только сразу же определил, что в мешке не 50 фунтов серебром, как сказал ему Хикфорд, а много золота (это можно объяснить опытом купца), но немедленно поспешил доставить свой груз членам Тайного совета. Хикфорд не был хорошо знаком с Брауном, и непонятно, как он мог вложить в мешок письма такой важности и столь опасные для их отправителей. Вопрос в том, действовал ли Браун по предварительному сговору с секретной службой или по собственной инициативе. Первое предположение вероятнее. (Что купец, возможно, был шпионом Берли, предполагали еще в прошлом веке - например, Ж. Готье в своей трехтомной «Истории Марии Стюарт»<sup>7</sup>.) Еще более правдоподобной выглядит версия о том, что письма - или по крайней мере некоторые из них, уличающие герцога в государственной измене, - были вложены в мешок лишь после того, как он попал в руки властей.

Чтобы пролить дополнительный свет на эту запутанную историю, следует познакомиться еще с одним персонажем - Уильямом Баркером, пожилым человеком, бывшим секретарем герцога, сохранившим его доверие. Баркер проявлял в это время куда большую активность, чем Роберт Хикфорд, который был к тому же серьезно болен. Именно Баркер дал наиболее убийственные показания против Норфолка. Возможно, это смягчило Берли в отношении самого Баркера, хотя даже самые полные и чистосердечные признания не спасли от приговора к «квалифицированной казни» ни Роберта Хикфорда, ни Лоуренса Бэнистера, несравнимо меньше связанных с «заговором Ридольфи». Правда, не сохранились документы, которые позволили бы определить, был ли приведен в исполнение этот смертный приговор. В отношении же Уильяма Баркера, напротив, существует полная ясность: признавший себя на суде виновным в государственной измене и приговоренный к смерти, 2 февраля 1572 г. он получил королевское прощение. Это надо было заслужить...

Если Ридольфи несколько раз служил курьером между главными заговорщиками, то Баркер, в свою очередь, поддерживал связь между флорентийцем и его (действительными или мнимыми) сообщниками. Из показаний Хикфорда известно, что Баркер ведал перепиской герцога с Марией Стюарт. Норфолк в своих заявлениях на следствии и суде прямо указывал на Баркера как на предателя, который, в отличие от честных людей - Хикфорда и Бэнистера, давал заведомо ложные показания. (Другим лжесвидетелем Норфолк назвал Лесли, но прелат, как мы уже убедились, возможно, только повторял принятые им на веру чужие слова.) Как в случае с Ридольфи, позиция Баркера позволяла ему при желании представить каждому из главных заговорщиков намерения и планы его соучастников в ложном свете.

О том, что Баркер был правительственным шпионом, косвенно говорит тот факт, что в руки властей попали едва ли не все письма, которыми обменивались Норфолк и шотландская королева. Баркер доставил Норфолку по поручению Лесли присланные из-за границы письма Ридольфи и даже послание папы Пия V, добытое, конечно, тем же ловким флорентийцем. Норфолк не отрицал ни встречи с итальянцем, устроенной Баркером, ни получения писем от Ридольфи и Пия V, но придавал всем этим эпизодам совсем иной, смысл. С банкиром Ридольфи он беседовал в течение часа, но по чисто денежным делам, а вовсе не о заговоре и плане вторжения испанских войск. Инструкции, которые от него получил итальянец, были такого же рода. Баркер утверждал, что было не одно, а два свидания герцога с итальянцем. Норфолк отрицал это и заявил, что он был крайне разгневан, узнав, что Баркер по наущению Ридольфи и прикрываясь именем герцога установил связь с испанским послом Деспесом. Быть может, здесь Норфолк приблизился к главному «нерву» сложной игры лорда Берли. Далее, говоря о принесенном Баркером расшифрованном письме Пия V, Норфолк замерил, что из него следовало, будто это - ответ на письмо, которое герцог

и не думал посылать и которое, следовательно, было подделано и послано от его имени. Нельзя исключить того, что Норфолк здесь не лгал и снова при близился к пониманию механизма направленной против него интриги. Наконец, когда ему много раз повторили, что против него имеются совпадающие показания лиц, находящихся в заключении и не имевших возможности согласовать свои признания, герцог ответил: «Они не согласовали свои признания, направленные против меня, однако один сообщил их другому, и так эти сведения переходили у них от одного к другому».

Норфолк не отрицал и получение от Баркера расшифрованного письма Ридольфи - письма к «40». Однако, по утверждению герцога, в нем речь шла о денежной помощи, которую Альба был готов оказать Марии Стюарт. На замечание прокурора, что два свидетеля - Баркер и епископ Росский - независимо друг от друга подтвердили изменническое содержание письма, Норфолк резонно возразил, что тот же Баркер и Кэтберт, секретарь епископа Лесли, которому удалось бежать во Францию, могли, зная шифр, написать, что им вздумается. Прокурор допытывался, почему Ридольфи вообще писал герцогу. Обвиняемый возразил, что это ему неизвестно: он получал от Баркера лишь расшифрованный текст и не видел самого письма. Норфолка упрекали, что он добровольно ничего не сообщил властям. А было ли ему что сообщить? Не стоит множить примеры, демонстрирующие, что главные доказательства, которые были представлены обвинением, допускают возможность по меньшей мере двоякого толкования и, следовательно, вовсе не являются доказательствами в собственном смысле слова. Добавим лишь, что то же можно сказать и о доводах Эдвардса! Известный английский историк и экономист начала XIX века Д. Чомерс писал в книге «Жизнь Марии, королевы Шотландии», что Норфолк «признался во многом и отрицал немного». Но это произошло не сразу. Норфолк на каждой стадии следствия отрицал все, что только можно было отрицать. На последнем этапе он отрицал то, что нельзя было подтвердить документами, - содержание его секретных бесед с Ридольфи, - и в этом нашел союзника в лице историка-иезуита.

Сам процесс над Норфолком велся с явным пристрастием, нарушением законных норм, как, впрочем, и большинство других политических процессов той эпохи, целью которых было скорее устранение противника, а не выяснение доказанности инкриминируемых ему действий. Судей, которые должны были быть пэрами Англии, тщательно отобрали из числа врагов герцога, могущих выиграть от его гибели. Обвиняемому не дали времени подготовиться к защите, лишили - вопреки прецедентам - права пригласить адвоката. Показания главных свидетелей были вырваны пыткой или угрозой пытки. Елизавета разрешила подвергнуть пытке Баркера и Хикфорда. Для публики была издана специальная Декларация, оправдывавшая действия королевской комиссии, которая проводила следствие. В Декларации указывалось, что пытали только лиц, заведомо совершивших преступные деяния и не желавших сознаться, что «королевские слуги, тюремщики, обязанностью и занятием которых является управление дыбой, даже получили особое указание от тех, кто присутствовал на допросах, использовать ее настолько милосердно, насколько это возможно». Однако ряд протоколов следствия был явно подделан, допросы велись так, чтобы совершенно зааскировать возможную полицейскую провокацию. Стараясь ли Берли и его подчиненные (некоторые из них не могли не догадываться о возможности провокации) «для потомства», как считает Эдвардс? Ведь могли быть и более веские, с точки зрения лорда Берли, причины. Суд над Норфолком состоялся 16 января. Казнь была назначена на 8 февраля 1572 г., но в последний момент перенесена по указанию королевы на 28 февраля, а потом еще раз - на 12 апреля. Елизавета явно колебалась и, быть может, была готова ограничиться приговором к пожизненному тюремному заключению, хотя за казнь Норфолка горячо ратовал собравшийся весной 1572 года парламент. Решение о казни было окончательно принято в конце мая. 2 июня, стоя на эшафоте, Норфолк в предсмертной речи снова отрицал то, что он давал согласие на мятеж, на вторжение испанцев, отверг «папу и его религию».

Английская дипломатия максимально использовала раскрытие «заговора Ридольфи»,

чтобы ослабить поддержку Марии Стюарт парижским двором, представив ее союзницей Испании. Но так и должно было быть вне зависимости от того, какой в действительности была подоплека «заговора Ридольфи». Сам итальянец потом неоднократно ходатайствовал о возмещении убытков, понесенных им ради святой церкви. Папа Григорий XIII отказал ему, а через три десятилетия точно так же поступил английский король Яков I, сын Марии Стюарт. Флорентиец неоднократно выполнял дипломатические поручения своего государя, великого герцога Тосканского, был его послом в Риме, Мадриде и Лиссабоне.

Подводя итоги, можно сказать, что нет ни одного факта, который прямо бы указал, что Ридольфи был шпионом лорда Берли, а не искренним, хотя и опрометчиво поступавшим, агентом католической церкви. О провокаторской деятельности Ридольфи свидетельствует совокупность косвенных доказательств, хотя каждый его поступок допускает различные истолкования. Несомненно, он снабжал доверившихся ему лиц заведомо ложной информацией - например, о готовности герцога Альбы немедленно послать войска на помощь восставшим английским католикам. Зачем было Ридольфи уверять Пия V и Филиппа II, что герцог Норфолк, живший и умерший протестантом, в действительности тайный католик? Эти и другие подобные утверждения Ридольфи явно вредили тем, в чьих интересах якобы действовал итальянский банкир. Между тем флорентиец, как доказывают его успехи в торговых предприятиях, был опытным дельцом, и подобного рода нелепые поступки вряд ли могли быть следствием простого недомыслия. Слабым пунктом в концепции Эдвардса является объяснение мотивов поведения Ридольфи. Арестованный в Англии итальянец мог под угрозой пытки дать какие угодно обязательства служить Берли. Но какой смысл было ему соблюдать эти обещания, рискуя навлечь на себя месть папы и испанского короля? Эдварде считал, что риск был не велик, а мотивом Являлись деньги, которые следовало получить Ридольфи от английских должников, - 3,5 тыс. фунтов стерлингов (очень большая сумма по тем временам!) - и которые иначе конфисковали бы власти. В случае смерти Елизаветы и вступления на престол шотландского короля Якова перед флорентийским банкиром тоже открывались благоприятные возможности. Удайся заговор - Ридольфи не остался бы в накладе. Безотносительно к концепции Эдвардса о факте переговоров шотландской королевы с Альбой неопровержимо свидетельствуют бумаги, захваченные еще в апреле 1571 года у сторонников Марии Стюарт после взятия ее врагами замка Думбартон. Историк-иезуит, пытаясь доказать свой тезис, стремится затушевать тождество планов Ридольфи интересам Марии Стюарт и Норфолка. Известно, что Сесил, как и сама Елизавета, в 1571 году считал, что цели английской политики могут быть достигнуты без от-, крытой военной конфронтации с Испанией, на чем настаивали позднее Лейстер и Уолсингем<sup>8</sup>. Не могла ли организация «заговора Ридольфи» привести к такой конфронтации, активизировать и Альбу, и Филиппа II, способствовать сближению Франции с Испанией? Сесил, если он спровоцировал заговор, не мог не задавать себе подобного вопроса. Историк-иезуиту удалось поставить под сомнение традиционную интерпретацию «заговора Ридольфи». Большинство специалистов продолжают придерживаться официальной версии, признавая, однако, что Ридольфи Убыл безответственным болтуном, каким его и считали Филипп II и герцог Альба, не придавая значения обещаниям и проектам флорентийца<sup>9</sup>. Можно согласиться с одним из новейших исследователей, который, не называя Эдвардса по имени, писал, что утверждение католического историка; будто Ридольфи был орудием Сесила, «остаётся и, видимо, останется недоказанным»<sup>10</sup>.

Планы Ридольфи носили явно авантюристический характер, но они могли предстать совсем в ином свете для правительства Елизаветы, чувствовавшей враждебность католической Европы. Вдобавок после убийства в Шотландии регента Мерее в январе 1570 года не было уверенности и в благожелательной позиции северной соседки Англии. Еще в 1558 году при вступлении Елизаветы I на престол старый сановник, служивший в высоких чинах еще ее отцу Генриху VIII, лорд Пейджет писал, оценивая международные позиции Англии, что имеется «естественная вражда» между ней и Францией, поэтому более чем когда-либо существует «необходимость поддерживать дружбу с Бургундским домом»

(имелась в виду испанская ветвь династии Габсбургов, иными словами - Филипп II)<sup>1</sup>. К этим мотивам добавлялась заинтересованность английского купечества в поддержании тесных торговых связей с Нидерландами, подвластными в то время испанской короне.

На протяжении 70-х годов позиция правительства Елизаветы была более благоприятна для Филиппа II, чем для восставших Нидерландов. Между тем победа испанского короля создала бы новую и крайне опасную для Англии ситуацию. Установление не только формального, но и полного фактического господства могущественной Испании над Фландрией, откуда за считанные часы можно было высадить войска на английскую территорию, наличие во Фландрии хорошо обученной, грозной армии для такого десанта создавали бы серьезную опасность. В чем же заключалась причина крайне вялого противодействия английского правительства планам Филиппа II? Объяснение надо искать не только в нежелании Елизаветы помогать «мятежникам» против их «законного» повелителя (к тому же «мятежникам», которые исповедовали крайние кальвинистские взгляды, имевшие явную антимонархическую направленность). Елизавета учитывала ограниченность английских ресурсов, очень дорожила тем, что ей удалось избавиться от долгов, что было особо впечатляющим на фоне I опустошаемых войной Нидерландов и Франции и государственного банкротства Испании. Между тем это достижение было бы наверняка сведено на нет в случае войны и вызванных ею расходов, что могло привести к росту внутренней оппозиции, в том числе и со стороны тех, кто громче всех ратовал за вооруженное отражение папистской угрозы. Елизавета считала, что компромиссный мир между Филиппом II и его восставшими подданными приведет в конце концов к эвакуации из Нидерландов испанской ] армии, содержание которой столь дорого обходилось Мадриду, и - что не менее важно - ограничит завоевательные планы французов во Фландрии (они могли стать не менее опасными, с точки зрения Лондона, чем сохранение j Нидерландов под властью испанского короля). Здесь заключено объяснение выглядевшей столь противоречиво ] английской политики, непоследовательность которой порой объясняли женскими капризами и особенностями характера королевы. Между тем она умела играть даже на распространенности мнения о непредсказуемости ее действий, запрашивая высокую цену за очередной зигзаг своего политического курса.

Подход самой Елизаветы к межгосударственным отношениям как в первую очередь к чисто мирскому делу, к которому следует примешивать религиозный фактор только по политическим мотивам, не вполне разделялся ее советниками. Это особенно относится к сочувствовавшему пуританам Фрэнсису Уолсингему, сменившему в 1573 году Сесила на посту главного министра королевы. (Общее руководство политикой правительства сохранил, однако, в своих руках Уильям Сесил, получивший титул лорда Бер-ли.) Являясь политическим главой елизаветинской разведки и тайной полиции, Уолсингем, по его собственным словам, считал, что между «Христом и Белиалом (сатаной. - Авт.) вряд ли может быть согласие»<sup>2</sup>. Иными словами - невозможны мирные отношения между Англией и католическими странами. Но было бы неверно думать, что в планы Уолсингема входило намерение военными средствами добиваться распространения протестантизма. Его позицию нельзя оценивать в отрыве от той ситуации, в которой находилась Англия перед лицом агрессивной контрреформации. Уолсингем был убежден, что предпочтительнее не дожидаться иноземного нашествия, а предупредить его собственными решительными действиями. Это очевидно следует из другого его высказывания, внешне тоже облаченного в религиозную форму: «Не может ли быть у монарха, исповедующего Евангелие, более справедливой причины для вступления в войну, чем образование конфедерации, ставящей целью выкорчевывание Евангелия и религии, которую он исповедует?»<sup>3</sup>.

## Обострение тайной войны

Постепенно усиление освободительной борьбы в Нидерландах против Испании поставило английское правительство перед необходимостью принятия важных политических решений. Давая возможность добровольцам из Англии вступить в ряды «морских гезов» и войска Вильгельма Оранского, в Лондоне вместе с тем опасались, что успехи повстанцев будут способствовать вторжению французских войск в южные Нидерланды - во Фландрию. А это, как считало английское правительство, было еще более нежелательным, чем даже победы герцога Альбы.

В начале июня 1572 года Берли составил меморандум по фландрскому вопросу, возможно предназначенный для его коллег по Тайному совету. Этот меморандум показывает, между прочим, насколько непосредственно разведка ставилась на службу текущим задачам дипломатии. В меморандуме предусматривались такие меры, как засылка агентов во Флессинген и Бриль для выяснения настроений населения и обследования оборонных сооружений, направление доверенных лиц к графу Людвигу Насаускому и в Кёльн - для определения намерений немецких князей. Одновременно фиксировалась задача определить, в состоянии ли Альба противиться натиску французов. Если бы это было так, то обеим сторонам предоставлялось право самим решать свои споры, если нет, то для избежания перехода во французские руки фландрских портов надлежало секретно сообщить испанскому наместнику о намерении Англии прийти к нему на помощь. От «кровавого герцога» следовало лишь попросить заверения, что он освободит жителей Фландрии от невыносимого угнетения и не введет инквизицию. Вскоре пришло известие о кровавой Варфоломеевской ночи в Париже, вызвавшее большое возбуждение среди английских протестантов. Разъяснения французского посла Ламота Фенелона о том, что гугеноты понесли наказание за заговор против законной власти, а не за свою веру, и его призывы к сохранению союзных отношений были встречены Елизаветой и лордом Берли очень холодно. Фенелон протестовал против тайной английской помощи бунтовщикам-протестантам Ла-Рошели.

Осенью 1572 года Берли явно стал считать желательным частичное соглашение с Филиппом II. Еще в 1568 году английские пираты захватили испанские корабли, груженные драгоценными металлами. Испанцы ответили конфискацией британского имущества в Нидерландах, а правительство Елизаветы, в свою очередь, присвоило испанскую собственность в Англии. Баланс этих обоюдных мероприятий был сведен в целом с большим дефицитом для Испании, даже если не считать «дополнительного» захвата британскими пиратами в Ла-Манше и Па-де-Кале еще многих испанских кораблей. За счет этой добычи Елизавета смогла возместить ущерб, понесенный английскими купцами, товары которых были потеряны в Нидерландах, при этом отнюдь не была забыта и королевская казна. Альба, вечно нуждавшийся в деньгах для оплаты наемных войск, распродал изъятые британские товары. Короче говоря, в результате этих операций в убытке остались лишь испанские купцы, а обе высокие грабящие стороны не видели причин для особого неудовольствия. Англичане поначалу не спешили с соглашением, которое могло бы помешать дальнейшему прибыльному промыслу их пиратских судов. Но в конце концов желание восстановить прерванную традиционную торговлю с Нидерландами взяло верх и привело к подписанию Нимегенской конвенции по этому вопросу в апреле 1573 года. Замена Альбы на посту наместника более осторожным Рекесенсом еще больше ослабила напряженность в англо-испанских отношениях, правда, только временно - слишком непримиримы были политические цели обеих держав.

Все же после заключения Нимегенской конвенции казалось, что английская политика приобретает явно происпанский крен. В июле 1574 года в Лондон прибыл в качестве посланца доброй воли испанский дипломат Бернарди-но де Мендоса. Мендосу ожидал пышный прием; он вел долгие переговоры с главными советниками королевы - Берли, Лейстером, Хэттоном. Его одаривали богатыми подарками - золотыми цепями, лошадьми и

охотничьими собаками.

Но тайная война против Испании не прекращалась, орд Берли, несмотря на участвовавшие припадки подагры, продолжал даже лично руководить английскими разведчиками, посланными за рубеж. Среди них заслуживает своего упоминания некий Джон Ли, отчеты которого сохранились в английском государственном архиве. Если верить свидетельству самого Ли, он был выходцем из среднего дворянства, солидным купцом, эмигрировавшим в Антверпен в конце 60-х годов после какого-то скандального столкновения с родственниками жены. Ли был католиком и именно поэтому